

А. С. СУВОРИН

ПИСЬМА к М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Публикация М. Л. Семановой

Письма Алексея Сергеевича Суворина (1834—1912), хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, знакомят с началом пути известного журналиста, критика, беллетриста, издателя, когда он был еще, по словам В. И. Ленина, «бедняком, либералом и даже демократом».¹ Они дают возможность понять противоречивость общественно-политической позиции Суворина, характеризуют его литературные взгляды и восприятие им русской общественной и культурной жизни 1860-х годов.

В письмах Суворина говорится о студенческих волнениях 1861 г., распространении нелегального «Колокола» и прокламаций «Велпкорусс», «К молодому поколению», о периодических изданиях различной политической ориентации, об аресте, судебном разбирательстве и гражданской казни М. Л. Михайлова, похоронах Н. А. Добролюбова, о выстреле Каракозова и последовавших за ним преследованиях и т. д. Весь этот разнообразный материал расширяет наши представления о данной эпохе.

Для создания полной, динамичной картины идейной борьбы определенных исторических периодов необходимо принимать во внимание и сложность жизненных путей тех, кто, активно участвуя в развитии отечественной культуры и литературы данного времени, прошел путь от либерализма к реакции. В. И. Ленин писал, что Суворин «историей своей жизни отразил и выразил очень интересный период в истории всего русского буржуазного общества».² В связи с этим особый интерес приобретают собственные «показания» будущего редактора газеты «Новое время», за которой закрепилось прозвище «Чего изволите».³

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 43.

² Там же.

³ В последнее десятилетие литературоведы и театроведы не раз обращались к освещению деятельности Суворина. См.: Роскина Н. А. Суворин Алексей Сергеевич. — В кн.: Краткая литературная энциклопедия,

Публикуемые письма А. С. Суворина 1861—1867 гг. адресованы его земляку-воронежцу М. Ф. Де-Пуле (1822—1885), другу и душеприказчику поэта И. С. Никитина, участнику «воронежского кружка» интеллигентов, учителю истории и русского языка в кадетском корпусе и гимназии г. Воронежа (1848—1865), а затем инспектору гимназий в Вильно и Полтаве, публицисту и критику, редактору неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей» (в начале 1860-х годов) и «Вилленского вестника» (в конце десятилетия), печатавшему свои статьи в московских и петербургских периодических изданиях: в «Современнике», «Русском слове» — в 1850-е годы; в «Русской речи», «Времени», «С.-Петербургских ведомостях» — в начале 1860-х годов; в «Русском вестнике» — в последнее десятилетие жизни. Даже перечень этих изданий в хронологической последовательности отражает политическую эволюцию Де-Пуле от либерализма к благонамеренности (в духе политической ориентации катковского журнала). Начало этой эволюции заметно уже в переписке Де-Пуле с Сувориным, хотя в это время еще не угас пафос его просветительски-краеведческой деятельности.

Одним из значительных начинаний М. Ф. Де-Пуле вместе с П. П. Глотовым был выпуск в 1861 г. разнообразного по содержанию сборника «Воронежская беседа», одобрительно встреченного читающей публикой и критикой. Сборник был составлен главным образом из работ участников воронежского кружка, возглавлявшегося историком Н. И. Второвым (1818—1865). Мысль о сборнике была подсказана М. Ф. Де-Пуле П. И. Бартеневым.⁴ Издание «Воронежской беседы» лишь одна из акций просветительской деятельности Де-Пуле. Он активно содействовал не только изучению родного края, его истории, литературы, фольклора, но и созданию в Воронеже воскресной школы, библиотеки, женской гимназии, был одним из организаторов воронежских литературных вечеров.

В 1861 г. Суворин переехал из Воронежа в Москву. Позади остались окончание Воронежского кадетского корпуса, отказ от военной карьеры, экзамен на звание учителя и педагогическая деятельность сначала в Боброве, а затем в Воронеже, первые литературные опыты. По рекомендации М. Ф. Де-Пуле к начинающему литератору обратилась с просьбой присылать корреспонденции из Воронежа редактор «Русской речи» Евгения Тур — псевдоним сестры известного драматурга А. В. Сухова-Кобылина, графини Елизаветы Васильевны Салиас-де-Турнемир (1815—1892). Увидев

т. 7. М., 1972, с. 243—244; Герасимов Ю. К. А. С. Суворин. — В кн.: Очерки истории русской театральной критики. Вторая половина XIX века. Л., 1976, с. 252—268; Твердохлебов И. Ю. Чехов и «Новое время» Суворина. (Эпизод 1886 года. Рассказ «О женщинах»). — В кн.: Чехов и его время. М., 1977, с. 284—300; Соловьева И., Шитова В. А. С. Суворин: портрет на фоне газеты. — Вопросы литературы, 1977, № 2, с. 162—199; Шалюгин Г. А. А. П. Чехов и «большая» газетно-журнальная пресса 80—90-х годов. М., 1979.

⁴ См. письмо М. Ф. Де-Пуле к П. И. Бартеневу от 6 июля 1860 г.: ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 556, л. 65. В статье И. Соловьевой и В. Шитовой «А. С. Суворин: портрет на фоне газеты» (с. 165) работа над этим сборником ошибочно приписана Суворину и Никитину.

в Суворине — авторе «Писем из Воронежа» (Русская речь, 1861, № 5, 15 января; № 18, 2 марта; под псевдонимом: В. Марков) — способного, энергичного, либерального «газетчика», она хвалит в своих письмах к нему статью «Врачи и народ» (там же, № 36, 4 мая; подпись: А. С.) и настойчиво советует переехать в Москву, стать постоянным сотрудником газеты и секретарем редакции: «Мне необходимо падо умного, дельного сотрудника под рукою. Я нашла его в Вас».⁵

Суворин опасался оставлять постоянную службу в Воронеже, которая хотя и недостаточно, но все же как-то обеспечивала семью; не хотелось и покидать воронежских друзей, группировавшихся вокруг Н. П. Второва, поэта И. С. Никитина, М. Ф. Де-Пуле. Возникали у него, несмотря на обещания Е. В. Салиас-де-Турнемир, и сомнения — найдет ли он в Москве постоянную (вслитературную) работу. Но после некоторых колебаний и горячих уговоров редактора «Русской речи» он решился на переезд и вскоре занял видное место в газете как автор и как помощник Евгении Тур в организационных делах.

«Русская речь» просуществовала всего лишь год: с 1 января 1861 по 4 января 1862 г. С № 39 (14 мая 1861 г.) газета, объединенная с другим изданием, получила новое название — «Русская речь и Московский вестник» и стала выходить под редакцией Е. М. Феоктистова; Тур оставила за собою заведование литературно-критическим отделом (в дальнейшем изложении сохраняем первоначальное наименование — «Русская речь»).

Газета своей критической направленностью, своим либерализмом и декларативным заявлением о верности «дорогой и священной памяти» Белинского, Грановского («Москва и москвичи» В. Сухарева⁶), своими суждениями о необходимости «важных и коренных преобразований в главных сторонах нашей общественной и хозяйственной жизни», а также скорейшего решения «судьбы огромного большинства нашего народонаселения» («Нынешний Рим» А. Корсака⁷), своей защитой прав учащихся средних учебных заведений («Литературное и учебное обозрение» Г. Головачева⁸) и новых веяний в университетах («Письмо из Петербурга»⁹) привлекала на первых порах внимание читателей.

Но вскоре (после манифеста об освобождении крестьян) обнаружилось, что оппозиционные настроения кружка Е. В. Салиас-де-Турнемир преувеличены, а в публикуемых в газете материалах ярко проявляется ее эклектизм: славянофильские тенденции уживаются с англоманством, демократизм с аристократизмом, выпады против «Современника» с заверениями в сохранении заветов Белинского. Художественные реалистические произведения, как очерки В. Слепцова («На выставке», «Владимирка и Клязьма»), А. Левитова («Целовальничиха», «В канун Христова дня»), стихи А. Плещеева, соседствуют с мелодраматической, рассчитанной на

⁵ Письмо Е. В. Салиас-де-Турнемир к А. С. Суворину от мая 1861 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3763, л. 19.

⁶ Русская речь, 1861, № 1, 1 января, с. 9.

⁷ Там же, № 2, 5 января, с. 24.

⁸ Там же, № 3, 8 января, с. 33—39.

⁹ Там же, № 16, 23 февраля, с. 259.

вкус непритязательного читателя беллетристической («Губернантка» О. Касторской и др.). Серьезные исследования о фольклоре и русских писателях (например, «Русские духовные стихи» Ф. Буслаева, «Пушкин в южной России. Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. Бартевева) помещаются рядом со статьями, дающими приблизительные или предвзятые оценки явлениям современной литературы. Так, например, в рецензии Евгении Тур утверждалось, что роман Достоевского «Униженные и оскорбленные» не выдерживает «ни малейшей художественной критики» (Русская речь, 1861, № 89, 5 ноября); «Обломова <...> показал Гончаров как уродливого типа, осла, чтобы сделать лучезарнее Штольца», — писал М. Ф. Де-Пуле (там же, № 29, 9 апреля).

В пору интенсивной работы в «Русской речи» Суворин приобретает опыт фельетониста, критика, публициста. Его перу, кроме «Писем из Воронежа», в которых он писал о женском образовании, народной грамотности, просветительской деятельности провинциальной интеллигенции и в то же время прописывал над «глубокостью», неустойчивостью и неприципиальностью убеждений провинциалов, принадлежат также «Библиографические заметки», «Литературные и ученые обозрения», статьи о современных писателях и поэтах (И. С. Никитине, Н. А. Некрасове, А. С. Хомякове, Н. В. Успенском), в которых он ратовал за реалистическую, демократическую литературу, за жизненные, «земные» сюжеты и поиски героя-гражданина, за наиболее эффективное воспитательное воздействие на читателя.¹⁰

Анализируя отдельные произведения и творчество писателей в целом, провинциальные сборники, издания для народа, для школ,¹¹ Суворин обычно затрагивает и общие проблемы: эволюцию русского литературного героя — от Онегина, Печорина, Рудина, Агарина к герою из народа; эволюцию изображения народа, народного быта от Новикова, Радищева до Некрасова, Никитина, Н. Успенского. Критик размышляет о принципах создания биографического очерка, о серьезной краеведческой литературе, о книгах для народного читателя, лишенных оттенков лжепародности и снобистского отношения к «низшим».

Демократические склонности и симпатии Суворина, тяготение к реалистической литературе обусловили выбор авторов и произведений в его критических работах, и они не редко перекликались с критическими статьями «Современника», хотя и не обретали того единства общественно-политической и эстетической позиции, которое отличало литературно-критические выступления деятелей этого передового журнала.

Живя в Москве, Суворин поддерживал дружеские и творческие связи с воронежцами. Особенно оживленной, содержательной и разнообразной была его переписка с М. Ф. Де-Пуле. В ней как бы продолжались откровенные воронежские беседы на общественно-политические, литературные и личные темы. Жизненные впечатления, педагогические наблюдения,

¹⁰ См.: там же, 1861, № 92, 16 ноября; № 96, 30 ноября; № 100, 14 декабря; № 103—104, 31 декабря.

¹¹ См.: там же, 1861, № 67, 20 августа; № 68, 24 августа; № 72, 6 сентября; № 75, 17 сентября; № 80, 5 октября; № 87, 29 октября.

общение с людьми, настроение — все становилось объектом письменных «бесед». Суворин, который не обрел еще уверенности в себе, жаловался на недостаток собственного образования, выражал недовольство своими литературными работами, делился меняющимися представлениями о новом окружении.

Отозвавшись было восторженно о Е. В. Салиас-де-Турнемир и ее кружке, Суворин вскоре начинает критически оценивать политическую позицию «конституционалистов» («шаткость убеждений», «непомерное самолюбие», вялость, мертвенность). Постепенно разочаровывается он и в Евгении Тур как редакторе и высказывает это резко, горячо, со свойственным ему темпераментом. Охладевает он и к газете «Русская речь», к концу 1861 г. катастрофически теряющей подписчиков.

Между тем секретарство и сотрудничество в газете, даже выпущенное порой «многописание», приносило Суворину, начинающему писателю, несомненную пользу. Работа в «Русской речи» ввела его в литературный круг, сблизила с демократической молодежью, участвовавшей в газете, — В. А. Слепцовым, А. И. Левитовым. «Бывало, — вспоминал позднее Суворин, — по почтам со Слепцовым и Левитовым мы провожали друг друга, распевая:

Долго нас помещики душили,
Становые били».¹²

У А. Н. Плещеева Суворин познакомился с Л. Н. Толстым, А. Н. Островским, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Н. А. Некрасовым, артистом Малого театра П. М. Садовским.

В конце 1861 г. Суворин послал в «Современник» рассказ «Солдат и солдатка», который был напечатан в февральской книжке журнала за 1862 г. («Чернышевский рассказ похвалил»¹³).

В начале 1862 г. «Русская речь» прекратила свое существование, и Суворин лишился постоянной работы в Москве. Приходилось жить на эпизодический литературный заработок. Суворин вновь обращается к беллетристике. Он пишет «исторические рассказы» для Общества распространения полезных книг, заканчивает ранее начатую повесть «Аленка». Ф. М. Достоевский готов был опубликовать ее во «Времени», но журнал был запрещен, и «Аленка» вместе с рассказом «Отверженный» появилась в «Отечественных записках» лишь в 1863 г.

В декабре 1862 г. Суворин переехал в Петербург, приняв предложение В. Ф. Корша стать секретарем редакции «С.-Петербургских ведомостей». Первые два года ему почти не удавалось писать:¹⁴ в газете были свои опытные критики, писатели, ученые, а главное, много времени поглощали корректура мелких газетных отделов, поездки в типографию и к цензорам.

¹² Суворин А. С. Всякие. Очерки современной жизни. Изд. 2-е. СПб., 1909, с. XI.

¹³ Дневник А. С. Суворина. М.—Пг., 1923, с. 85.

¹⁴ Свои журнальные обозрения Суворин печатает в это время в другой газете — «Русский инвалид» (за подписью: А. И—н.).

В сложной общественно-политической обстановке начала 1860-х годов Суворин пытался сохранить внепартийную позицию. «...не принадлежу по своим убеждениям, — писал он М. Ф. Де-Пуле 21 сентября 1861 г., — ни к конституционалистам, ни к красным, ни к Каткова партии, ни к партии Чернышевского, ни к партии „Времени“». Однако его собственные политические взгляды не отличались цельностью и последовательностью. В его изложении событий времени, в характеристиках идейной борьбы, в определении своей позиции заметны колебания. Так, Суворин критически относится к «власть имущим» (разврат, праздность «верхов»), оп возмущается верноподданными исполнителями («цензура свирепствует», «взбеленилась», «беснуется») и теми, кто переходит на сторону ретроградов, — угодничающими чиновникам, профессорами, журналистами. Его недовольство вызывают «конституционалисты» (Е. В. Салиас, Г. Вышинский), потому что конституция дает привилегии аристократии, тогда как Суворин, по его словам, выступает за «полное равенство перед законом, при котором ни образование, ни заслуги, ни происхождение не давали бы никому особых прав». В письмах Суворина выражаются сочувствие польским повстанцам и симпатия к деятелям «Современника» («плебеям»); он пытается защитить Чернышевского и Добролюбова от нападков реакционеров. Он проявляет интерес к оппозиционным студентам, к авторам прокламаций «Великорусс» и «К молодому поколению». И в то же время в письмах Суворина звучат дифирамбы царю («отличная личность», «добрее и лучше царя нам, конечно, не дожидаться» и др.), резкое осуждение Каракозова и выражается недвусмысленное желание отмежеваться от «нигилистов».

Именно «каракозовская история», воспринятая Сувориним как величайшее преступление, явилась толчком к его «поправению». Начало эволюции Суворина следует относить к 1866—1867 гг., и это уже тогда заметили некоторые наиболее наблюдательные из его современников.¹⁵

С «делом» Каракозова причудливым образом связалась судьба одного произведения Суворина. Речь идет о его книге «Всякие. Очерки современной жизни», 16 глав которой публиковались в 1865 г. в «С.-Петербургских ведомостях» с разрешения цензуры (под псевдонимом: А. Бобровский), а затем в несколько измененном виде и с дополнением 15 глав были подготовлены автором для отдельного издания. Книга, отпечатанная в типографии Гиблена в конце марта 1866 г., оказалась в Цензурном комитете 4 апреля, т. е. в день покушения Каракозова на Александра II.

Опасность для себя этого совпадения Суворин тотчас же понял и сделал попытку предупредить события, отказавшись от выхода книги.

¹⁵ Один из них, В. А. Слепцов, знавший Суворина, как было сказано выше, еще в пору сотрудничества в «Русской речи», в цикле фельетонов «Новости петербургской жизни» (1867) писал о превращении Суворина в Ивана Флюгаркина, лакея, пуделя: «Я вспомнил одну собаку. Это была во время своей молодости хорошая, честная и полезная собака. Но она отъелась, важирела и обратилась в косматого жирного пуделя, пользовавшегося лаской барина» (Литературное наследство. т. 71. М., 1963, с. 246; см. также с. 239, 256).

12 апреля 1866 г. он послал письмо министру внутренних дел П. А. Валуеву, в котором заверял, что имел цели «совершенно благонамеренные»: хотел соблюсти объективность, изображая социалиста Ильменьева «человеком честным, искренно преданным своим убеждениям», но тщетно пытающимся приложить их к жизни. В противоположность же Ильменьеву он показал «людей, глубоко преданных государю <...> искренно служащих ему и народу». Однако после покушения «злодея», которое «ввергло в негодование и ужас всю Россию», изменилось отношение его, как автора, к своей книге. В это трагическое время выпускать ее он считает совершенно неуместным (значило бы «подливать масло в огонь») и потому просят приостановить издание книги или уничтожить вторую ее половину.

Ответ на это письмо не последовало, хотя на нем имеется помета: «Доложено г. министру, приказал приобщить к делу. 15 апреля». Было уже поздно, официальная машина заработала. На книгу еще 6 апреля был наложен арест. По сохранившимся архивным документам,¹⁶ по газетным сообщениям и авторскому «Приложению» ко второму изданию книги (СПб., 1909) можно восстановить ход этого «дела», тянувшегося целый год. В нем отразились и смятенное состояние «верхов» после выстрела Каракозова, и двойственность политической позиции самого Суворина. С.-Петербургский цензурный комитет и Главное управление по делам печати, рассматривавшие книгу в дни интенсивной работы следственной комиссии по «делу» Каракозова (под председательством М. Н. Муравьева), когда шли массовые обыски и аресты, прежде всего стали выяснять, одно ли лицо «А. Бобровский» и «А. Суворин», не были ли они оба или один из них под судом и следствием по политическим преступлениям (какой-то Бобровский участвовал в Варшавском революционном комитете). 10 апреля 1866 г. в III отделение, шефу жандармов Н. В. Мезенцеву, был направлен за подписью М. П. Щербинина, начальника Главного управления по делам печати, соответствующий запрос. У Суворина же был сделан обыск, во время которого ничего предосудительного не обнаружилось.

В конфиденциальном письме Щербинина, к которому прилагалась копия книги «Всякие», говорилось, что в ней с симпатией изображены «нигилисты, люди осужденные <...> как государственные преступники»; что в книге имеется «точный рассказ об исполнении судебного приговора над Чернышевским, который выведен под именем Самарского», и что в целом книга «заключает в себе умышленно враждебное сопоставление классов общества, пропаганду коммунистических, социалистических и материалистических теорий и отрицает необходимость брака».¹⁷

¹⁶ Дело Главного управления по делам печати о конфискации книги А. С. Суворина «Всякие...». — ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 2, № 686, л. 3—5 (копия). Некоторые документы этого «дела» были опубликованы в кн.: Шестидесятые годы. М.—Л., 1940, с. 406—412. Литературу о преследовании книги «Всякие» см.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1825—1904. Архивно-библиографические разыскания. М., 1962, с. 54—56.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 2, № 686, л. 1—2.

Конфиденциальный ответ Мезенцева на запрос Щербинина был послан 9 мая 1866 г. В нем снималось подозрение о существовании «двух лиц», утверждалось авторство Суворина и указывалось, что он «не состоял под судом и следствием по политическим делам»; однако здесь же добавлялось, что III отделению «частным образом» известно, что «Суворин в политическом отношении крайних убеждений, и это вполне подтверждается <...> сочинением его, включающим в себя анархическую пропаганду, тем более вредную, что автор, прикрывая чрезвычайно прозрачным вымыслом очерки свои, легкостью рассказа возбуждает в читателе не только симпатии к государственным преступникам и известным под именем нигилистов личностям, но и сочувствие к проводимым ими идеям, в особенности в молодом поколении, которое, к сожалению, и без того уже заражено в большинстве разными праздными теориями».¹⁸

Еще до получения этого ответа начальник Главного управления по делам печати имел на руках «представление» С.-Петербургского цензурного комитета от 23 апреля 1866 г. (за подписью председателя А. Петрова), весьма подробно, со ссылками на страницы книги, с цитатами из нее, излагавшего мнение цензора. Основные выводы Комитета были следующими: книга «крайне вредна» по направлению мысли и выражениям; автор рисует «в привлекательном виде период времени, озаглавленный у нас политическими брожениями <...>, прокламациями, студенческими историями»; в ней с сочувствием изображены Самарский (Чернышевский), сцена гражданской казни этого «политического преступника», представленного в ореоле мученика. Показывая «в лучезарном свете» нигилистов, как героев правды и чести, автор, по утверждению Цензурного комитета, напротив, изображает всех, «кто принадлежит к сфере правительственной и служебной, или плутами и развратниками, или идиотами». «В самом неблагоприятном свете» выставлены «действия секретного полицейского надзора», обрисованы «черными красками» высшие сословия, лица, занимающие «высшие судебные должности». Книга вызывает «недоверие к власти», которая преследует и карает «революционные попытки государственных преступников», и потому выпускать ее «при нынешнем напряженном состоянии умов» было бы «крайне вредно и опасно». Цензурный комитет предлагал наложить арест на книгу Суворина, а самого автора подвергнуть судебному преследованию.¹⁹

Главное управление по делам печати сообщило Цензурному комитету 6 июня 1866 г. свое согласие с его выводами.²⁰ Дело было передано в окружной суд, который 18 августа 1866 г. приговорил книгу к уничтожению, а автора — к двухмесячному тюремному заключению. Петербургская судебная палата (по кассации Суворина и его защитника К. К. Арсеньева) 20 декабря 1866 г. смягчила наказание, заменив приговор

¹⁸ Там же, л. 15—16.

¹⁹ Там же, л. 6—13.

²⁰ Там же, л. 16—18.

суда в отношении автора трехнедельным заключением на военной гауптвахте.²¹

Судебное разбирательство, происходившее при большом стечении публики, подробно освещалось в «С.-Петербургских ведомостях», в анонимной статье, озаглавленной «Первый процесс печати в С.-Петербургском окружном суде».²² Прокурор Стадольский обвинял автора книги за изображение — вопреки закону о печати — в самом неприглядном виде агента тайной полиции и многих лиц, занимающих высшие должности в государстве, за «горячее одобрение» людей, мечтающих о заведении артелей, нарушающих принципы законного брака, а также бунтующих студентов, распространителей прокламаций и т. д. Однако прокурор отмечал, что вина обвиняемого может быть смягчена, так как первая половина книги была ранее пропущена цензурой и автор понесет большой убыток (более 400 рублей), потому что книгу необходимо уничтожить. В своей речи, длившейся почти полтора часа, защитник Арсеньев протестовал против отождествления высказываний персонажей книги с авторскими взглядами; он предлагал уничтожить книгу, но не наказывать автора.

Суворин, как подсудимый, не мог не признать некоторых обвинений прокурора, но пытался смягчить их, утверждая, что писал повесть, а не документальное произведение,²³ и что в людях «крайних убеждений» он не видел тех, кто может вести Россию вперед. Эти слова не соответство-

²¹ На заседании палаты присутствовал Н. А. Некрасов, судя по его письму к В. П. Гаевскому от 20 декабря 1866 г. Эпизод с книгой Суворина «Всеякие» послужил толчком к его стихотворению «Пропала книга».

Бог с ней, когда идея зла
Она потворствовать желала
.....
Но может быть, она была
Честна
.....
О, если так, ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия.

(Некрасов Н. А. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1948, с. 242—243; т. 11. М., 1952, с. 79—80).

²² С.-Петербургские ведомости, 1866, № 226, 19 августа; № 227, 20 августа.

²³ Между тем в последней главе «Всеяких», обращенной к читателю, было прямо заявлено: «Это вовсе не повесть, а просто заметки, отрывки из дневника». И в них названы многие подлинные фамилии (М. Н. Катков, И. С. Аксаков, Н. А. Некрасов, П. А. Шувалов и др.) или весьма прозрачно завуалированные: Всеволод Теломаров — это Всеволод Костомаров, Николай Гаврилович Самарский — Николай Гаврилович Чернышевский. В последнем случае особенно точно воспроизведены черты личности «прототипа», факты его биографии; создан положительный образ политического деятеля, авторское восприятие которого совпадает с впечатлениями, вынесенными Суворовым от знакомства с Чернышевским в июле 1862 г., за несколько дней до его ареста: «Я до этого времени не встречал такого литератора, который так всецело был погружен в политические вопросы и так горячо к ним относился» (Суворин А. С. Всеякие. Изд. 2-е, с. 314, VI).

вали действительности. В пору создания книги Суворин писал М. Ф. Де-Пуле, что «задался целью снять те черные краски, которые были положены на так называемых нигилистов такими мерзавцами, как Лесков». Теперь же, потрясенный выстрелом Каракозова и стремясь оправдать себя как автора «Всяких», он признавал, что «сгустил краски», и просил считать это не преступлением, а недоразумением, объяснял все недостатком таланта и тем, что готовил книгу к публикации до 4 апреля, когда никто не ожидал возможности такого «неслыханного злодеяния».

Позднее (в 1909 г.) Суворин писал: «Я привык любить императора, когда он был еще наследником цесаревичем <...> Покушение на жизнь императора произвело на меня сильное впечатление».²⁴ С этого времени все заметнее берут верх над юношескими симпатиями к демократическому движению монархические взгляды Суворина и его вера в возможность примирения этих взглядов с народолюбием, с неприятием сословных привилегий. Здесь можно видеть уже начало пути к «Новому времени» 1880—1900-х годов, когда Суворин, осудив некоторые «ошибочные» порывы своей молодости, например сочувствие оппозиционным студентам, будет отворачивать молодежь кануна XX в. от бессмысленного бунта, внушать ей мысль о великодушии царя и любви к нему народа, о том, что молодежь, обязанная народу и государству своим просвещением, «должна учиться и повиноваться существующей дисциплине». «В течение своей жизни, именно с 1861 г., я раз двадцать видел волнения молодежи, и всякий раз последствиями были только жертвы и жертвы», — так будет писать Суворин в 1899 г., двоедушно заверяя при этом, что выступает во имя «спасения» молодого поколения.²⁵

Ритм переписки Суворина с М. Ф. Де-Пуле был неровным. Наиболее оживленной была она в 1861—начале 1862 г. В последующие же годы интенсивность ее заметно падает. К 1867 г. переписка становится все более отчужденно-деловой, менее доверительной и эмоциональной, а затем и совсем прекращается.²⁶ Разным стал круг их интересов и увлечений; изменился и масштаб деятельности каждого из них. От участия в чужих органах — «Русской речи», «Воронежской беседе» и «С.-Петербургских ведомостях» (1863—1875) — Суворин шел к изданию собственной газеты «Новое время» (с 1876 г.) и журнала «Исторический вестник» (с 1881 г.), к широкой книгоиздательской деятельности. Из бедняка, которому для поездки в Петербург за гонораром А. Н. Плещеев одолжил пальто, он превращался в миллионера, преуспевающего дельца, стремящегося к альянсу с «предержащими властями», хотя и сохраняющего юношескую

²⁴ Суворин А. С. Всякие. Изд. 2-е, с. XVII.

²⁵ Суворин А. С. Маленькие письма. — Новое время, 1899, № 8257, 21 февраля; № 8259, 23 февраля. Последствием этих выступлений Суворина был бойкот «Нового времени» студенческой молодежью. Газета «Одесские новости», например, с сочувствием сообщала, что студенты возвращают подписку на «Новое время» и требуют не высылать этой газеты в институты и университеты (1899, № 4562, 8 марта).

²⁶ Письма Суворина к М. Ф. Де-Пуле после 1867 г. неизвестны. Письма Де-Пуле к Суворину 1861—1884 гг. хранятся в ЦГАЛИ (ф. 459, оп. 1, № 3514).

просветительскую «закваску» (издание с 1879 г. «Дешевой библиотеки» русской и зарубежной классики, книжек для пародного чтения, справочных пособий). Возникают и новые, театральные увлечения: Суворин выступает как создатель Малого театра в Петербурге.

Материальное положение, масштабы литературной и издательской деятельности М. Ф. Де-Пуле оставались до конца жизни более скромными. Что же касается его убеждений, то после юношеских (в 1840—1850-е годы) вспышек либерализма и тяготения к Белинскому Де-Пуле старался в следующие десятилетия отстаивать свою независимость как от кружка Салтыкова и его газеты, так и от «нигилистических» изданий, гордясь своим нежеланием «корчить из себя пророка».²⁷ После 1861 г. он все более эволюционировал в сторону «благонамеренности», сам себя называл «эластичным консерватором», не причастным к активной политической деятельности («я человек кабинета и письменного стола»), но на деле по многим взглядам принадлежащим к М. М. Достоевскому и М. Н. Каткову, а не к «апостолам революции», не к «красным» (т. е. не к Чернышевскому и Добролюбову). И при этом он был уверен в том, что не примет невежественных «горлопанов» из «Современника» с их «натуралистическими» сочинениями именно как «воспитанник Белинского».²⁸

Когда в период наибольшего личного контакта Суворина с Де-Пуле в обычно дружеский, доверительный тон писем врывались нотки недовольства друг другом или обиды, они сравнительно быстро исчезали. Хотя, впрочем, и тогда обнаруживались принципиальные расхождения. Суворин упрекал своего корреспондента в консерватизме, в аристократизме, в предубежденном и несправедливом отношении к «молодым», а Де-Пуле обвинял Суворина в двойственности, пропозировал над его пристрастием к «красным» и пад деспотическим стремлением обратить всех в свою «новую веру»: «Какому богу Вы молитесь?»; «Вы-то кто? Я, ей-богу, не пойму ...» По последнему письму «Вам» нужно прямо отправляться в лагерь „Современника“».²⁹ Но даже эти расхождения, приводившие на некоторое время к охлаждению, все же не разъединяли друзей. Так, после одной полемической вспышки М. Ф. Де-Пуле предлагает в письме Суворину забыть те колкости, которыми они обменялись, и вернуться «к прежнему сердечному согласию».³⁰ Казалось бы, «поправление» Суворина тем более не должно было привести к утрате дружеских привязанностей. Однако в действительности изменение идейной позиции не сблизило, а отдалило Суворина от Де-Пуле, который начинает испытывать все большее недоверие к нему как человеку.

²⁷ См. письмо М. Ф. Де-Пуле к Суворину от 14 августа 1861 г.: ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 10—11.

²⁸ См. письма М. Ф. Де-Пуле к Суворину от 11 марта 1863 г. (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 23) и к Л. Н. Павленкову от 4 января 1873 г. (ЦГАЛИ, ф. 1129, оп. 1, № 9, л. 13).

²⁹ См. письма М. Ф. Де-Пуле к Суворину от 14 и 26 сентября 1861 г.: ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 10, 12—13.

³⁰ См. письмо М. Ф. Де-Пуле к Суворину от 10 февраля 1863 г.: ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 21.

В конце 1860-х—начале 1870-х годов Де-Пуле еще отдает должное одаренности Суворина, ждет его еженедельных фельетонов («Очерки и картинки»), печатавшихся в «С.-Петербургских ведомостях» под псевдонимом «Незнакомец», или годовых выпусков его «Русского календаря». Но политическая и нравственная позиция Суворина начинает вызывать у него сомнения. Он подозревает, что Суворин, отойдя от своих прошлых симпатий к «нигилистам», все же не до конца преодолел их. «Человек он недюжинный, даровитый, притом же не могу забыть наших воронежских отношений. Человек он гнилой и, между нами, кроме гнили и ржавчины, другого следа по себе не оставит. Мог ли Никитич, так его любивший, предполагать это», — писал Де-Пуле Л. Н. Павленкову 17 декабря 1874 г.³¹

Двойственность, проявлявшаяся во взглядах молодого Суворина, все более углублялась со второй половины 1860-х годов. Постепенно двуличие, двоедушие становится его подлинным лицом. По воспоминаниям близко знавших Суворина, он обладал способностью быть искренним, свободным в данный момент (что привлекало к нему многих честных и чистых людей). Но это не исключало разительного изменения его суждений, симпатий и антипатий в другой, следующий же за этим момент.

Суворин — знаменательное порождение динамической эпохи ломки, становления буржуазной действительности, взлета демократического движения 1860-х годов и его кризиса в конце десятилетия, поисков пути «семидесятниками» и наступившей в 1880-е годы реакции.

В личности, во взглядах, в окружении, в судьбе Суворина несомненно много парадоксального. Внук крепостного крестьянина, сын офицера, получившего этот чин и личное дворянство за собственные заслуги, бедняк, променявший военную карьеру на положение уездного учителя, газетчика, «выбившийся» в миллионеры и «сильные мира сего». В одном человеке совместились, казалось бы, несовместимое. Умный, одаренный, эрудированный критик, публицист, стремящийся к независимости, духовной свободе, — и приспособляющийся к изменчивой атмосфере времени, угодничающий перед властями издатель «Нового времени». Знаток литературы и театра, страстно в них влюбленный, человек, искренно сочувствующий народному просвещению, — и коммерсант, наживающий капиталы на книге и газете. Противник «шатких» убеждений — и «гибкий» политик; человек, наедине с собою и в частных беседах критикующий «основы», — и публичный их охранитель.

³¹ ЦГАЛИ, ф. 1129, оп. 1, № 9, л. 141. См. также письма Де-Пуле к Л. Н. Павленкову от 4 января, 17 апреля, 22 ноября 1873 г., 2 и 20 февраля 1874 г., 6 февраля 1875 г.: там же, № 9, л. 13, 16, 33, 70, 82, 84, 150. Тлетворное влияние «нигилизма» видит Де-Пуле и в трагической гибели жены Суворина — А. И. Барановой, в чем сказалось пагубное влияние на нее эмансипации, которой содействовал Суворин. Усилившееся недовольство Сувориным, далеко не всегда справедливое, не помешало, однако, Де-Пуле в 1880-е годы обращаться к нему с просьбами (поместить статьи в «Новом времени», «Историческом вестнике») или высказывать похвалы суворинской драматургии.

Современник Суворина — А. В. Амфитеатров, не отрицавший двойственности, «скользкости» его характера, вспоминает, что даже в то время, когда деятельность Суворина «устремилась в правительственный фарватер» и была подчинена националистическому девизу («Россия для русских»), в «старике» сказывалась «шестидесятная закваска», нередко «среди разговора вспыхивал вдруг ярким огнем радикал-шестидесятник».³²

Способность (при «эластичности» взглядов) быть искренним в каждый отдельный момент, убежденность в своей независимости, энергия мысли и чувства, талант собеседника, критика, публициста — все это привлекало, а порою гипнотизировало современников, даже обладавших достаточной трезвостью в оценке его. С Сувориным поддерживали отношения Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, хотя и не обольщались его свободолобием. Достоевский даже поставил однажды суворинские «либеральные фельетоны» рядом с болгарскими («та же самая крепкая опора сзади»), но, видя в них недостатки («декламация»), не соглашаясь со многим, все же отдавал должное уменью автора захватить читателя в плен: «ругая почти за каждый его фельетон», он «ужасно», по его словам, любил читать его фельетоны.³³

Бывший петрашвец А. П. Плещеев, не разделяя позиции «Нового времени», писал, что в этой газете «одип только человек — Суворин, с которым можно быть близким».³⁴ В Суворине признавали чуткого ценителя искусства. И. Н. Крамской, например, считал, что так, как Суворин, «никто у нас не говорил о живописи».³⁵ В. М. Гаршин, по его словам, был «счастливым» тем уже, что его первые литературные опыты были одобрены «таким хорошим ценителем, как А. С. Суворин».³⁶

А. П. Чехов, сохранявший в течение ряда лет личную дружбу с Сувориным, считавший его «замечательным человеком нашего времени», умным, опытным и талантливым, обладавшим редкой чуткостью, даром обнаруживать «всякого рода галанты», был заинтересован в мнении Суворина, когда работал над «Дуэлью», «Рассказом неизвестного человека», «Черным монахом», «Ивановым», «Лешим».³⁷

Чехов верил в искренность либеральных разговоров Суворина (кстати говоря, у него Чехов читал «Колокол» и другие запрещенные газеты и книги),³⁸ в его недовольство «Новым временем» (В. Г. Короленко записал в своем дневнике: «Чехов рассказывал мне, что Суворин иногда рвал на себе волосы, читая собственную газету»³⁹). Он убеждал Суворина, что

³² Амфитеатров А. Антон Чехов и А. С. Суворин. — Русское слово, 1914, № 151, 2 июля.

³³ Незданный Достоевский. Записная тетрадь (1875—1876). — Литературное наследство, т. 83. М., 1971, с. 382, 418.

³⁴ Письмо А. Н. Плещеева к А. П. Чехову от 31 декабря 1888 г., см.: Литературное наследство, т. 68. М., 1960, с. 340.

³⁵ Новое время, 1909, № 11840, 27 февраля.

³⁶ Письмо В. М. Гаршина к Р. В. Александровой от 26 марта 1876 г., см.: Литературное наследство, т. 87. М., 1977, с. 226.

³⁷ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 1. М., 1974, с. 202; т. 2, с. 17, 32, 203, 207, 215; т. 3, с. 94, 119; т. 4, с. 190.

³⁸ Там же, т. 2, с. 217; т. 3, с. 205.

³⁹ Короленко В. Г. Дневник, т. IV. Полтава, 1928, с. 172.

либерализм ему больше «к лицу»: «Либеральное Вам всегда чрезвычайно удается, а когда пытаетесь проводить какие-нибудь консервативные мысли или даже употреблять консервативные выражения (вроде: «к подножию трона»), то напоминаете тысячепудовый колокол, в котором есть трещина, производящая фальшивый звук».⁴⁰ Замечаемая Чеховым двойственность Суворина долгое время воспринималась им как «бесхарактерность», в которой, однако, он видел нечто весьма опасное. И. Л. Щеглов-Леонтьев записал в своем дневнике слова Чехова: «Я очень люблю Суворина, оче-
печь, но знаете ли <...> бесхарактерные люди подчас в серьезные минуты жизни бывают вреднее злодеев».⁴¹ Во второй половине 1890-х годов (особенно в связи с делом Дрейфуса) Чехов увидел в истинном свете двоедуш-
ные Суворина и окончательно разошелся с ним.

Объективности ради следует, однако, сказать, что наименьшему изменению у Суворина подверглись его эстетические принципы; обычно он не подчинял их своим «гибким» политическим убеждениям и не подходил к художественному произведению с меркой политического утилитаризма. С первых до последних своих литературно-критических выступлений (о чем свидетельствуют письма к М. Ф. Де-Пуле, А. А. Скальковскому,⁴² Е. М. Феоктистову⁴³ и др.) Суворин был сторонником реализма, завоевавшего, по его словам, «поле, с которого его не собьешь», и приветствовал произведения, отвечающие нравственным потребностям человека. Крайности же натурализма, как и крайности пуризма, исключавшие из искусства «грязные» сферы жизни, не находили у него поддержки.

В этом плане весьма характерны эпизоды, связанные с публикацией в «Новом времени» романа Золя «Нана» и рассказа Мопассана в обработке Л. Толстого «Франсуаза». Роман был напечатан одновременно в газетах «Новое время» и «Новости». Однако внимание было обращено на публикацию «безнравственного» произведения Сувориным. Он подвергался нападкам в печати и в письмах читателей. Одно из них по распоряжению Лорис-Меликова было переслано Суворину А. А. Скальковским. Суворин решительно отверг выдвигнутые обвинения в печатании «Нана» и романа Н. Н. Лебедева (псевдоним — Н. Морской) «Содом» ради коммерческой выгоды. Он приводит в своем письме к Скальковскому от 18 мая 1880 г. цифровые данные розничной продажи и делает вывод: «Только политические события увеличивают тираж нумеров, да еще хорошая летняя погода». Приведем некоторые из указанных им цифр: номер с «Нана», от 4 февраля, вышел тиражом в 4979 экземпляров, а номер от 6 февраля, с кратким известием о взрыве Зимнего дворца, — в 5093 экз., номер от 7 февраля, с более подробным известием о взрыве в Зимнем дворце, —

⁴⁰ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 5, с. 258.

⁴¹ Литературное наследство, т. 68. М., 1960, с. 488.

⁴² Скальковский Александр Аполлонович (1808—1897) — историк, ка-
мергер, служивший в пору «диктатуры сердца» в канцелярии М. Т. Лорис-
Меликова.

⁴³ Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1898) — редактор «Русской
речи и Московского вестника» во второй половине 1861 г.; в 1883—1896 гг.
начальник Главного управления по делам печати. См. его «Воспоминания.
За кулисами политики и литературы. 1846—1896» (Л., 1929).

в 7064 экз. Самый же «большой тираж для отдельной продажи в нынешнем году был на другой день покушения на жизнь графа Лорис-Меликова, именно 10 781».⁴⁴

Защищая воспроизведение в художественных произведениях правды жизни, Суворин утверждает, что современная литература неизбежно должна показывать «все падение нравственности», и приводит в доказательство этого тезиса много фактов из быта высшего общества: «В литературе и жизни повторяются явления конца XVIII века: проповедь новых идей и рядом с ними половой разврат в жизни и в литературе, но тогда литература не умела анализировать, не овладела физиологией и прибегала к гравюре; теперь бесстрастно рисует то, что происходит в жизни». И Суворин напоминает: «На Гоголя кричали, что он рисует грязь, самые низменные инстинкты, но в общественной жизни Гоголь сделал то же, что *Sola* делает в домашней и интимной».⁴⁵

Суворину пришлось объясняться и с печальником Главного управления печати Е. М. Феоктистовым, на этот раз уже в связи с «Франсуазой», напечатанной в «Новом времени» в 1891 г. (№ 5363, 2 февраля). Суворин отказался признать это произведение возбуждающим дурные мысли и инстинкты. «Помещая рассказ Мопассана, — писал он Феоктистову 6 февраля, — я думал, что дело не в описании публичного дома — оно бывало в русской литературе даже у Гоголя («Невский проспект»), а в том впечатлении, которое производит рассказ. Впечатление это трагическое, страшное, а потому, смею думать, нравственное». «Я знаю, — продолжал Суворин, — рассказ Чехова в „Сборнике в память Гаршина“⁴⁶ где притон разврата изображен гораздо подробнее и лучше и где опять впечатление нравственное, хотя и не такое сильное, как в „Франсуазе“» (в подлиннике рассказ называется «Le port»)⁴⁷.

Письма А. С. Суворина к М. Ф. Де-Пуле публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 569, № 587, л. 1—55).

1

6 июля 1861 г. Сокольники.

Дорогой Михаил Федорович, как Вы поживаете себе там, как Таиса Николаевна,¹ Ваш брат,² вся *братия* наша.³ Как здоровье Ивана Савича?⁴

Я живу у графини в Сокольниках.⁵ Женщина эта — просто восторг. Она уже старая, сильно старая и нехороша собой; но лицо довольно оригинально и удивительно подвижно. Говорит много и говорит хорошо, вдохновится же если, то просто вся изменится,

⁴⁴ ИРЛИ, № 8676—8677, л. 2—3.

⁴⁵ Там же, л. 1—6 об.

⁴⁶ Речь идет о рассказе А. П. Чехова «Припадок», опубликованном в кн.: Памяти Гаршина. СПб., 1889.

⁴⁷ ИРЛИ, № 9074, л. 21—22 об.

и говорит необыкновенно страстно. Я присутствовал часто при спорах ее с Лесковым,⁶ который приехал было на неделю в Сокольники, заболел сильно и остается при редакции «Русской Речи» за 1200 рублей серебром в год — он будет вести внутреннее обозрение.

Своим письмом к графине, в котором Вы упоминали обо мне, Вы поставили меня в затруднительное несколько положение и вместе с тем помогли мне.⁷ Как только я явился к ней, она сказала мне, что плату прибавит, а через день потом объявила, что будет платить мне, когда я перевезу свое семейство, 75 руб. в месяц, значит 900 руб. в год. Кроме того, она предлагает мне место своего секретаря с жалованьем 300 руб. На 1200 руб. можно прожить как-нибудь, но если взять секретарское место, то нечего думать о службе. Я знаю так мало, что мне необходимо много учиться, и если служить, то служить после. Но все это еще вилами писано — я не знаю, останусь ли я в Москве, положительно не знаю. «Русская Речь» имеет в нынешнем году 12 тысяч убытку, она может не пойти и в следующем. Я делать почти ничего не могу, по крайней мере до тех пор, пока чему-нибудь не выучусь, — а до того времени значит я должен буду брать деньги почти даром. Ведь это неблагоприятно, чтоб не сказать больше. Графиня говорит, что я могу писать в политическом отделе, но могу ли, во-первых, а во-вторых, у ней для этого отдела уже есть сотрудники, именно 2, а больше и не нужно — я это положительно знаю, ибо «Московские Ведомости» имеют для политического отдела только двух сотрудников. Что же я могу писать? — скажите, пожалуйста. За что я получу эти 900 рублей — ведь совестно, ей-богу, совестно. Так что на этот раз я не могу сказать Вам положительно — останусь ли я здесь или нет. По правде сказать, мне бы хотелось остаться, — люди все отличные, да что прикажете делать. Цензура нелепа по-прежнему. Журналисты совещались — сюда приезжал Чернышевский,⁸ — и заседание было у Каткова,⁹ чтобы закрыть все журналы разом. Правительство поневоле согласилось бы сделать уступки по цензуре, по петербуржцы смалодушествовали.

Что наш сборник,¹⁰ пришлите его графине. Ваша статья о прислуге не пропущена московским цензором и возвращена с надписью: *государственному секретарю*, куда она и отправлена на днях.¹¹ У пас, помните, сочувственно говорил о Милютине. Это оказывается ужасная тварь <?> и дрянь — он предлагал самые ретроградные меры и нападал особенно на цензуру. В начале прошлого года он предложил, между прочим, запретить «Русский Вестник». Нужно радоваться, следовательно, что его удалили от министерства.¹²

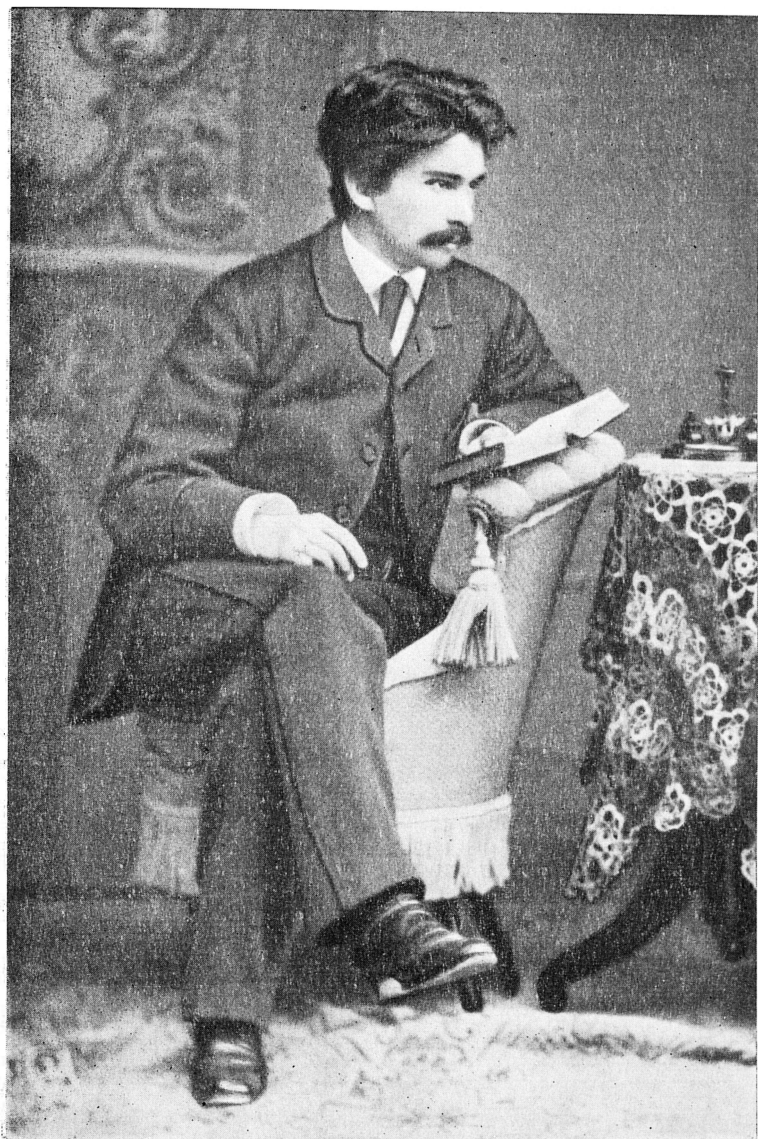
«Нечто о лавочках при журнале „Современник“» — моя статья, я подписал ее псевдонимом. Как она Вам покажется? Вслед за ней будет статья Лескова в этом же роде, только дель-

В. А. Жуковский. Гравюра Т. Райта. 1835 г.

Е. А. Сисоева. Фото. Начало 1870-х годов.

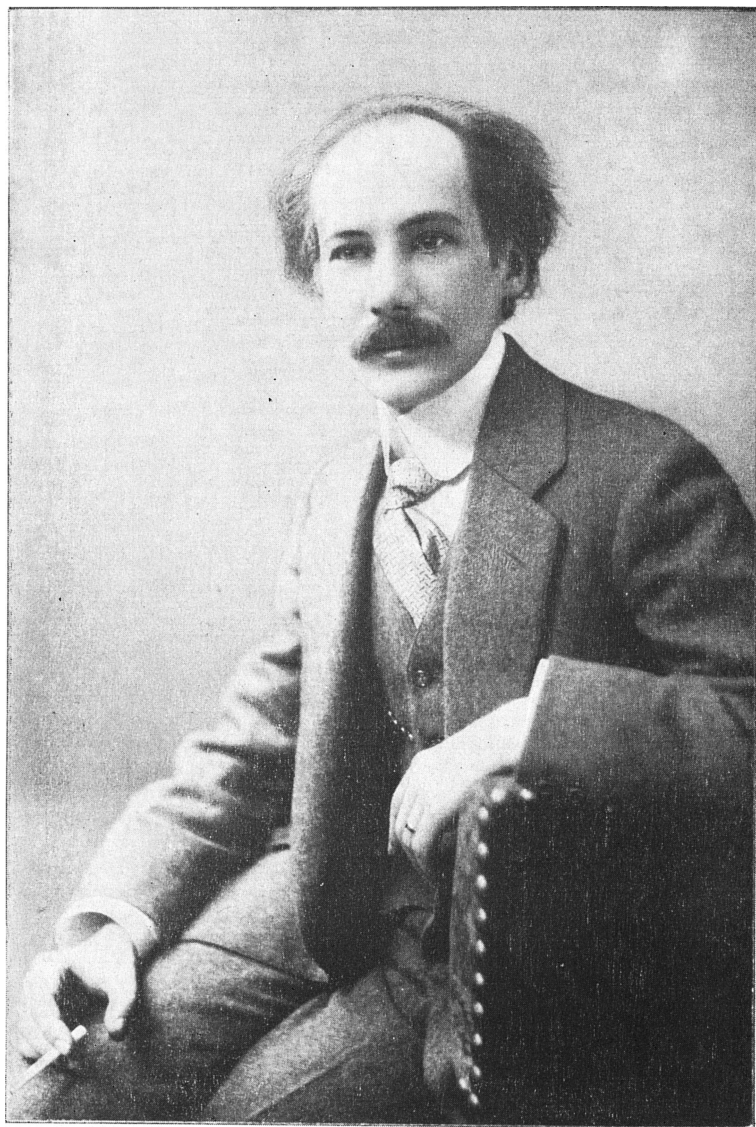
А. Н. Альмединген. Фото. 1879 г.

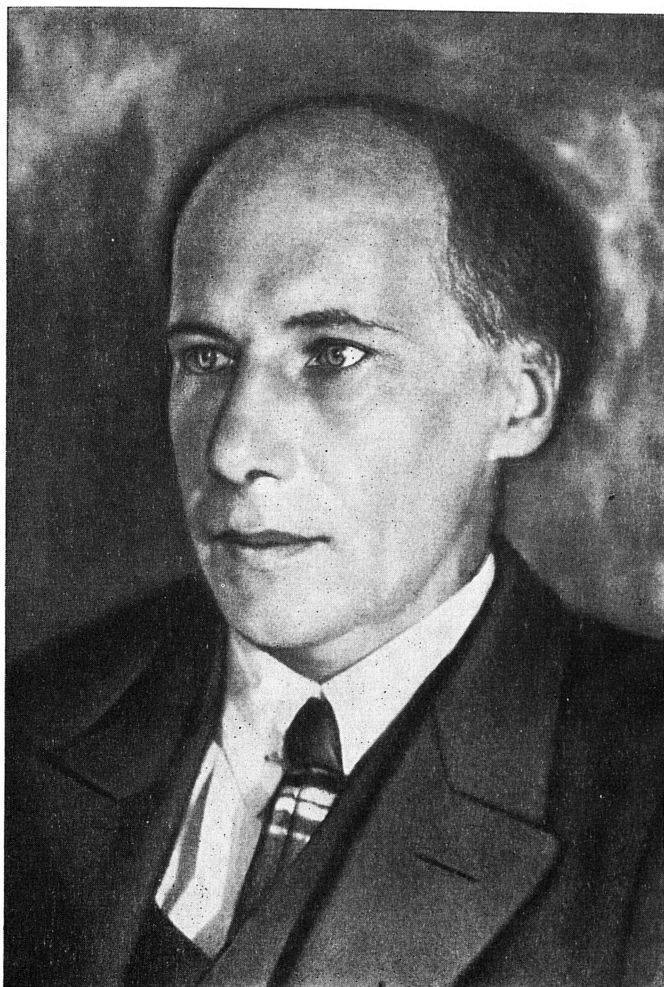
Евгения Тур. Фото. Начало 1850-х годов.

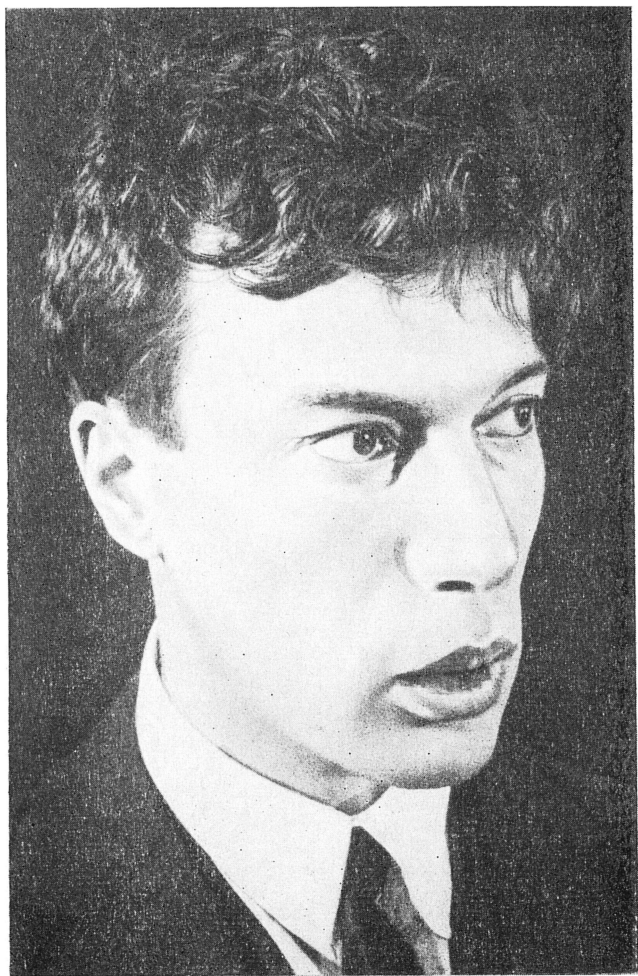
А. М. Скабичевский. Фото. 1880-е годы.

Андрей Белый. Фото. Брюссель. Апрель 1912 г.

Андрей Белый. Фото. 1920-е годы.

Б. Л. Пастернак. Фото. 1930 г., апрель.

нее и лучше.¹³ Нельзя ли будет узнать чрез Никитина хоть, как примутся такие статьи провинцией, будут ли читать их.¹⁴ Я तो-роплюсь — лучше в другой раз, и вернее всего, что с следующей почтой. Кланяйтесь своим, да пишите пожалуйста. Тоска страшная. Я и от своих что-то не получаю писем. Адрес: в Москву, в Сокольники, в Старую Слободку, на даче Гурьянова, в квартиру графини Сальяс.

Весь Ваш А. Суворин.

¹ Павленкова Таисия Николаевна — сводная сестра М. Ф. Де-Пуле.

² Имеется в виду Павленков Леонид Николаевич (1840—1912) — сводный брат М. Ф. Де-Пуле. В 1865 г. он окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1880-е годы сотрудничал в «Новом времени» Суворина.

³ Подразумевается воронежский кружок, организованный Николаем Ивановичем Второвым (1818—1865), историком, этнографом, фольклористом. В кружок, который нередко называли «второвским», входили в 1850-е годы люди разных сословий: дворяне, купцы, чиновники, разночинцы. Н. И. Второва и Н. С. Милашевича подозревали в связи с герценовским «Колоколом», печатании в нем корреспонденций; И. А. Придорогина и других — в распространении «Колокола» в Воронеже (Колесников А. П. «Второвский кружок» и «Колокол». — В кн.: И. С. Никитин. Статьи и материалы. Воронеж, 1962). Члены «второвского» кружка изучали историю родного края, собирали и исследовали местный фольклор, содействовали просвещению своих земляков, создавая воскресные школы, библиотеки, организовывая литературные вечера, выпуская сборники исторических и литературных работ («Воронежская беседа» и «Воронежский литературный сборник», оба в 1861 г.). Уехав из Воронежа в Петербург в 1857 г., Второв не терял духовной связи с членами кружка. Поддерживал дружеские отношения с «братией» и Суворин, находившийся в Москве.

⁴ Никитин Иван Саввич (1824—1861) — близкий к «второвскому» кружку известный поэт, открывший в 1859 г. книжный магазин-библиотеку, который стал центром литературно-общественной жизни Воронежа. Летом 1861 г. был тяжело болен. В октябре этого года Суворин получил от друга и душеприказчика поэта — М. Ф. де-Пуле известие о его смерти.

⁵ «Графиня» — графиня Е. В. Салиас-де-Турнемир. К тому времени, когда Суворин познакомился с ней (и временно поселился во флигеле дачи, которую Салиас снимала под Москвой, в Сокольниках), она была уже достаточно известна в литературных кругах под именем Евгении Тур. Ее первые литературные опыты отметили А. Н. Островский (Москвитин, 1850, № 7) и И. С. Тургенев (Современник, 1852, № 1). Через несколько лет, в связи с появлением нового романа Е. Тур, Н. Г. Чернышевский подхватил сказанное его предшественниками, но более решительно осудил недостатки сочинений писательницы: повторение старых сюжетов, отсутствие «правдоподобия в характерах и вероятности в ходе событий», экзальтированность автора, находящуюся в противоречии с чувствами читателя, которого она оставляет холодным (Современник, 1854, № 5). В редактируемой Е. Тур газете «Русская речь» она выступала как критик и публицист. Идеализированное жизнеописание английской филантропки Елизаветы Фрей (Русская речь, 1861, № 17, 26 февраля; № 19—20, 5 марта) вызвало проницательное отношение Н. А. Добролюбова (Современник, 1861, № 8). Е. В. Салиас и как редактор «Русской речи», и как хозяйка салонов в Москве и Париже не отличалась последовательностью. В ее взглядах отразились колебания от умеренного либерализма до демократизму, то к реакционности. Экзальтированной симпатией ее в разное время пользовались Н. И. Надеждин, Н. П. Огарев, Г. В. Вязинский. В русском

салоне Салиас бывали И. С. Тургенев, Т. Н. Грановский, Е. Ф. Корш, В. П. Боткин, А. И. Левитов, В. А. Слепцов, Н. С. Лесков. Она была в дружбе с приятелями сына-студента (например, с Иваном Кельсиевым, одним из стойких революционеров), горячо сочувствовала студенческим волнениям 1861 г. (написала о них в «Колоколе»), за что находилась до конца жизни под надзором полиции, была в немилости у Александра II и должна была выехать за границу. В парижском салоне Е. В. Салиас-де-Турнемир можно было встретить и либерального министра народного просвещения А. В. Головнина, и деятелей русского освободительного движения — Н. П. Огарева, А. И. Герцена, М. А. Бакунина, А. А. Слепцова, Е. Н. Утина. Своей критикой правительственных акций в отношении русского и польского освободительного движения Салиас привлекла Огарева и Герцена, по они очень скоро увидели ее непоследовательность: боязнь народной революции, неверие в социализм (см.: Письма Огарева и Герцена к Е. В. Салиас-де-Турнемир. — Литературное наследство, т. 61. М., 1953). К концу жизни Салиас все более утрачивала прежние либеральные симпатии.

⁶ Лесков Николай Семенович (1831—1895), в то время начинающий писатель, являлся автором ряда анонимных статей в «Русской речи» (в том числе «Внутреннего обозрения»), а также статей, подписанных то криптонимами (Н. Л... в; не зарегистрировано в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова), то псевдонимами (В. Пересветов), а то опубликованных и за полной подписью. О характере споров Салиас и Лескова (в присутствии Суворина) можно судить по следующему факту: в статье «Русские женщины и эмансипация» (1861, № 44, 1 июня; № 46, 8 июня) Лесков высказал мысль, что рабство женщин порой сменяется деспотизмом и свободой от нравственности. Салиас сочла необходимым сделать к этой статье редакционное примечание, в котором безоговорочно взяла под защиту идею женской эмансипации.

Отношения Суворина с Лесковым были неровными. На первых порах они складывались как дружеские; Лесков в это время в своих статьях отстаивал экономические и культурные интересы народа, защищал свободу личности и т. д. (см.: Столярова И. В. В поисках идеала. Л., 1978, с. 14). Но когда к концу 1861 г. стало очевидно, что Лесков «правее» и, ориентируясь на правительственные преобразования, все более активно наступает на «Современник», Суворин разошелся с ним. Позднее они более терпимо относились друг к другу, и Лесков бывал на редакционных вечерах у Суворина.

⁷ В ответном письме к Суворину от 14 июля 1861 г. М. Ф. Де-Пуле выражает удовлетворенность тем, что помог ему в переговорах с Е. Тур по вопросу о гонораре. «Не знаю, на что Вы решитесь. 900 руб. — это недурно <...> Советовать Вам я отказываюсь теперь — Вы смотрите сами и, если найдете возможность прожить в Москве так же, как в Воронеже, решайтесь» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 2). Суворин принял решение остаться в Москве.

⁸ Н. Г. Чернышевский приезжал (с Г. З. Елсеевым) в Москву на совещание московских и петербургских редакторов по вопросу о цензуре. Он пробыл в Москве с 26 по 30 марта 1861 г. и, судя по его письму к Н. А. Добролюбову от 27 апреля, в котором он в комическом свете представляет свою поездку, у него не было никаких иллюзий по поводу действительной пользы совещания у Каткова (Чернышевский Н. Полн. собр. соч., т. 14. М., 1949, с. 425).

⁹ Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист, критик, издатель газеты «Московские ведомости» (с 1851 г.), журнала «Русский вестник» (1856—1887). В 1830-е годы XIX в. Катков был близок к кружку Станкевича, к Белинскому, Герцену; в 1850-е же годы эволюционировал к умеренному либерализму, а затем к открытому консерватизму. В своих изданиях Катков порой позволял критические высказывания о лицах, близких к правительству (например, о великом князе Константине Николаевиче, о министре внутренних дел П. А. Валуеве), за что в 1861 г.

был на некоторое время отстранен от «Московских ведомостей». В начале 1860-х годов печатные органы Каткова вели доносительную полемику с «нигилистами», выступали в защиту усмирителей польских повстанцев и студенческих волнений.

¹⁰ Речь идет о сборнике «Воронежская беседа».

¹¹ Статья М. Ф. Де-Пуле, не пропущенная московскими цензорами Я. Прибилом и А. Г. Петровым и отправленная к статс-секретарю В. П. Буткову, в будущем одному из главных деятелей судебной реформы, лично близкому Александру II, по-видимому, была задержана и им, так как в «Русской речи» она не появилась.

¹² Милютин Николай Алексеевич (1818—1872) — товарищ министра внутренних дел, видный деятель в период подготовки реформ, участник составления Положения 19 февраля 1861 г. Он был защитником освобожденных крестьян с землей (за выкуп), противником дворянских привилегий, в частности стоял за устранение дворянства от руководства самоуправлением крестьян, вышедших из крепостной зависимости. В 1861 г. был уволен в долгосрочный (заграничный) отпуск. Во время польского национально-освободительного движения Милютин направляют в Польшу (1863) с особыми полномочиями — упрочить русское влияние и подготовить проект крестьянской реформы в царстве Польском. К этому времени Милютин, слывший в обществе либералом, эволюционировал вправо. См. иронический отзыв о нем А. А. Серно-Соловьевича: Литературное наследство, т. 67. М., 1959, с. 713.

¹³ В статье Суворина «Нечто о лавочках журнала „Современник“» (псевдоним: А. Сухарев; не зарегистрирован в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масапова) утверждалось, что 90% читателей не понимают направления «Современника». Нравится же этот журнал тем, что он разрушает авторитеты, «поносит все, гаерствует», печатает «увеселительные стишки» «Свистка», часто пользуется ироническими, парадоксальными выражениями (Русская речь, 1861, № 54, 6 июля). Статья эта может служить примером непоследовательного отношения Суворина к «Современнику». Статья Н. С. Лескова «О замечательном, но не благотворном направлении некоторых современных писателей» была опубликована в «Русской речи» через три недели (№ 60, 27 июля), так как ее задержала цензура. Хотя здесь «Современник» не назван, но именно его имеет в виду автор, когда высказывает сожаление о том, что раньше журналы действовали единодушно в борьбе с крепостным правом, а теперь для завоевания читатели прибегают к шутовству, паясничеству, гаерству. Обе эти статьи написаны в одной тональности; но вскоре одним из поводов расхождения Суворина и Лескова станет именно различное отношение к «Современнику».

¹⁴ М. Ф. Де-Пуле откликнулся на желание Суворина узнать мнение о «таких статьях». Он был обрадован ими и считал их знаком обращения молодых критиков в его «веру». «Статья Ваша о „Современнике“ очень нам всем понравилась. А, а! Вы, юноши, запели на наш лад, Хорошо!» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 2). Но радость, как покажут следующие письма Суворина, была преждевременна: выяснится расхождение Суворина и Де-Пуле в оценке деятелей «Современника».

13 июля <1861>.

Добрейший Михаил Федорович, писать и есть что, да изволите ли видеть, какое обстоятельство останавливает: тут, говорят, в Москве, есть почтовые цензоры, которые распечатывают и читают некоторые письма. Несмотря на это, я не могу все-таки удержаться, чтоб не передать Вам вот какого обстоятельства.

На прошлой неделе в Петербурге разбросаны были по улицам, прибиты на столбах и разосланы во все книжные магазины печатные прокламации. Они стали появляться уже и в Москве, и одну из них я видел. Напечатаны они на небольшом листочке, в пол-листа этого письма. В заголовке стоит: «Великорусс». Под ним цифра 1. Далее говорится, что крестьяне недовольны тою свободою, которую получили, правительство усмирило их войскамп. Несмотря на такие меры, крестьяне все-таки не перестают волноваться, и очевидно, что правительство, *невежественное и глупое* (это подлинные выражения), ведет Россию к новой пугачевщине. А потому следует вырвать власть из рук этого правительства. Патриоты прибегают за помощью к образованной нации; если же в ней они не найдут должного сочувствия, то обратятся к массе и с помощью ее сделают переворот, так необходимый для России. «Мы не поляки и не мужики, в нас стрелять нельзя». В заключении ставятся два вопроса: 1) какие формы правления более удобны и применимы в России и 2) в состоянии ли царствующий дом отказаться от неограниченной власти мужественно и твердо.¹

Кто это сделал — неизвестно, полиция разыскивала и ничего не могла найти. В высшем кругу говорят, что это сделали какие-нибудь мальчишки и что опасаться тут нечего. Люди благоразумные говорят, что тут дело гораздо серьезнее, чем кажется оно с первого разу.

Цензура беснуется — 57 № «Русской» Речи» задержан цензором, и, верно, вовремя Вы его не получите. Дело в том, что для этого № была набрана статья Лескова «О современном недобросовестном направлении русских» журналистов и литераторов». Лесков говорил против поясничества.² Цензура не пропустила статью на том основании, что она написана не спокойным тоном, как бы следовало, и что автор позволил себе площадные ругательства в ней. А заметьте себе, что там и тени ругательства не было. Феокт<истов>³ сейчас же написал дерзкое письмо к цензору, в котором прямо сказал, что «г. Петров лжет».⁴ На это цензора не обижаются, а редакция хочет еще, по настоянию Лескова, подавать на цензора жалобу; из «Внутреннего обозрения», которое писал также Лесков, половина уничтожена, и Петров, цензор «Рус<ской> Р<ечи>», увидав вчера Фе-

октистова, воскликнул: «Что у Вас за сотрудники — это ужас, — критикуют распоряжения правительства». Но что милее всего, так это то, что этот же самый Петров сказал вчера Феоктистову: «Я вам ужасную статью пропустил. — Какую? — А статью Сухарева.⁵ — Да что же в ней ужасного? — Как же, она восстает против „Современника“. А до нас доходят слухи, что „Современник“ в стачке с правительством».

Каково это Вам покажется? Правительство наше в стачке с красными. Каковы цензора!

В 59 № «Русской» Речи» будет моя статья. Вы ужаснетесь, когда узнаете, о чем эта статья. Но я спешу сказать, что я сам-то в ней мало виноват, в том смысле, что не навязывался, а мне навязали ее. Я даже отговаривался, но мне сказали: «ничего, попробуйте!». Я попробовал и написал разбор стихотворений Хомякова.⁶ Боюсь, что цензор не пропустит ее или пропустит изуродовав. Напишите мне, как Вам покажется эта статейка, да напишите откровенно.⁷ Кстати, графиня просила меня передать Вам, что она сама пишет критику на роман Достоевского «Униженные и оскорбленные». Она уже начала писать. Не знаю, или, лучше сказать, не помню, поручала она Вам писать об этом романе или нет. Мое дело, впрочем, сторона — передаю, что мне сказано было, а Вы, знаю, и не читали еще романа — ожидали конца, следовательно», не в большой потере.⁸ Критика на «*Старое старится, молодое растет*» также поручена кому-то.⁹

Сотрудников у ней пропасть, и делается все как-то по-домашнему, своим кружком.

Поклонитесь Никитину, скажите ему, чтоб он не сердился на меня до тех пор, пока ни привезут вещей — он увидит, что выбор у меня — прелесть, и главное дешево. Сегодня я сдал Салаеву¹⁰ для отправки портсигары с мешочками, но остальных денег Беляеву¹¹ еще не отдавал — сам приедет и возьмет, тогда я пришлю расписку Никитину.

Кланяйтесь Таисе Николаевне, Вашему брату, Николаю Николаевичу,¹² Петру Петровичу.¹³

А «Воронежская беседа»-то к сентябрю поспеет или нет?¹⁴

Весь Ваш А. Суворин.

Спросите Никитина, получил ли он счета, которые я ему отправил? Адрес: в редакцию «Русской» Речи» с передачей мне.

Извлечение из этого письма сделано в публикации Л. Р. Ланского «Достоевский в неизданной переписке современников» (Литературное наследство, т. 86. М., 1973, с. 379—380).

¹ Суворин передал здесь близко к тексту содержание первого листа «Великорусса», подпольного периодического издания, вышедшего в июне 1861 г., после подавления крестьянских волнений в Бездне и Кандеевке. Второй листок вышел в начале сентября, третий — в конце октября 1861 г., четвертый — в 1863 г. Авторы, назвавшие себя патриотами, гово-

рили от имени комитета «Великорусса». Листки печатались в Петербурге (предположительно — в типографии «Чернышевца» Н. Л. Тиблена) и распространялись в Петербурге, Москве и отчасти в провинции. Полиция безуспешно разыскивала авторов, издателей и распространителей «Великорусса». По новым данным, руководящую роль в создании этих прокламаций играл Н. Г. Чернышевский (см.: Новикова Н. И. Революционеры 1861 года. «Великорусс» и его Комитет в революционной борьбе 1861 г. М., 1968; Революционная ситуация в России в середине XIX века. Отв. ред. М. В. Нечкина. М., 1978; Новикова Н. И., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский — автор прокламации-газеты «Великорусс». — В кн.: Н. Г. Чернышевский и его эпоха. М., 1979).

² Статья Н. С. Лескова, название которой Суворин воспроизводит не совсем точно (см. примеч. 17 к письму 1) и из-за которой был задержан цензурой № 57 «Русской речи», появилась в этой газете 27 июля (№ 60) под псевдонимом «В. Пересветов».

³ Феокистов Евгений Михайлович (1829—1898) — историк, ученик Т. Н. Грановского. Начал литературную работу в «Современнике» (1852, № 3); в конце 1850-х—начале 1860-х годов был губернатором детей Е. В. Салиас-де-Турнемир; со второй половины 1861 г. редактор «Русской речи». По своим политическим убеждениям в 1860-е годы являлся конституционалистом, рассчитывающим на контакт сановных и широких либеральных кругов. Н. С. Лесков в романе «Некуда» (1864—1865) вывел его в образе Сахарова — завсегдатая салона маркизы де-Бараль (т. е. Е. В. Салиас-де-Турнемир). После выстрела Каракозова (апрель 1866 г.) Феокистов решительно «прாவает», сотрудничает в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике». В 1871—1883 гг. он редактор «Журнала Министерства народного просвещения»; в 1883—1896 гг. — начальник Главного управления по делам печати.

⁴ Петров Александр Григорьевич (1802—1887) — в 1861 г. московский цензор «Русской речи»; в 1865—1884 гг. председатель С.-Петербургского цензурного комитета.

⁵ «А. Сухарев» — псевдоним А. С. Суворина.

⁶ Суворин ошибся: его первая литературно-критическая статья — «Стихотворения А. С. Хомякова» — появилась не в 59-м, а в 58-м номере «Русской речи» (20 июля). Она была написана в связи с выходом (посмертно) в 1861 г. первого тома сочинений Хомякова. В этом первом опыте Суворина просвечивает его либеральная позиция и намечаются некоторые эстетические принципы: стремление соотнести взгляды автора с его личной и общественной биографией, с литературным процессом и определить эстетическую ценность его произведений. Отзыв Суворина о Хомякове близок к оценке творчества этого поэта Аполлоном Григорьевым (см.: Время, 1861, № 5).

⁷ М. Ф. Де-Пуле писал Суворину 3 августа 1861 г.: «Что касается статьи о Хомякове, скажу только, что я проклинал автора (не зная, что это Вы), потому что сам уже приготовился писать о том же; но мои положения те же, что и Ваши» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 4).

⁸ Судя по письму М. Ф. Де-Пуле от 3 августа, Е. Тур не слишком деликатно поступила с ним: через секретаря (Суворина) предложила написать рецензию на роман Достоевского «Униженные и оскорбленные», а затем решила писать сама (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 3). Де-Пуле все же не хотел расстаться с мыслью написать о романе Достоевского и попытался заручиться согласием М. М. Достоевского — редактора журнала «Время» на выступление в журнале, но тот, посоветовавшись с братом, отклонил это предложение.

⁹ Критическая статья на роман фольклориста, публициста и общественного деятеля Г. Н. Потанина «Старое старится, молодое растет» была заказана московскому журналисту Ивану Семеновичу Некрасову (псевдоним — Н. Некрасов). В «Русской речи» она не появилась.

¹⁰ Суворин покупал и отправлял в Воронеж через фирму Ф. И. Са- лаева, московского книгоиздателя и книготорговца, книги, канцелярские и другие товары для книжного магазина-библиотеки И. С. Никитина.

¹¹ Неустановленное лицо.

¹² Гарденин Николай Николаевич — издатель «Воронежского литера- турного сборника» (1861).

¹³ Глотов Петр Петрович — инспектор Воронежского кадетского кор- пуса, издатель «Воронежской беседы» (1861).

¹⁴ В письме от 3 августа Де-Пуле сообщал Суворину, что в Воронеж привезли из Петербурга, где печатался сборник, «только 2 экземпляра „Воронежской беседы“ в неброшюрованных еще листах». «Книга по внеш- нему виду (за исключением опечаток) роскошная и громадная (44 печат- ных листа). Пустится в продажу не ранее конца этого или начала буду- щего месяца» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 3).

3

Вы поймите, дорогой Михаил Федорович, что при такой не- выносимой жаре, да еще при отсутствии воды, в которой бы мо- жно было выкупаться и освежиться, писать нет никакой воз- можности. Перо валится из рук, и я взялся за него для того только, чтоб написать, по поручению графини, несколько строк.

Я уже писал Вам, что о романе Достоевского она пишет сама, о романе Потанина рецензия также заказана, кажется <И. С.> Некрасову, точно так же, как и о романе Потехина «Бед- ные дворяне».¹ Следовательно, для «Русской Речи» нет Вам надобности писать об этих вещах.

О Полонском графиня просит Вас написать непременно, но при этом она говорит, что *невысокого* она мнения о таланте этого поэта, что Вы, конечно, должны принять к сведению. Впрочем, его роман в стихах, который петербуржцы, как слышно, ставят на одну доску с «Онегиным» Пушкина, может быть, поколеблет ее убеждение и Вас утвердит в диаметральной дарования Полонского.² Книги будут Вам высланы, как только выйдет Баратынский.³ Это уж сделаю, должно быть, я. Что касается статьи Вашей о пролетариате чиновничьем, то, ко- нечно, она не пройдет, если Вы хотите в ней провести мысль об уничтожении чинов.⁴ Если уж статья Ваша о слугах пошла к государственному секретарю, то статья, подобная той, которую Вы намереваетесь писать, и подавно не пройдет. О статье Ва- шей «О слугах» нет еще слуха. Цензура ужасная — просто по- ворот к старому.

Вы упрекаете меня в молчании, а я написал Вам два письма — получили ли Вы их?⁵

Новый министр просвещения Путятин, а не Путята, квакер не по убеждениям только, а формально квакер. Он уже успел

сказать такую фразу: «Провидение назначило меня изгнать из литературы безбожие, и я исполню это назначение». До какой степени он религиозен, доказывается, между прочим, тем, что он недоволен даже Асоченским.⁶ Щапов служил панихиду по Антоне Петрове — тот Щапов, который написал книгу о расколе и теперь в крепости.⁷ Не позволено даже говорить о том, что турецкий султан своим подданным. Это было бы премило тоже вместе запретить говорить и об этом.

Передайте расписку Никитину и поклонитесь ему от меня и пожелайте поскорей выздороветь.⁸ Я буду ему писать при первой возможности.

Извините за это марање — ей-богу, рука не движется. Кланяйтесь Вашим и нашим.⁹

Весь Ваш А. Суворин.

17 июля <1861>.

Небольшой отрывок из этого письма опубликован Л. Р. Ланским в «Литературном наследстве» (т. 86. М., 1973, с. 381—382).

¹ Статья Е. Тур о романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» напечатана в № 89 «Русской речи» за 1861 г. (6 ноября). Рецензий на романы Потанина и Потехина в этой газете не было.

² На предложение Е. Тур написать статью об Я. П. Полонском М. Ф. Де-Пуле ответил согласием, но высказал при этом свое отношение к поэту, не совпадавшее с редакторским: «Скажите ей, — писал Де-Пуле Суворину 3 августа 1861 г., — что о Полонском напишу <...>, прибавьте, что я, напротив, очень уважаю его, потому что он, Фет и Мей более истинные поэты, чем кто-либо; остальные поэты — головы, а не чувства» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 3). Статьи Де-Пуле об Я. П. Полонском в «Русской речи» не было.

³ Подготавливаемое женой поэта в 1861 г. издание стихотворений Е. А. Баратынского не было осуществлено. «Сочинения Баратынского» были изданы в Москве в 1869 г.

⁴ Статья о «чиновничьем пролетариате», видимо, не была написана.

⁵ В письме от 3 августа 1861 г. Де-Пуле с неудовольствием отмечал, что получил от Суворина лишь одно письмо, от 6 июля. Он ошибался. Из содержания его ответов ясно, что им было получено и второе письмо Суворина (от 13 июля 1861 г.).

⁶ Асоченский Виктор Игнатьевич (1820—1879) — реакционный публицист, редактор-издатель журнала «Домашняя беседа» (1858—1877), активный противник «нигилистов». В демократической печати Асоченский был мишенью насмешек. Не обошел его молчанием и Суворин в своих «Библиографических заметках» (Русская речь, 1861, № 68, 24 августа).

⁷ Щапов Афанасий Прокофьевич (1830—1876) — историк, публицист, профессор Казанского университета, видный деятель революционно-демократического движения 1860-х годов, эволюционировавший в своих политических убеждениях от крестьянско-монархических иллюзий (ограничение власти царя конституционным строем, Земским собором, введение народного контроля над губернскими управлениями) к последовательному демократизму. 16 апреля 1861 г. А. П. Щапов произнес речь на панихиде по жертвам Безднинского крестьянского восстания и его руководителю — Антону Петрову, за что был арестован и заключен в крепость. В 1864 г.

за революционно-демократическую деятельность сослан в Сибирь. Книга А. П. Щапова «Русский раскол старообрядчества» вышла в Казани в 1858 г.

⁸ Имеется в виду расписка в получении денег, которые Суворин трагил на покупку и пересылку книг и вещей в Воронеж для книжного магазина-библиотеки Никитина. М. Ф. Де-Пуле сообщал Суворину о ходе болезни Никитина. «Бедный Иван Саввич все еще болен и сидит дома. Доктора находят, что у него чахотка. Тоскует <...> „Чувствую, что я не встану“, — сказал мне вчера Иван Саввич», — писал он 14 июля 1861 г. (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 1). И в письме от 3 августа 1861 г.: «Бедный Иван Саввич все лежит; идет осень, какое уж тут выздоровление. Со смертью его порвутся для меня все нравственные узы с Воронежем» (там же, л. 4).

⁹ «Вашим» — т. е. Т. Н. и Л. Н. Павленковым; «нашим» — членам «второвского» кружка.

4

9 августа 1861. Сокольники.

Я сейчас получил Ваше письмо, дорогой Михаил Федорович, и спешу Вам отвечать. Одно письмо я послал Вам на имя своей жены¹ и передаю Вам, пошлите к ней за ним — там найдете ответ на запрос Ваш об актах. Они переданы Буслаеву, который к осени приготовит для них статью.² Ну, как Вы там себе странствовали, каких набрались впечатлений.³ Я остаюсь здесь, а потому *finita la comedia*.^a К лучшему ли, к худшему ли это — бог весть.

Жизнь дорога здесь страшно — с воронежской и сравнить нельзя. Такую квартиру, например, как Ваша, нельзя нанять и за 300 рублей. Я нанял себе за 200 четыре комнатки, из которых одна темная. Цензура свирепа — Ваша статья еще не получена от Буткова. Что с ней там делается — бог весть. Ни одного № не проходит без цензурных спен. Редакторы оскорбляют цензоров, пишут к ним самые дерзкие записки, а с них все как с гуся вода. Если б не лень, я порассказал бы Вам много кое-чего. Всего я Вам написал четыре письма, — уведомьте, получили ли Вы их?

Между прочим, я писал Вам о своей статье о Хомякове. Ведь это дерзость с моей стороны. Она вышла ученической, особенно потому, что мне сотрудничал цензор. Он повычеркивал целые фразы и написал на место их свои. Стихотворение «Новуходносор» все вычеркнул, почти все, что говорил я *по поводу* этого стихотворения, вычеркнул. «Кому же, говорит, это не понятно, что Новуходносор» — это Николай Павлович». Каково это Вам покажется. *Оду* сократил, и потому вышла галиматья. Все-

^a Все кончено, конец; букв. «комедия окончена» (*итал.*).

таки я желал бы знать Ваше мнение об этой статье. На днях Вы встретите еще мою статью — Еще из записок сумасшедшего.⁴ Я вообще теперь почти ничего не делаю. Пишите мне на тот же адрес в Москву. Я познакомился с Бергом. Он сам, узнав обо мне от кого-то, что я в Сок^ольниках, пришел ко мне. Я был у него два раза. Что за прелестный господин. Он мне понравился особенно потому, что свеж необыкновенно. Этой жолчи, которая нас более или менее украшает, у него и признака нет. Так любовно он относится к людям. Он думает переходить в Петербург — все туда идет. Он читал мне прелестные вещи. Критика на 1 том^е Энциклопедического словаря во «Времени» — его.⁵

Видел и Блюммера несколько раз и совершенно согласен на его счет с Бергом, что такой пустоты, такой пустейшей пустоты трудно встретить. На днях он говорил мне, что будет издавать журнал «Север», ежемесячный, что какая-то барыня 30 тысяч ему даст. Я уверен, что это вздор. А впрочем, сумасшедшие барыни везде водятся.⁶

Много студентов похватали и открыли их типографию и литографию. Они были очень неосторожны, продавая запрещенные вещи почти открыто.⁷ Никитин мне хоть бы слово. Кланяйтесь ему и спросите, доволен ли он закупками.⁸ Графиня просит Вас, что если Вы захотите писать корреспонденцию, то пишите только об самых, как она выражается, сальютных⁹ вещах. Читайте ли внутреннее обозрение — его пишет Лесков, напишите, пожалуйста. Узнайте, больше ли прежнего читается «Русская Речь» или нет?¹⁰ Это весьма важный вопрос. Мы уговариваем графиню рассрочить подписку по четвертям года, по 3 руб.¹¹ за три месяца. Она сдается. Вообще трусили, что она не пойдет на следующий год, а она и в нынешнем в большом убытке — тысяч 12 серебром. Я со страхом жду подписки. Ведь неловко же будет, если убытки будут одни. Считите число листов и страниц в моих статьях. Я, кажется, получил за 3½ листа. Если больше этого выйдет, то попросите Петра Петровича «Глотова», которому кланяйтесь, передать деньги жене моей. А я уж порадею о Вас у Свешникова и Щепкина,¹¹ на этой же неделе, и напишу Вам. При счете страниц примите то во внимание, что во всех редакциях толстых журналов страница считается за целую, если вещь прерывается на более чем полстраницы, а та страница, с которой начинается статья, всегда за целую, хоть обыкновенно начинают и с полстраницы. Я думаю, что для Петра Петровича тут мало расчета, а для меня и лишний рубль расчет, тем более что за повесть нигде не платят менее 60 руб., кроме мелких журнальцев. За «Черничку», следовательно, я всегда бы мог получить по 60 руб., и ее принял бы всякий журнал.¹²

Служить я пока не хочу. Вместе с секретарством я получал 1300 руб.¹³ Этот год хочу поучиться, употребить его для себя.

Удивительно, как многого я не знаю. На будущий год, может быть, возьму и должность, если удастся. Вообще служба мне не по нутру, хоть, с другой стороны, я должен сказать, что жить исключительно литературным трудом нет почти никакой возможности. Столько случайностей, что не перечесть всех, а у меня ведь семья. К тому же плодущ я уж больно сильно.

Об университетской плате узнаю и тотчас уведомлю. Постараюсь увидеть Лаврова, субинспектора, который заправляет хозяйственной частью «Русской» Речи», и спрошу у него. Он это знает.¹³

Поклонитесь от меня, если увидите, Котлерову.¹⁴ Я буду писать к нему, хоть, по правде сказать, *трудно* вести переписку — почта проклятая мерзости делает. Государь, говорят, ходит как убитый: у него *idée-fixe* — страх умереть подобно Людов^ику XVI. Наследник — отличная личность, и любознательная. Он с Мельниковым (Печерским) отправился на Нижегородскую ярмарку, гов^орят, будет тот все ему показывать и читать лекции о народном быте.¹⁵ При дворе зовут его *le futur roi bourgeoise*.⁶ Потом он будет слушать лекции в Московском университете.

Кланяйтесь Таисе Николавне.

Весь Ваш А. Сув^орин.

10 авг^оуста <1861>.

Сегодня видел Лаврова и узнал, что студентам, которые поступили до положения, платить не нужно; стало быть, не нужно платить и Вашему брату. Довольны? Это первое поручение исполняю. Второе исполню непременно — только исполните и Вы то, о чем я просил Вас, пожалуйста.

А ничего отрадного я не вижу впереди. Подписчиков у «Русской» Речи» мало, меньше, чем графиня писала Вам (это между нами), распространяйте ее в Воронеже. Редакция подает просьбу о том, чтобы разрешили ей 2 раза в неделю политическое обозрение. Если бы разрешили это, — дела бы, наверно, пошли лучше. Графиня сильно беспокоится, что она не пойдет на следующий год. Это будет нож вострый и для меня. Простите. Блаженны вы, остающиеся в провинции и думающие, что лучше быть в деревне первым, чем в городе последним. Мы выбрали себе последнее — и вряд ли лучше сделали. Прощайте.

Дай Вам боже всего лучшего.

У Таисы Николавны целую ручку.

⁶ будущий буржуазный король (франц.).

¹ Имеется в виду первая жена Суворина — Анна Ивановна (урожд. Баранова).

² Ответ на беспокойство М. Ф. Де-Пуле, высказанное в письме к Суворину от 3 августа 1861 г., появится ли статья о его «Орловских актах» (Орлово, Орлик — название села, входившего в состав Воронежского уезда). «Орловские акты» были напечатаны в кн.: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Издание М. Де-Пуле. Воронеж, 1861. Для «Русской речи» обещал написать рецензию на эту книгу известный филолог, профессор Московского университета Ф. И. Буслаев. Но Де-Пуле опасался, что Буслаев «щелкнет» его за статью, опубликованную два года назад (Об историческом изучении русского языка. Опыт исторической грамматики русского языка. Сост. Ф. Буслаевым. М., 1858. — Современник, 1859, № 8). И так как он ревниво следил за распространением своей книги и известиями о ней в печати, то просил Суворина «потом взять книгу у Буслаева и передать в редакцию „Русского вестника“ с условием напечатать рецензию (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 2—4, 14—15). В «Русской речи» рецензия на книгу Де-Пуле не была опубликована.

³ М. Ф. Де-Пуле уезжал на две недели (13—31 июля) из Воронежа в Козлов и Козловский уезд. 16 августа 1861 г. он писал Суворину: «Право, мы не знаем свою Русь <...> Реформа просто отуманила и крестьян и помещиков, ошалели и те и другие. Вы, кажется, упрекали меня в славянофильстве, но знаете ли? Прошлогодняя моя поездка в столицы и теперешняя по увиденным городам и деревням с особенною силою воскресили во мне западничество. Что это такое наша жизнь? Что мы выработали? Царство тупоумия у нас, ей-богу, ужасно и всеобщее. Какой куропаткой не подъезжайте к народу <...> заключения не хочется выводить, и так боюсь заслужить от Вас укор в мраковзгляде» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 5).

⁴ Так Суворин называет свои «Библиографические заметки». В ближайших из них (№ 67 и 68 от 20 и 24 августа) речь шла об изданиях для народа и школ, в частности о книге В. И. Асоченского.

⁵ Берг Федор Николаевич (1840—1909) — поэт и переводчик. Окончил в 1860 г. Воронежский кадетский корпус, был членом «второвского» кружка; в начале 1860-х годов сотрудник «Современника», «Времени», «Эпохи», «Русской речи», «Светоча». Упомянутая Сувориным критическая статья Берга о первом томе «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами» (Под ред. А. А. Краевского. СПб., 1861) была опубликована во «Времени» (1861, № 6). Она ошибочно приписана М. И. Владиславлеву в книге В. С. Нечаевой «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских „Эпоха“» (М., 1975, с. 238). В статье Берга была отмечена ценность направления, которое придала словарю ассоциация ученых и литераторов. Возможно, что и анонимная положительная рецензия на это издание в «Светоче» (1861, № 11) также принадлежала Бергу. Со второго тома «Энциклопедический словарь» редактировался П. Л. Лавровым. Всего вышло 6 томов (А—Е), так как после ареста М. Л. Михайлова, редактировавшего отдел словесных наук, «Энциклопедический словарь» был запрещен. Подвергся аресту и заключению в крепость и Берг. Его подозревали в сочувствии студенческим волнениям и распространении прокламации «К молодому поколению». Свой роман «Закоулок» (Современник, 1863, № 1—3) он посвятил одной из активных участниц Знаменской (Слепцовой) коммуны — М. Н. Коптяевой. В последующие десятилетия Берг, как и некоторые его современники, эволюционировал к благонамеренности.

⁶ Блюммер Леонид Петрович (1840—1888) — публицист, издатель за границей нескольких журналов, оппозиционных по отношению к царскому правительству. Недоверие к нему возникло не только у Ф. Н. Берга и Суворина. П. В. Долгоруков (1816—1868), сотрудник «Колокола», издатель за границей в 1862—1863 гг. на французском языке журнала «Veridigne» («Правдивый», или «Правдолюбивый»), обвинял Блюммера в шпионстве.

⁷ Речь идет об арестах студентов Сулека, Сороко, Сваричевского, Гладкого и др. «Дело» студентов Московского университета Петра Григорьевича Зайчневского (1842—1896) и Перепла Эммануиловича Аргиропуло (1833—1862) началось в конце лета 1861 г. 29 августа они были арестованы; им было предъявлено обвинение в литографировании и распространении нелегальных русских изданий.

⁸ Из ответных августовских и сентябрьских писем Суворин узнал, что И. С. Никитин часто о нем вспоминает и говорит о своей любви к нему, что тяжело больной поэт предчувствует близость смерти и просит Де-Пуле быть его душеприказчиком, беспокоится о судьбе своего книжного магазина-библиотеки (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 8, 9, 12).

⁹ Слово «сальянтных», по-видимому, образовано графиней от ее фамилии — Салиас (Сальяс); смысл его — написанный в духе, согласующемся с ее взглядами как редактора.

¹⁰ М. Ф. Де-Пуле писал еще 3 августа 1861 г.: «Ваша „Русская речь“ теперь больше читается, но все же очень немного; по-моему, для вас единственное спасение обратиться в книжку», т. е. в журнал (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 4).

¹¹ Суворин отвечает на просьбу М. Ф. Де-Пуле порадовать о его «интересе» и узнать у московских книгопродавцев Ф. О. Свешникова и Н. М. Щепкина, возьмут ли они на комиссию и на каких условиях книгу, в которой опубликованы его «Орловские акты», и сборник «Воронежская беседа» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 3). В «Московских ведомостях» (1861, № 212, 30 сентября; № 251, 15 ноября; № 261, 28 ноября) эти книгопродавцы печатали объявления о поступлении в продажу «Воронежской беседы» и «Воронежского литературного сборника».

¹² Речь идет о напечатанных в «Воронежской беседе» суворинских рассказах «Черничка» и «Гарибальди». М. Ф. Де-Пуле 17 августа представил Суворину расчет за 3½ листа и сообщил, что ему «осталось дополнить за 2 страницы» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 7).

¹³ М. Ф. Де-Пуле просил Суворина узнать, «освобождаются ли от платы те из студентов и вольнослушателей, которые в прошлом году не платили денег, представив свидетельство о бедности» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 4). Эти сведения были нужны ему как опекуну младшего сводного брата — Л. Н. Павленкова, студента Петербургского университета.

¹⁴ Котлеров Михаил Григорьевич — учитель математики Воронежской гимназии.

¹⁵ Цесаревич Николай Александрович (1843—1865) путешествовал со своим наставником — известным писателем П. И. Мельпиковым (псевдоним — Андрей Печерский).

5

Дорогой Михаил Федорович,

Я еще не успел ничего сделать для Вас — завтра схожу к Щепкину. Акты трудно теперь достать от Буслаева, тем более что черт знает где и живет-то он — не приезжал еще с дачи. Поди ищи его, да и как сделать, когда книга уже послана? Неловко прийти. Если бы другая была — другое дело.

Денег я без графини послать, конечно, не могу и прошу Вас обожждать хоть до половины сентября — теперь у нас самих нету — в сентябре получим и сполна приплем.¹

Тут тяжело становится жить. Аресты чуть не ежедневные. Один студент, именно Маккавеев, застрелился, когда хотела взять его полиция. Маккавеев привлекал к себе народ, живя в Останкине, и когда узнали об его смерти, то тотчас двор был полон народом, и все спрашивали о причине смерти. Полиция объявила, что застрелился он потому, что его хотели схватить за делание фальшивых ассигнаций.² Третьего дня схватили переводчика Всеволода Костомарова, на которого донес брат, родной брат, какой-то пьяница. Нашли буквы у него типографские. Говорят, что открыт целый заговор.³ Что с нами будет. Разумеется, разным Николаям Николаевичам⁴ всегда хорошо будет. В заговор не пойдут, литографировать не станут, горячиться тоже не горячатся, пока не тронут их самих, а тут все это близко, и все это больно. Один цензор полжизни укоротит. Просто думать не дают. У нас изуродовал до последней крайности великолепнейшую сцену в монастыре в 69 №, такую художественную сцену, каких и у Тургенева мало. Кроме шуток говорю вам.⁵ Думать не дают, придираются к каждому слову, к каждой мысли — везде находят что-то, приписывают что-либо, о чем ты и никогда не думал. Что же делать? Писать художественные критики, рассуждать о лирике и проч. — наверно, мы, во-первых, не можем, во-вторых, не считаем важным. Жизнь нужна, полная, свежая жизнь. Тут и лиризм есть, и вдохновение, и убеждение, и все такое, на что еще не наложили своих рук разные составители эстетик и теорий.⁶

Вы хотите бросить всякую солидарность с славянофилами⁷ — напрасно, это значит бросить жизнь, или по крайней мере предчувствие жизни, которой нет у наших умеренных западников и мало у неумеренных, вроде «Современника», мало и у таких, которые сочувствуют «Времени».⁸ У «Времени» по крайности инстинкты пробуждаются, хоть оно не в состоянии еще формулировать своих убеждений, потому что их не выработало еще. Нужно новое, что Вы не видите, где жизнь пробуждается и где она закипит. Я пропасть слышал о крестьянах, о их действиях при новом порядке вещей. Вот свежая сила — от ней пужно ждать всего, а от того, что износилось, — ждать нечего.

Конституция ведь уже уши все прожужжала. Замечаете ли, как повторяют все наши журналы — они уже высказывались, и поверьте, что все они падут, безусловно падут, если не захотят нюхать в воздухе и не будут в состоянии развить своего обоняния до того, чтобы оно сделалось чутким. Может быть, все, что я говорю, незрело, глупо, да ведь что ж делать — чем богаты, тем и рады. Слава богу, не проедены еще книжностью до костей — ей-богу, это счастье. С начала по крайности начать можно. Это все-таки легче, чем повертываться назад и сжигать все. Поверьте, что в словах Михалеви́ча смысл есть — именно придется всем сжечь все то, чему поклонялись, и поклониться тому, что сжигали.⁹

Берг в Петербург уехал — жалко мне его. Он, кажется, будет секретарем при редакции «Светоча», впрочем, ничего определенного, кроме обещаний.¹⁰

Хорошо Вам там. А ведь жизни пропасть вокруг Вас — чего Вы ее не ловите. Ведь в кабинете до добра не доживешь. Неужели и молодое поколение тряпки будут? Сохрани боже.

Никитину поклонитесь, г. Чеботаревскому,¹¹ вашей троюще.¹² Зиновьев¹³ прислал рецензию о «Воронежском» сборнике,¹⁴ я ее не видел еще, но поступит она ко мне на просмотр, и я непременно забракую ее. Ну его к черту. Экой рецензент, подумаешь, из Думы-то. Впрочем, я ведь тоже из уездного училища — далеко значит не ушел. Ну, да сегодня я в скверном расположении духа. Прощайте.

А. Суворин».

28 августа <1861>.

Цитата из этого письма приводится Л. Р. Ланским в примечаниях (Литературное наследство, т. 86. М., 1973, с. 382).

¹ М. Ф. Де-Пуле писал Суворину 17 августа 1861 г.: «Так как Вы теперь секретарь, то нельзя ли, не говоря графине, что я прошу, выплатить мне деньги за статью о Кобяковой» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 7). Речь идет о статье Де-Пуле «Литература и общественный быт» (Русская речь, 1861, № 61, 30 июля), посвященной беллетристике журнала «Русское слово», в частности повести «Семья Подошвиных» А. П. Студзинской (урожд. Кобяковой, 1823—1892).

² Макавеев (Маккавеев), студент Казанского, затем Московского (1859) университетов, был одним из организаторов тайного студенческого общества «Библиотека казанских студентов». Имел касательство к «делу» Зайчневского и Аргиропуло (1861). Застрелился 4 августа 1861 г.

³ Костомаров Всеволод Дмитриевич (1837—1865) — поэт-переводчик. По доносам его и брата, Н. Д. Костомарова, были сделаны обыски у многих литераторов, сотрудников «Современника», «Русского слова». В. Д. Костомаров сыграл роль провокатора в «делах» М. Л. Михайлова, Н. Г. Чернышевского, И. В. Шелгунова.

⁴ Имеются в виду люди типа умеренного, далекого от политики Николая Николаевича Гарденина, редактора «Воронежского литературного сборника».

⁵ Речь идет о повести О. Касторской «Гувернантка» (Русская речь, 1861, № 67—72, 20—31 августа, 3—6 сентября).

⁶ Эти слова в письме Суворина Де-Пуле принял на свой счет и объяснил ироническое отношение «к художественной критике, лиризму, эстетике» влиянием на Суворина «Современника» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 10—11).

⁷ Отношение к славянофилам, как и к деятелям «Современника», «Времени», у Суворина было неоднозначным. Он не принимал ориентации славянофилов на допетровскую Русь, отказа от европейской цивилизации, безоговорочно отрицательного отношения к революционно-демократической журналистике; его не удовлетворяла нормативность их эстетики, подчиненность художественной практики теоретическим доктринам. Но ему импонировали идеи единства народа и царя, славянского единства, интенсивное исследование русской народной поэзии. Суворин стремился объективно оценить деятельность одного из видных славянофилов младшего поколения — Ивана Сергеевича Аксакова (1823—1886), его газету «День»

(1861—1865), творчество теоретика и поэта-славянофила старшего поколения А. С. Хомякова.

⁸ «Время» — журнал, издававшийся в 1861—1863 гг. в Петербурге М. М. Достоевским, братом Ф. М. Достоевского, принимавшего в журнале живое участие как писатель, критик и редактор. В 1861 г. формировалась так называемая «почвенническая» позиция «Времени». Критикуя образованную часть общества за оторванность от народа, журнал призывал к сближению с «почвой» (народными массами). Он вел полемику по вопросам политики и литературы с «Русским вестником», «Отечественными записками» и с «Современником», не принимал ни реакционной, ни умеренно либеральной, ни революционно-демократической позиции, критиковал защитников как «чистого искусства», так и «утилитарной» тенденциозности. Суворину были близки ориентация «Времени» на народ, как на главную национальную, нравственную силу, и критика «чистого искусства». Он, однако, занимал более «гибкую» позицию в отношении к «Современнику». Суворин не участвовал во «Времени», но некоторые члены «второвского» кружка (М. Ф. Де-Пуле, Ф. Н. Берг) и сотрудники «Русской речи» (Е. Тур, Н. С. Лесков, А. Н. Плещеев) печатали в этом журнале свои произведения и критические статьи.

⁹ Имеются в виду слова персонажа романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» — Михалевича: «И я сжег все, чему поклонялся. Поклонился всему, что сжигал».

¹⁰ «Свечок» (СПб., 1860—1862) — журнал, в котором принимали участие некоторые сотрудники «Времени». В № 8, в заметке «Новые правила приема в университеты», с удовлетворением отмечалось введение платы за обучение (50 рублей), так как студенты большей частью бездельничают, франтят и кутят. «Современник» с возмущением ответил на эту заметку, утверждая, что новое правило бьет по неимущим студентам, которым некогда кутить и не на что франтить (Питровский И. А. Студенты перед судом «Свечок». — Современник, 1861, № 9, с. 29—36). Против статьи в «Свечке» выступила и асаковская газета «День» (1861, № 3, 28 октября), но она видела причину возбуждения «горячих голов» и «горячих сердец» в зараженности общества западными теориями, а панацеей от этих бед — в науке, которую должна заниматься молодежь, чтобы готовить себя для полезной деятельности в России.

¹¹ Чеботаревский — учитель Воронежского кадетского корпуса, знакомый И. С. Никитина. Он в числе немногих, по словам М. Ф. Де-Пуле, знал «положение дел» умирающего поэта (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 9). В письмах же Де-Пуле следующих лет (4 января 1862, 10 февраля 1863 г.) дается весьма нелестная характеристика Чеботаревскому, как человеку непорядочному, фразеру, хвастуну.

¹² «Троица» — находившиеся у постели умирающего И. С. Никитина М. Ф. Де-Пуле, И. И. Зиновьев и иеромонах Арсений, духовный отец Ивана Саввича.

¹³ Зиновьев Иван Иванович (ум. 1862) — член «второвского» кружка, секретарь воронежской думы, сотрудник «Воронежских губернских ведомостей». Суворин не принял его рецензии не только потому, что она ему не понравилась, а автора он не считал достаточно квалифицированным, но и потому, что был намерен сам писать отзыв.

¹⁴ «Воронежский литературный сборник» вышел одновременно с «Воронежской беседой» осенью 1861 г. и являлся его конкурентом. Первый, гарденинский сборник был значительно слабее (неизвестные авторы, мало краеведческих материалов и обилие неуместных здесь переводных произведений). Суворин отказался от предложения Де-Пуле дать сравнительную характеристику воронежских сборников и посвятил каждому из них специальную статью. Отзыв о «Воронежском литературном сборнике» появился в «Русской речи» 22 октября 1861 г. (№ 85), о «Воронежской беседе» — 16 ноября (№ 92).

21 сентября <1861>.

Очень Вам благодарен, дорогой Мих^{аил} Ф^едорович, за Ваш портрет, благодарен Вам и за письмо. Мне очень больно, что Вы приняли *его* на свой счет. Я это никак не мог ожидать и крайне удивлялся, читая те шпильки, которыми Вы меня потчевали в своем письме. Вы говорите, что спорить не нужно, а то рассоримся — я думаю, напротив, спорить можно, но рассориться нельзя, если не брать только на свой счет того, что говоришь вообще. Разве я бы не мог глубоко оскорбиться тем, что Вы раза три намекали на обличительные статьи и давали понять, что я глубоко ошибаюсь, принимая за жизнь статьи в обличительном роде. Неужели я так глуп, пошл и мелочен? Неужели? Я, однако, на свой счет этого не принимаю, а если предположить, что приму, — то мы с Вами и по квитались. Я желаю, однако, не прерывать этой материи, нужно объясниться нам, чтоб Вы поняли меня.

Дело главным образом в том, что я моложе Вас гораздо, и потом еще в том, что я человек живой, понимая под этим эпитетом тоже молодость, только не вялую и не совсем пошлую. Я не принадлежу по своим убеждениям ни к конституционалистам, ни к красным, ни к Каткова партии, ни к партии Чернышевского, ни к партии «Времени». Вас, конечно, это может удивить, а я не знаю, сумею ли я объяснить, к какой же собственно партии я принадлежу? Вы знаете, что логики большой нет у меня в словах, и мысль никак не может сосредоточиться на одном предмете — она так бежит черт знает куда. А потому логику оставим мы в покое, и без нее живут люди.

Прежде всего не принимайте на свой счет того, что я буду говорить о людях, которые теперь сходят со сцены. Я слишком уважаю Ваш личный характер, слишком хорошо знаю, сколько добра делаете Вы молодому поколению и сделали ему — поверьте, что Вас я не имею в виду, тем скорее, что и критики я трогать не стану. Здесь я насмотрелся и главное наслушался о том кружке, который окружал графиню и окружает теперь. Всё это люди образованные, не невежды, всё это люди мерзостей не делающие и не делавшие. И все-таки скажу, что всё это люди совершенно бесполезные в настоящее время. Хуже этих конституционалистов, вялее, однообразнее я ничего не знаю. В ком есть хоть инстинкты жизни, тот не уживется с ними. Здесь гроб, здесь все мертво, все живет задами и только удивляется невежеству молодого поколения — уж больше ничего не видит. Некоторые из них, в особенности графиня, сохранили еще ненависть кипучую к прошлому — и тут еще больше жизни; но остальные и ненависти этой не имеют — они просто равнодушны ко всему.

Об конституции они даже толкуют не потому, что им ее страстно хочется, а потому, что язык уж так приболтался, да и говорить больше не о чем. Это — полнейшая апатия и неподвиж-

пость. Они интересуются, конечно, наукою и ждут не <до>ждутся, что напишет еще Гизо,¹ не наслаждаться трубадуром гостинных (см. биографию Маколея Визинского),² в котором больше слов, чем дела. Современной литературе у них один приговор — невежество, мерзость и проч.

Полно, невежество ли? Добролюбов, например, господин очень ученый, отлично знает не только новые, но и древние языки, постоянно читает, точно так же как и Чернышевский. Про личный характер последнего и говорить нечего — он не уступит нисколько лучшим характерам прошлого времени. А невеждами их называют потому, что, скованные цензурою, они резко проводят свое направление побочными путями, и потому, что они осмелились выйти из чепелок западной мысли и стали говорить от себя, стали говорить *свои слова*, а не чужие. Понятно, что первая попытка во всяком деле удачна особенно быть не может. Тоже и вышло с Чернышевским — он зарпортовался, как говорится.

А до чего в этом случае раболепие доходит у конституционалистов — Вы себе представить не можете. Я пишу иногда политическое обозрение, читаю «Journal des Debats», и всегда поражаюсь, находя, например, в передовых статьях «Современной» Лектописи почти перевод статей «Дебатов». Это делают не невежды, а ученые, очень ученые люди, которым пора бы выработать свой взгляд на политику, пора бы иметь свои мысли и не заглядывать в «Journal des Debats», когда приходится сделать о чем-нибудь замечание или суждение.³ Что лучше?

Молодое поколение невежды — положим. Но виновато ли молодое поколение, виноват ли «Современник»? Мне кажется слишком легкомысленно приписывать этот поворот журналу. А если тут есть часть его, то самая незначительная. Вы искали жизни в книгах, в кабинетах, теперешнее поколение ищет жизни в жизни самой, какова она там ни есть. Оно старается прорвать цепи и не отчаивается, не хлопочет, правда, особенно об этом, а просто *верит*, веры у него пропасть, не думаю, чтобы вера была эта столь легкомысленна. Дойдет до дела — молодое поколение постоит за себя — в этом уверен. Вы правы, что оно ничего не сделало, но не думаю, чтоб были правы, говоря, что потомство проклянет его. Потомство, верно, умнее нас будет и не станет смотреть легко на наше поколение, оно увидит в нем смысл. Я так убежден, что бессмысленного в жизни нет — во всем есть свой смысл. Я не принадлежу к почитателям «Современника», но смотрю на него как на необходимое явление, отношусь к нему беспристрастно.⁴ Об этом можно только говорить, а не писать. Я тороплюсь, а потому оставляю этот вопрос. Ну его к черту.

Вы слышали о прокламациях. На днях все редакции журналов, профессора, а в Петербурге почти в каждом доме получены были новые прокламации, говорящие о Польше и Малороссии, о необходимости конституции. Польшу отдать, Малороссии предоставить право распоряжаться собою, как ей угодно. Призывают

к действию и грозят там восстанием народа, которое будто бы последует непременно в 63 году, когда истечет срок переходного состояния и когда крестьяне увидят, что они обмануты.⁵ Почти во все дома в Петербурге эти прокламации были розданы в один день. Просто являлся кто-то и говорил дворнику: передать пакет такому-то. Теперь дворники приведены к присяге и назначено 1500 руб. тому, кто откроет типографию, в которой печатается «Великорусс», или поймает хоть одного господина, разносящего прокламации.

Но кроме этого «Вел<п>корусса», в Петербурге были с неделю тому разбросаны в театре и по улицам прокламации другого рода — называются они «Молодому поколению»,⁶ напечатаны несравненно лучше «Великорусса» и надпись внизу: «печатаны в Петербурге», без дозволения цензуры». Эти прокламации кровавого свойства, в них призываются просто к тому, чтобы вырезать 100 тысяч дворян, и указывают даже каких особенно. Чаще других встречаются имена Муравьева⁷ и Адлерберга⁸ — вообще генералам больше всего достается. Призываются к делу и военные, и войско самое. Пусть, говорит, каждый трудится по мере сил. Если, говорит, ты хочешь нового порядка, то и вложи свои убеждения в других. Если ты в год десять человек покоришь себе, и это хорошо. Если, говорит, все мы так будем трудиться, то скоро настанет то время, когда можем восстать, и проч., все в том же роде.

Кстати, чтобы не забыть: Бабст⁹ и Чижов,¹⁰ получив «листки» «Великорусса», облачились в светлые одежды и отправились с ними к губернатору, которому и представили их как благонаправленные юноши. Не из стаи ли они орлов — только не екатерининских, как Вы думаете. Другие два великих мужа, тоже из этой стаи, сделали вещь еще хуже, но я про нее сказать не могу до поры до времени — верьте на слово — ей-богу, не лгу.¹¹

Ну-тесть, я, кажется, писал Вам, что вслед за Костомаровым был взят в Петербурге Михайлов.¹² У Костомарова нашли письмо последнего, в котором была такая фраза: «У нас все идет хорошо. Как у Вас в Москве? Если и там хорошо, то...» — только всего. Он (Михайлов, — М. С.), однако, был предупрежден, и у него ничего не нашли — бумаги свои он отдал какому-то приятелю. Литераторы взволновались и подали просьбу государю в виде протеста.¹³ Просьбу отнесли министру народного просвещения, который не хотел ее брать, говоря, что литераторы не сословие, но потом взял. Просьбу послали между прочим Кушелев и Громека, служащий начальником отделения в Министерстве внутренних дел. Это было на днях, и это я знаю достоверно. В этот же день Громеку призвал Шувалов, не начальник III отделения, а брат его, занимающий какой-то важный пост в Министерстве внутренних дел.¹⁴

Час ночи, а потому до завтра, а если не успею, то до другого письма.

Шувалов говорил с Громекою от имени министра внутр<енних> дел.¹⁵ Тема такая, что вся литература опрокинулась на правительство, а потому правительство решилось завести свою газету, редакторство предлагали Громеке и 10 т<ысяч> жалованья. Он отказался, говоря, что тогда он запачкает свое честное имя. А нужно заметить, что Гр<омека> просил о разрешении ему газеты еще задолго до этого, в июле месяце.

На другой день его призывал сам министр и предлагал тоже, грозился на литературу — Громека опять отказался. Ему не позволили газету свою издавать, потому что министерство, в котором он служит и которое предлагало ему редакцию своей газеты, дало знать Мин<истерству> народ<ного> просвещ<ения>, что он неблагонадежный. Третьего дня здесь получено известие — писал Громека, что министр нар<одного> просвещ<ения> призывал литераторов, подававших протесты за Михайлова, и сказал им, что он не может дать хода бумаге, потому что М<ихайлов> — государственный преступник. Дело объяснилось так. Приятель Мих<айлова>, которому он отдал свои бумаги, соблазнился и выдал бумаги в III отд<еление>.¹⁶ А эти бумаги доказали, что «К молодому поколению» писал Михайлов. Он сознался, что печатал за границей этот листок, и ему, конечно, грозит каторга. Костомаров, говорят, писал матери, что дело его идет хорошо и что он на днях приедет в Москву. Захваченные студенты по перепечатке «Колокола» также возвратятся.¹⁷ Литераторы подают адрес государю о цензуре, и решились более не ссориться, не полемизировать друг с другом — хотят действовать дружно.¹⁸

В Москву присланы два знаменитых петербургских сыщика. Вот Вам в кратких словах новости. Пойдет ли это движение прогрессивно — бог весть. Поживем — увидим.

Поклонитесь Никитину от меня и жены. Как жаль его, бедняжку. Судьба-то улыбнулась как поздно, на пороге с смертью. Все так, верно, бывает с горемыками. Вы говорите, я мог бы взять магазин. Положим, я решился бы бросить Москву, но денег я все-таки не достану. Неужели магазин стоит только 3000 руб. Напишите условия пояснее — я не понял, и я поговорю здесь. Отчего Вы сами не возьмете магазина?¹⁹

Дела редакции плохи, но Вам мы вышлем на днях деньги все сполна. Вот Вам тема. Не напишите ли Вы такой статьи — Современные поэты как выразители общественных идей и как мыслители.²⁰ Что же о Полонском и о прочем?²¹ На графиню грустно смотреть — подписка близка, и она своя не своя. Она нынешний год потеряла своих собственных больше 20 т<ысяч> сер<ебром>. Что будем делать, если закроется газета? Беда, а делать нечего. Я решился тогда уехать в Петербург, авось там найду дела.²² Английский язык<у> нужно знать — с ним и дело будет. Готову я напишу цидулку в ругательном роде — хо-

рошо?»²³ Чеботаревскому кланяйтесь, Зиновьеву — скажите последнему, что статья его не может быть напечатана ни в одном журнале — она очень слаба. И ведь пускается же в критику.²⁴ Как Вам кажутся мои библиографические заметки? Или Вы их не читаете?²⁵ Я сам недоволен ими, но здесь их хвалят. Неужели вовсе «Русской» Речи» не читают? Неужели даже «Гувернантка» не читалась? Неужели даже об ней не говорили?²⁶ Сейчас я еду к Бартеневу торговаться с ним о статье его — биография Пушкина, которую он нам привез.²⁷ Лесков, кажется, оставляет нас — и хорошо. Это, во-первых, мерзавец большой руки, а во-вторых, и дрянь сам по себе и по писаниям своим.²⁸

Вашей статьи не присылал еще Бутков. Статей приносят много — но все дрянь. Хлопот бездна. Для себя ничего не сделаешь. Поверите ли — читать некогда даже, не только учиться. Трудно жить, очень трудно. А все-таки на учительство я не променяю своей теперешней доли. Так-тось. Таисе Николаевне усердно кланяюсь. Не сердитесь же на меня. Грешно, ей-богу, грешно. Прощайте пока.

Адрес мой: на Патриарших прудах, дом Оболеншевой. Берга: у Пяти углов, по Загородному проспекту, дом № 20, Ивановой, квартира № 34.

На следующий год цена «Русской Речи» 10 руб. с пересылкою, за полгода — 5 руб. Неужели не пойдет? Чего ж нужно?

Цитаты из этого письма приведены во вступительной статье С. А. Макашина к «Письмам М. Е. Салтыкова к Е. В. Салиас-де-Турнемир» (Литературное наследство, т. 67. М., 1959, с. 463), в примечаниях Л. Р. Ланского к публикации «Достоевский в неизданной переписке современников» (там же, т. 86. М., 1973, с. 380), в статье О. Г. Ласунского «Из разысканий об И. С. Никитине» (в кн.: Я Руси сын! Воронеж, 1974, с. 50).

¹ Гизо Франсуа Пьер Гильом (1787—1874) — известный французский историк и умеренно либеральный политический деятель.

² Речь идет о Генрихе Викентьевиче Вызинском (1834—1879), публицисте, профессоре Московского университета, затем Варшавского высшего учебного заведения, друге Е. В. Салиас-де-Турнемир, «заразившем» ее в начале 1860-х годов сочувствием к польскому освободительному движению. Суворин, не принимая либерально-аристократической (на английский образец), конституционалистической ориентации, называл его «Маколеем» (по фамилии Томаса Бабингтона Маколея (1800—1859), известного английского историка и политического деятеля). О польско-русском Маколее писал в фельетоне «Похороны „Русской речи“» (1862) Б. Н. Алмазов (Соч., т. 3. М., 1892, с. 328). В «Русской речи» были напечатаны лекции Г. В. Вызинского, прочитанные осенью 1860 г. в Московском университете, — «Очерки английской истории XVIII столетия» (1861, № 24, 23 марта; № 29, 9 апреля).

³ Вызинский был сотрудником парижской газеты «Journal des Debats» (выходила с 1789 г.). Говоря в своем письме о конституционалистах, замещающих из этого издания свои суждения, Суворин, возможно, имел в виду и Вызинского, а не только сотрудников «Современной летописи» — еженедельного приложения к журналу М. Н. Каткова «Русский вестник».

⁴ Ответ на письмо М. Ф. Де-Пуле от 14 сентября, в котором тот,

стремясь «спасти» Суворина от влияния «Современника», огульно и резко характеризует сотрудников этого журнала: «обличители», «мужики-горлопаны», «свистуны», невежи и т. д. (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 10; в том же духе письмо от 26 сентября: там же, л. 12—13). В публикуемом письме Суворин выступает защитником «молодого поколения», «Современника», Чернышевского и Добролюбова не только от нападок М. Ф. Де-Пуле, но и от других несправедливых, предубежденных оценок представителей враждебных лагерей. Суворин подчеркивает не только образованность главнейшей демократического журнала, самостоятельность их суждений, пристальное внимание к жизненным запросам, но и историческую необходимость самого демократического движения.

⁵ Суворин пишет о втором листке прокламации «Великорусс», выпущенном в Петербурге в начале сентября, в котором говорилось о необходимости «хорошего разрешения крепостного дела», т. е. освобождения крестьян с земель без выкупа, об установлении конституции, обеспечившей бы свободу самоуправления, свободу печати, и об «освобождении Польши». В Москве прокламацию получили редакторы и издатели газет и журналов — Е. Тур, М. Н. Катков, Н. Ф. Павлов и др., профессора Московского университета — И. К. Бабст, И. И. Никольский и др., а также некоторые студенты (например, Н. С. Славутинский). Правительственные репрессии, начавшиеся после появления первого листка «Великорусса», продолжались осенью и зимой 1861 г. Многие были арестованы, возбужден ряд «дел»: «о печатных листках возмутительного воззвания „Великорусс“, получасмых в С.-Петербурге по городской почте», «о листах, заподозренных в распространении воззвания „Великорусс“»: Обручеве, Данненберге, Лобанове, Яковлеве, Сваричевском и Подосском», «об отставном поручике Владимире Владимировиче Обручеве, судимом за участие в распространении неблагонадежных воззваний, и о прочих прикосновенных к сему делу лицам».

⁶ Прокламация «К молодому поколению» написана десятичными участниками революционно-демократического движения 1860-х годов — Н. В. Шелгуновым (1824—1891), публицистом, критиком, сотрудничающим в «Современнике», «Русском слове», «Деле», и М. Л. Михайловым (1829—1865), поэтом, переводчиком, публицистом «Современника». Напечатана была прокламация в лодонской типографии А. И. Герцена и привезена в Россию Михайловым. Суворин близко к тексту передает ее содержание. То был призыв «к молодому поколению» бороться с царской властью, обманувшей народ, объяснять крестьянам и солдатам «всю незаконность и разврат власти» и склонять к революции во имя общинного владения землей, народного самоуправления, политической свободы, ликвидации сословий.

⁷ Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866) — государственный деятель. За жестокое подавление польских восстаний 1831 и 1863 гг. получил прозвище «Вешатель». Как генерал-губернатор Северо-Западного края в 1863—1865 гг. был облечен большими полномочиями. В 1866 г. возглавил Верховную следственную комиссию по делу Каракозова. «Выстрел Каракозова», — писал П. Л. Лавров, — перенес диктатуру Муравьева из Вильно даже в Петербург» (Литературное наследство, т. 76. М., 1967, с. 228).

⁸ Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888) — доверенное лицо Александра II. В 1870—1881 гг. министр императорского двора, сменявший на этом посту своего отца — В. Ф. Адлерберга (1791—1884), адъютанта и друга Николая I.

⁹ Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881) — ученик Т. Н. Грановского, эконоист и историк, профессор Московского университета (1857—1874).

¹⁰ Чпжов Федор Васильевич (1811—1877) — философ славянофильской ориентации, искусствовед, профессор Московского университета.

¹¹ Речь, видимо, идет о редакторе «Русского вестника» М. Н. Каткове, которого в демократических кругах называли «запавалою и дирижером в хоре донощиков» (Утин Н. Пропаганда и организация. — Литературное наследство, т. 87. Л., 1977, с. 379), и Александре Ивановиче Кошелеве

(1806—1883), редакторе-издателе славянофильском «Русской беседы» (1856—1860). О Кушелеве стало известно, что он предостерегал правительство от опасности распространения подпольных изданий.

¹² Арест Михайлова по доносу Вс. Костомарова последовал за распространением прокламации «К молодому поколению». Она была написана им вместе с Н. В. Шелгуновым, но на допросе Михайлов взял на себя всю вину и был приговорен к 6 годам каторжных работ и к пожизненному поселению в Сибирь. Он умер через 4 года в ссылке. А. И. Герцен в «Колоколе» (1865, № 205) откликнулся на его кончину некрологом: «Убили!». Шелгунов за свою революционную деятельность также попал в заключение в крепость и ссылкой.

¹³ В середине сентября 1861 г. у издателя журнала «Русское слово» (1859—1862) графа Григория Александровича Кушелева-Безбородко (1832—1870) собрались 28 литераторов (в их числе Добролюбов, Некрасов, Вас. Курочкин, П. Лавров, А. Майков, Ив. Панаев, Д. Минаев, Г. Благовестов, Г. Елисеев, С. Максимов, М. Достоевский) и написали письмо-протест министру народного просвещения Е. В. Путятину по поводу ареста М. Л. Михайлова. В этом письме Михайлов был назван одним из лучших и благороднейших представителей литературы. Авторы, подписавшие письмо, просили разрешения избрать среди литераторов депутата, который защитил бы гражданские права Михайлова во время судебного расследования. Письмо было отнесено Г. А. Кушелевым-Безбородко, А. А. Краевским и С. С. Громекой. Разрешение получено не было.

¹⁴ Степан Степанович Громека (1823—1877) в конце 1850-х—начале 1860-х годов слыл либеральным публицистом, был корреспондентом «Колокола», сотрудником «Отечественных записок», «С.-Петербургских ведомостей», автором статьи «О полиции вне полиции» (Русский вестник, 1858, № 10). Но биография его не без основания одним казалась загадочной, а у других вызывала опасения: в прошлом — жандармский офицер, участник карательной экспедиции по «усырению» крестьян, в настоящем (1861 г.) — начальник отделения Министерства внутренних дел, пользующийся доверием своего начальства. Шувалов Павел Андреевич (1830—1908), брат шефа жандармов Шувалова Петра Андреевича (1827—1908), предложил Громеке быть редактором правительственной газеты, а министр внутренних дел эту просьбу поддержал. Громека отказался от предложения под предлогом нежелания «запачкать свое честное имя». Однако вскоре он все же «пачкает» его, ведя борьбу с «Современником» и выпустив в 1863 г., в год польского восстания, брошюру «Киевские волнения в 1855 году», в которой вспоминал о своих «подвигах» во время «усырения», давал волю своим антипольским настроениям и уверял в преданности русского народа царю, чем вызвал язвительные комментарии М. Е. Салтыкова-Щедрина в рецензии на брошюру (Современник, 1863, № 10).

¹⁵ Министром внутренних дел в 1861—1868 гг. был Петр Александрович Валуев (1830—1908).

¹⁶ Имеется в виду провокатор Вс. Костомаров.

¹⁷ К русскому читателю лондонский «Колокол» доходил несмотря на запрещения и преследования лиц, которые привозили его в Россию, перепечатывали и распространяли. Осенью 1861 г. были арестованы студенты, подозревавшиеся в распространении «Колокола». Суворин был одним из читателей «Колокола» еще во «второвском» кружке в Воронеже.

¹⁸ В письме Суворина к М. Ф. Де-Пуле от 29 ноября 1861 г. говорится, что адрес Александру II о цензуре «заясн Громека».

¹⁹ М. Ф. Де-Пуле в письме от 26 сентября 1861 г. сообщал Суворину, что ему и в Воронеже «советуют оставить магазин Никитина за собой», но он не может, так как нет денег (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 12). После смерти Никитина Де-Пуле, являясь душеприказчиком, щепетильно соблюдал интересы родных поэта. Книжный магазин он продал одному из местных купцов за большую сумму, чем предполагал прежде, — за 7 с лишним тысяч.

²⁰ На предложение Суворина написать статью о современных поэтах Де-Пуле ответил: «Что Вам вздумалось заявить мне такую тему — о современных поэтах? Да о ком и говорить из них? О Некрасове, например, не позволят. Да и труд громадный, да и каких подбирать поэтов? Объяснитесь» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 14). Статьи Де-Пуле не написал. В «Русской речи» (1861, № 103—104, 31 декабря) была напечатана статья Суворина о втором издании «Стихотворений» Н. А. Некрасова (СПб., 1861).

²¹ Об Я. П. Полонском М. Ф. Де-Пуле обещал написать, когда выйдет его роман «Свежее предание» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 14). Роман печатался в журнале «Время» (1861, № 6, 10; 1862, № 1). Ко времени публикации здесь пятой главы романа «Русская речь» уже кончила свое существование.

²² В декабре 1862 г. Суворин переехал в Петербург и начал работать в «С.-Петербургских ведомостях» (редактор В. Ф. Корш), сначала секретарем, а затем одним из самых активных сотрудников газеты.

²³ Это ответ на жалобу Де-Пуле в письме от 13—14 сентября 1861 г., что издатель «Воронежской беседы» П. П. Глотов недоплачивает авторам (И. С. Никитину, Г. М. Веселовскому, Де-Пуле), «словом, подличает» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 11).

²⁴ Речь идет о неопубликованной статье И. И. Зинovieва о «Воронежском литературном сборнике», предложенной им газете.

²⁵ Имеются в виду «Библиографические заметки» Суворина, напечатанные в № 67, 68, 72, 75 от 20, 24 августа, 7, 17 сентября. В № 74, от 14 сентября, заметки «Вести и слухи», видимо, тоже принадлежат Суворину. О своем мнении Де-Пуле не написал, так как неотступно находился у постели умирающего И. С. Никитина и «не мог взять перо в руки» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 6).

²⁶ Речь идет о повести О. Касторской «Гувернаптка».

²⁷ Бартенева Петр Иванович (1829—1912) — историк, филолог, библиограф, издатель-редактор журнала «Русский архив» (с 1863 г.), хранитель (с 1859 г.) уникальной «Чертковской библиотеки» в Москве, унаследованной им от деда — А. Д. Черткова (1789—1858), историка, археолога. Бартенева был другом И. С. Никитина, помогавшим комплектованию его книжного магазина-библиотеки. Суворин имеет в виду исследование Бартенева «Пушкин в Южной России. Материалы к биографии Пушкина», которое вскоре появилось в «Русской речи» (1861, № 35, 88, 90, 93, 94, 98, 101, 103—104).

²⁸ В демократических кругах в начале 1860-х годов проявилась настроенность по отношению к Н. С. Лескову, которую усилили его статьи о петербургских пожарах, а затем антинигилистический роман «Некуда» (1864). Суворинская характеристика Лескова претерпела в дальнейшем изменение.

7

21 октября 1861 г.

Дорогой Михаил Федорович,

посылаю Вам всего 30 руб. из 43 р^{уб.} 52 коп., которые Вам должна редакция.¹ Что делать? Буду писать Вам обо всем со следующей почтой непременно.

Жаль бедняка Ивана Савича — у меня слеза прошибла, когда прочитал я об его смерти.²

За Хомякова Вы должны 75 к^{оп.} да за Солов^{ко}л — 2 р^{уб.} и за историю дух^{овной} лит^{ературы} — 3 р^{уб.}; следоват^{ельно}», всего редакция останется Вам должна 7 руб. 77 коп.

Что Вам выслать? Хотите Хомякова и К. Аксакова, которые на днях выйдут?³

Также Николавне мой усердный поклон. Чеботаревскому и Алек<сандру> Петр<овичу>⁴ также.

Ваш А. Суворин.

Письмо датируется по типографскому штампу в левом углу страницы: «Редакция газеты „Русская речь“ (вписано: октября 21 дня 1861 г.) Москва».

¹ Речь идет о гонораре за статьи М. Ф. Де-Пуле в «Русской речи».

² Во «Внутреннем обозрении» «Русской речи» (1861, № 86, 26 октября) сообщалось: «16 октября в 5 часов пополудни скончался в Воронеже известный писатель и тамошний книгопродавец И. С. Никитин. В одном из ближайших номеров „Русской речи“ мы сообщим о нем биографические сведения, полученные нами от лица, близко знавшего покойного в последнее время его жизни». Нет сомнения, что писал эту заметку Суворин, а упоминаемое им лицо — Де-Пуле, который смог написать Суворину лишь 2 ноября: «Что сказать Вам? С чего начать? Никитин умер <...> Угасла благородная жизнь, погиб один из могучих бойцов, завещая нам горькую, безотрадную повесть своей жизни <...> Он умер в совершеннейшей памяти». Де-Пуле пишет, что «дела магазина Никитина» поглощают решительно все его свободное время: «Я теперь вполне убедился, что влияние Никитина, как книгопродавца, на воронежское общество было громадное» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 15—16). 3 ноября в «Московских ведомостях» (№ 241) появился некролог «Иван Саввич Никитин», написанный Де-Пуле, в котором сообщались некоторые факты биографии поэта, характеризующие «тот тернистый путь, по которому он должен был идти, прежде чем выбился на прямую дорогу». В той же газете напечатана заметка другого члена «второвского» кружка — Ф. Н. Берга «Два слова о покойном И. С. Никитине» (1862, № 10, 14 января). В «Русской речи» со статьей о Никитине выступил Суворин.

³ Речь идет об изданиях: Хомяков А. С. Стихотворения, т. I. М., 1861; Обзор русской духовной литературы Филарета Гумилевского. Харьков, 1859; Аксаков К. С. Полн. собр. соч., т. I. М., 1861.

⁴ Нордштейн Александр Петрович (1809—1880) — военный инженер, один из деятельных членов «второвского» кружка.

8

Дорогой Михаил Федорович.

Вот и пишу я к Вам, а о чем писать? Ведь Вы все знаете, вероятно, по письмам Вашего брата.¹ Цензура оживляется — это верное известие; вчера Лонгинов² вызван отсюда в Петербург министром народного просвещения для пересмотра нового устава. Польше дадут полную конституцию; так чтобы потешить чем-нибудь Россию, ей дадут свободную печать и суд присяжных, который как пробу приложат прежде всего к литераторам. Устроено по образцу французскому — взнос денег за право издавать журнал — сумму я не знаю еще, и ответственность редактора за статьи неподписанные и проч. и проч. — Вы же знакомы, конечно, с французским устройством. Но это меня вовсе не радует.

«Русская» Речь» останется такою же сумбурною, такою же бесцветною газетою, каковою она обретается в настоящее время. Вы не можете себе представить, что это за редакция наша. Графиня — взбалмошная женщина, корчившая из себя во время студенческой истории какого-то римского полководца,³ волновавшаяся, оставивши газету на произвол судьбы, и говорившая такие глупости, что их повторять я не решаюсь. В литературе она ни бельмеса не смыслит, жизни русской не знает, газетного такту ни на волос, знающая французскую жизнь, и больше ничего. Феоктистов — совершеннейшая баба, скверная, апатичная, дряхлая, несмотря на свою молодость, баба, никуда не годная. Он жаждет спасения от политики и заводит себе корреспондентов в Париже, Вене, Лондоне, вместо того чтобы завести их в Киеве, Воронеже, Саратове и проч. Ни та, ни другой ни к шуту, как видите, не годятся; при такой редакции газета идти не может. При новом цензурном уставе она также не пойдет, потому что Феоктистов, поверьте мне, будет хуже всякого цензора. Это протухлый консерватор.

«День» пошел великолепно, и, разумеется, он отобьет у нас и тех подписчиков, которые могли бы быть.⁴ Отношения мои к редакции, впрочем, очень дружелюбны, статьями моими они дорожат, но, клянусь Вам, дорогой М^сихаил Ф^седорович, я-то не дорожу ими и считал их ни более, ни менее как за мерзейшую сволочь, идущую разве на подтирку, а это довольство опять-таки доказывает, как они хорошо понимают суть дела.

Денежные дела графини очень плохи, а тут она еще дочь выдает за флигель-адъютанта⁵ — опять расходы. Конечно, деньги у ней будут, но тем жалче, потому что и эти пропадут даром, и только увеличит собою графиня число нищих, да меня с семьею прибавит к ним. Ужасно досадно и на себя самого, и на графиню.

С каким удовольствием прочел я статью Вашу о Кольцове — прекрасная статья, одна из самых лучших, написанных Вами.⁶ Но зато свои статьи прочел с неудовольствием — дрянь, ей-богу, дрянь, и будь это теперь, я ни за что не подписал под ними своего имени.⁷ Право, понимание жизни и самого себя у меня подвинулось вперед. А что стану я делать, когда газета прекратится? Ехать в Петербург по мытарствам! Что делать, поеду, куда ни шло.

Здоровья нету — всего ломит, и голова потому не свежа, и учиться некогда, и читать некогда. Я произвожу поневоле бездну, и все за ту же плату — 75 руб., да и тут Вам, милый мой, обязан я прибавкою 25 руб. к пятидесяти. В прошлый месяц вместо 24 столбцов я написал 32, нынешний будет меньше, но все-таки больше 24. Жаль прежнего, жаль прежних надежд, нехитрых, правда, да зато осуществимых, а тут... да не хочется и говорить. Воропежа, разумеется, не жаль. Кто теперь там? Вы одни — п только.

Я о Никитине напишу в «Русскую» Р^сечь», хоть, при-

знаться, не хочется писать, да и, главное, нечего. Кто расскажет внутреннюю жизнь человека, его страдания, его симпатии, а внешняя у нас и у генералов бедна, не только у такого человека, такого *маленького*, как Никитин. Бедняжка — жаль его. Только что улыбаться было стала ему жизнь — и умереть!⁸ Значит я проживу еще долго, потому что не вижу улыбки на лице жизни. Мне принесли работу. Напишите, говорят, о Грубе, да мелочи к завтрашнему утру, а не забудьте, что я уже две статьи отправил в типографию.⁹ Черти, а не люди. Да впрочем, что толковать тут? Сам виноват. Нечего на зеркало пенять и проч.

Напишите что-нибудь для «Русской речи», что Вы любите. Разве Вы не можете выбрать чего-нибудь *пропущенного* нашей критикой. Заметили, что «Время» Кохановскую относит к явлениям пропущенным.¹⁰

Завтра еще что-нибудь напишу. Покуда прощайте.

Тут студенты — в том числе и сын графини, прекраснейший юноша, — отправились в прошлое воскресенье в Петербург с адресом государю. Сколько можно судить по телеграмме, полученной от них на мое имя, — адрес подан государю чрез флигель-адъютанта, — сам не вышел к ним. Сегодня ждем их назад. Ездили Сальяс,¹¹ Покровский¹² и Шипов.¹³ От студенческой истории ждали чуть не революции, а на деле вышел пух. Что наша провинция. «Воронежская» Беседа» сильно покупается в Москве,¹⁴ а Сборника никто еще не продал ни одного экземпляра.¹⁵

Как только выйдет новое положение, графиня обращает свою газету в ежедневную и за ту же цену. Она привлекает для внутреннего обозрения Громеку и хочет на весну переезжать с газетою в Петербург. Подписчиков на 62<-й> год пока 1 только, а она уверена, что газета пойдет — странная женщина, хотя бы Вы написали ей, что так дело вести нельзя, что в настоящее время особенно дороги провинциальные корреспонденты, что в Черногории война, а у нас в газете ни слова о ней, а во Франции закроют общество «*St. Vincent de Paul*» — и у нас раздражаются статьей и громко называют ее уроками политической свободы во Франции.¹⁶

Кланяйтесь своим. Пришлите же мне «Воронежскую Беседу», а другой экземпляр отправьте к Николаю Федоровичу Торбургу¹⁷ и напишите на книжке, что это от меня. Пожалуйста, распорядитесь этим.

Ваш А. Сувор<ин>.

27 октября <1861>.

¹ Сводный брат М. Ф. Де-Пуле, Л. Н. Павленков, сообщал из Петербурга политические и литературные новости в Воронеж.

² Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — библиограф, историк литературы. Был вызван в Петербург Е. В. Путятиным. В 1867 г. Лонгинов — орловский губернатор; в 1871—1875 гг. — начальник Главного управления по делам печати.

³ Е. В. Салиас-де-Турнемир очень близко к сердцу приняла студенческие волнения, участником которых был и ее сын. В газете «Русская речь» (№ 84, 19 октября; № 85, 22 октября) освещались предыстория волнений студентов Московского университета и само событие. Первоначальным поводом явились новые («путятинские») правила, опубликованные в «Журнале Министерства народного просвещения» в июне—июле 1861 г. За студентами усиливался надзор, запрещались сходки и взималась плата за обучение — 50 руб. 23 сентября около 500 студентов устроили сходку в университетском зале, несмотря на уговоры и запрещения своего начальства. Е. В. Путятин распорядился прекратить лекции до того времени, когда студентам, выполняющим новые правила, будут выданы матрикулы. Это вызвало взрыв возмущения студентов. 12 октября они собрались на Тверской площади против дома военного губернатора Т. А. Тучкова и потребовали выслушать их. Полиция арестовала более 300 студентов. В столкновении с нею пострадало несколько человек; особая комиссия, расследовавшая это событие, «удержала под арестом 39 человек». Студенческие волнения в Петербурге, Москве, Казани заставили правительство пойти на некоторые уступки. Путятин был заменен умеренно либеральным Александром Васильевичем Головинным (1821—1886), исполнявшим должность министра народного просвещения с 25 декабря 1861 по 14 апреля 1866 г.

⁴ «День» — газета славянофильской ориентации, издавалась в 1861—1865 гг. И. С. Аксаковым.

⁵ Дочь Е. В. Салиас-де-Турнемир, Мария Андреевна, вышла замуж за флигель-адъютанта Иосифа Владимировича Гурко (1828—1901), впоследствии фельдмаршала. С 1883 г. Гурко, будучи варшавским генерал-губернатором, проводил политику русификации Польши. Салиас последние годы своей жизни провела в семье дочери в Польше, в бывшем дворце польских королей — резиденции зятя, и от ее бывшего сочувствия польскому освободительному движению не осталось и следа.

⁶ Статья М. Ф. Де-Пуле «Алексей Васильевич Кольцов» появилась в «Воронежской беседе». Автор определил так свою задачу: «поставить Кольцова на историческую почву». И хотя, как отметил М. А. Антонович в рецензии на этот сборник (Современник, 1861, № 12), Де-Пуле не удалось ее выполнить, все же следует отметить его заслуги: он привел многие данные биографии Кольцова, сведения о его воронежском окружении и сказал о большом значении для развития Кольцова как человека и народного поэта близости его к В. Г. Белинскому и Н. В. Станкевичу. В письме к Суворину от 2 ноября 1861 г. Де-Пуле благодарил за «лестный отзыв» о своей статье, выражал радость по поводу успеха «Воронежской беседы» у читателей и спрашивал: «Нельзя ли в „Русской Речи“ что-нибудь сказать о „Беседе“; конечно, не Вам, дабы не заговорили...» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 15). Суворин пренебрег возможными кривотолками и сам написал для «Русской речи» о «Воронежской беседе» (1861, № 92, 16 ноября).

⁷ Суворин выражает недовольство своими рассказами, опубликованными в «Воронежской беседе». В ответном письме Де-Пуле возражает ему: «Если Вы так думаете о „Черничке“, то извините, Вы ничего не смыслите <...> Дело Ваше в таких вещах, как „Черничка“ и „Гарибальди“, а не в фельетонах» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 15, 17).

⁸ Статья Суворина «Иван Саввич Никитин» появилась в № 89 «Русской речи» за 1861 г. (5 ноября). В пей автор писал, что познакомился с поэтом летом 1859 г., когда тот уже не терпел нужды. Суворин стремился создать правдивый, без идеализации и патетики, образ Никитина: по его словам, последний не принадлежал к экспансивным натурам, был скорее суров, неразговорчив и лишь при более тесном общении раскрывался с полным доверием, и тогда оказывалось, что он обладает чувством юмора, мастерски рассказывает. Человек «независимого характера, он никому не льстил и не любил оскорбительного покровительства». Корни поэзии Никитина Суворин видел в самой жизни. Никитин — «поэт нужды»,

которую сам испытал с избытком. «Русскую природу любил он сознательно» и прекрасно описывал ее. Суворин сообщал некоторые сведения к будущей биографии поэта: в нем большое участие принимал Н. И. Второв; он сохранил до конца дней дружеское отношение к М. Ф. Де-Пуле; его огорчил критический отзыв «Современника», хотя он и признавал, что «рецензент во многом прав». Статья Суворина, по словам Де-Пуле, в Воронеже «никому не понравилась», ее сочли там чуть ли не обличительной (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 18). Из других писем Суворина и Де-Пуле видно, что они разошлись во мнении, как именно нужно писать о Неклюте.

⁹ «Две статейки», которые Суворин «отправил в типографию», — «Библиографические заметки» и сообщение (отдел «Внутреннее обозрение») о кончине И. С. Никитина, — опубликованы в № 86 «Русской речи» от 26 октября. Рецензия на книгу «Географические очерки и картины. Составлено по Грубе и другим источникам» (вып. 1—2. М., 1861) вошла в суворинское «Литературное и ученое обозрение» (Русская речь, 1861, № 87, 29 октября). В основу рецензируемого издания положена книга А. В. Грубе «Geographische Charakterbilder», выдержавшая в Германии семь изданий. Оценка этого учебного пособия Сувориным близка к оценке его Н. Г. Чернышевским (Современник, 1861, № 10).

¹⁰ Автором статьи «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести» (Время, 1861, № 9) В. С. Нечаева предположительно называет М. Ф. Де-Пуле (Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». М., 1972, с. 258). Сохановская (псевдоним — Кохановская) Надежда Степановна (1825—1884) — писательница славянофильской ориентации, сотрудница газеты «День», журналов «Время» и «Эпоха».

¹¹ Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир (1840—1908), сын Е. В. Салиас-де-Турнемир, за участие в студенческом движении был в 1861 г. исключен из Московского университета и находился много лет под надзором полиции (см. его мемуары «Семь арестов»: Исторический вестник, 1898, № 2, февраль). Впоследствии — исторический романист, редактор «С.-Петербургских ведомостей», член Комитета иностранной цензуры, управляющий Конторой имп. театров; эволюционировал в сторону официальной идеологии. См. о нем: Короленко В. Г. Стереотипные в жизни русского писателя. — В кн.: Короленко В. Г. Собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 340—341.

¹² Покровский Аполлинарий Палладиевич (1840—1883) — за участие в студенческом движении был арестован 5 октября 1861 г., заключен в Петропавловскую крепость, а затем выслан.

¹³ Шипов Павел Александрович (1841—1892) — вольнослушатель Московского университета, участник студенческого движения 1861 г. Позднее был арестован и заключен в Петропавловскую крепость по делам тайного общества «Земля и воля» (содействие побегу Ивана Кельсиева) и за распространение прокламации «Молодая Россия». Адрес от трех депутатов — Покровского, Шипова и Салиаса — принял в Царском Селе 24 октября 1861 г. дежурный флигель-адъютант. Царь нашел поступок делегатов-студентов необдуманным, но простил их.

¹⁴ М. Ф. Де-Пуле сообщал Суворину 22 декабря 1861 г., что «Воронежская беседа» совсем не раскупается в Воронеже; продано 25 экземпляров; «Глотот в страшном убытке» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 18).

¹⁵ Т. е. «Воронежский литературный сборник».

¹⁶ Имеется в виду статья «Уроки политической свободы во Франции» (Русская речь, 1861, № 85, 22 октября), в которой говорилось о политике, проводимой министром иностранных дел де Персины: многие газеты, даже весьма умеренные, получили предостережения, а давнее благотворительное общество (братство), названное по имени своего основателя Société de St. Vincent de Paul, фактически было закрыто за тесную связь с католическим духовенством; были распущены провинциальные и главный парижский советы братства. Для доказательства неразумного ведения

Е. М. Феоктистовым и Е. Тур газеты «Русская речь» Суворин приводит три факта: не привлекаются провинциальные корреспонденты, которые в совокупности могли бы создать картину внутренней жизни России; не освещаются важные события международного характера (например, война Черногории с турками, окончившаяся в начале 1860-х годов ее поражением, оккупацией страны врагами и затем многие годы не прекращавшейся партизанской борьбой черногорцев с турками); возводятся на принципиальную высоту незначительные для международной политики явления, частные факты французской жизни.

¹⁷ Торбург Николай Федорович — учитель математики в воронежской школе трудолюбия.

9

29 ноября 1861 г. Москва.

Голубчик Михаил Федорович, Вы, кажется, остриете на мой счет? Полноте — лежачего не бьют. Я завтра же исполню просимое Вами.¹ Но Вы, право, ужасны с Вашими остротами. Что Вы трогаете бедную редакцию, что Вы меня-то трогаете? Ведь я-то тут не при чем. Я сегодня получил Ваше письмо, и сегодня же решаюсь отвечать, потому что отложивши ответ на день, и не сберешься в неделю. Я разбит, завален работою, о чем я, кажется, уже и писал Вам. Но теперь, несмотря на то, я намерен повториться, выслушайте еще раз lamentации Иеремиины.²

Начну с того, что почти с октября вся редакторская часть лежала на мне. Феокт<истов> отличается необыкновенным равнодушием, графиня так занялась студентской историею, что корчила из себя только римского полководца, а не женщину, и о газете совсем забыла. Как женщина страстная, она предалась всем существом движению, тем более что сын ее играл в истории одну из главных ролей, ездил к государю с адресом и теперь исключен. Потом графиня просватала дочь свою старшую за флигель-адъютанта Гурко, прекрасного человека, и этому отдалась снова. Теперь она за границей — поехала делать приданое и воротится к рождеству только. На прошлой неделе и Феокт<истов> уехал в Петербург на съезд, и я больше недели заправлял редакцию (состав № 94 и 95 исключительно мне принадлежит, и надеюсь Вы довольны 95 №).³ Вчера Феокт<истов> приехал, и мною овладело прежнее равнодушие. Этот человек, при всей своей доброте, имеет странное свойство отталкивать от себя всех своим доктринерством — человек он 40-х годов. Такого возмутительного поклонения Англии я не видал еще, таких аристократических тенденций нет даже и в графине.

Кстати уж о доктринах. Писал я Вам об адресе, который затеял Громека к царю по поводу цензуры и приезжал нарочно в Москву.⁴ Сбор был у Каткова, я был. Вся гнусность и трусость московских ученых, этих не свистунов, высказались тут во

всем своим блеске и величии. Особенно хороши были Чичерин⁵ и Соловьев.⁶

Кстати о Чичерине. Нравится Вам его вступительная лекция? Мне она до тошноты противна, и до гадости подла она. Вот что рассказывал Феоктистов, возвратясь из Петербурга. Лекцию читал государь и написал на ней: «Хорошо, спасибо, совершенно справедливо». Ее приказано было прочитать во всех корпусах, в полном сборе кадет, и даже в артиллерийской академии. «Вот, мол, человек наукой дошел до каких выводов — поучайтесь!». Цензура взбеленилась и не пропускала статей о Чичерине, даже тех, которые указывали ошибки его чисто научного свойства. Статьи просматриваются министром, и им же поправляются. Только на днях стали появляться резкие приговоры. Чичерин, Михаил Федорович, не свистун, он человек ученый, проеденный ученостью. Я видел его поганую <...> рожу. Он не свистун,⁷ Михаил Федорович!..

А вот смерть свистуна Добролюбова меня глубоко огорчила. Когда получено было известие о его смерти, Феоктистов отправлялся в Петербург и сказал мне, что мы, мол, не разделяли мнений Добролюбова, а потому перепечатайте только извещение и от себя ничего не прибавляйте. Я, разумеется, побожился сделать наоборот — и сделал, как Вы, вероятно, и видели.⁸ Только на могиле, говорят, Чернышевский сочинил глупую шутку. Он говорил речь, в которой досталось правительству, в которой прямо говорилось, что одною из причин смерти Добролюбова были цензурные и всякие другие стеснения. «Чем же кончить, господа? — сказал оратор. — Добролюбов с особенным удовольствием занимался Свистком — так почтим же память его смехом — ха, ха, ха»...⁹ Потом приехал Тиблен, издатель Москвы, и стал говорить речь о равнодушии литераторов к Добролюбову. — «Отечественные Записки» здесь? — стал перекликать он. Молчание. «Русское Слово» здесь? — «Я», — басит Благодетель.¹⁰ Чернышевский подошел к Тиблену и сказал, чтоб он перестал делать глупости. Верно, сознал, что довольно и той одной, которую он сделал. Полиция впопыхах по поводу похорон — и Чернышевского, пожалуй, возьмут, особенно после печатных доносов Чичерина.

Подписка на все газеты идет ужасно плохо. На «Русскую Речь» также, но издаваться она будет, вероятно, а впрочем — между нами, пожалуйста — Аллах ведает. До 25 ноября в прошлом году у «С.-Петербургских Вестомостей» было 4800 подписчиков, в нынешнем по то же число только 1000. Журналисты воют, и, вероятно, гонорарий упадет. Вам это ничего, а мне придется плохо. В самом деле, что мне будет делать, когда прекратится «Речь»? У графини связей нет почти никаких. Мысль эта сильно тревожит меня, и я не знаю, на что и решиться. Занятий такая бездна, что я не могу заняться языками. А с одним французским ничего не поделаешь. Сколько я работаю — мо-

жете заключить из того, что в нынешний месяц я написал 40 столбцов, начиная с статьи о Никитине.

Жаль Зиновьева — он, верно, на меня сердится, а я не виноват ни в чем — статью его читала графиня и прямо сказала, что она и велика и неудобна, «да тем более, — прибавила она, — что мы сами можем написать». Поклонитесь ему от меня и скажите ему, что от всей души желаю я ему вечного счастья и здоровья.

Вы что же это сарказмы пускаете в меня, доморощенного критика? Ведь о хрестоматии Галахова знаете я как писал? Галахов — приятель Феоктистова и написал ему письмо, чтоб как можно скорей написать библиографическую заметку о его книге. Феоктистов дал мне — я и написал.¹¹ Теперь пишу и внутреннее обозрение (с 96 № и в 97 № будет мое).¹²

Лесков уехал, оказался негодяем страшным, и мы его выжили. Впрочем, до нового года, вероятно, от него не отделаешься. Я рад, что сошлись Вы с Станкевичем. Графиня еще в Сокольниках много хорошего говорила о его уме.¹³ Приволокнитесь. Разомните старые кости. Неужели и Вас похоронят в Воронеже? Какого сатаны Вы ждете в этом болоте? Жена моя скучает о Воронеже, но я нисколько. Только иногда разве, как подумаешь, что придется делать, если газета закроется, то и пожалеешь учительство и все то, что потеряно. Рука не пишет, голубчик М^{ихаил} Ф^{едорович}, ей-богу, не пишет. Поверите ли, что писанье так опротивело, что как выдается день (таких дня 3 в месяц), в который ничего не нужно писать, то и не хочешь видеть ни пера, ни чернил.

Знаете, я любопытен, как женщина, и желал бы мухой быть, чтобы слышать, что Вы говорили обо мне у Станкевича?¹⁴ Как «Речь», читается ли? В Воронеже, кажется, думают, что она прекратится? Я огрел Гарденина. Он предложил обмен своего сборника и прислал экземпляр за нынешний год и билет на получение на следующий — я ему написал ответ, не справляясь с мнением Феоктистова.

А знаете, с статьей моей по поводу «Беседы» вышла история.¹⁵ Ее запретил цензурный комитет, и я битых три часа сидел у Петрова, который марал ее, выправлял и изменял. Я было провел в ней идею о непрощенных героях, каковы наши разные герои, начиная с властителей, поставленных небом, и противопоставил им Гарибальди, как героя признанного, желанного.¹⁶

Вы хотите написать о Некрасове — я решительно не знаю, как это сделать. Ведь они прикажут мне писать, а Некрасов еще не выходил.¹⁷ А Полонского роман выведенного яйца не стоит¹⁸ — ей-богу, так. Берг в крепости. Он взят по поводу студентской истории, а потом примешан к Костомаровской истории. Суд над Мих^{айловым} еще не кончен. 3-й № «Великорусса» вышел — предлагают вопрос: оставить ли варягов на престоле или изгнать за море? Он наделал шуму всем — знаете?

1000 руб. полиция назначила за уловление кого-либо из пайки «Великорусса».¹⁹ Шуты. Как Вам нравятся иеремиады Ив<ана> Аксакова?²⁰ Благодать им, он имеет уже больше 1000 подписчиков, а начал с 200.

Сколько новостей-то у Вас! Котлеров — боже!²¹ Малыхин блаженствует, я думаю.²² А что, за статью о его сборнике не сердился он? Поклонитесь ему от меня — скажите, мол, соблезную о том, что не мог быть у него в Воронеже, и так мучусь, мучусь раскаянием.

Блюммер выдержал на кандидата, стал походить на шпиона, и недели с три тому собирался за границу. Уехал ли — черт знает. А что он говорит? Ей-богу, лучше Чичерпна. Павлов, уезжая в Петербург, занял 3 целковых, а приехав в Москву, ежедневную газету стал издавать.²³ Он получил — кто говорит 10, кто 25 тысяч субсидии от правительства. От такого подлеца большего ждать нечего.

А Малыхину Вы все-таки скажите. А Алекс<ей> Петровиц?! ах, он учитель, ах, он девственник, ах, злодей. Кланяйтесь ему. Скажите мое глубокое и усердное почтение Таисе Николавне. Чай пить, верно, не придется мне у Вас. А ведь хорошо жилишь?! Черт дернул меня, да Вы, достопочтеннейший юноша, несмотря на Ваши 40 лет (не ошибаюсь?). Чеботаревский, верно, вышел свиньей. Напишите мне — я напишу ему послание прекуръезное, в котором поздравлю с свинством. Прощайте, голубчик, дай Вам бог всего, всего... Пишите мне, ради бога. Алекс<сандру> Дм<итриевичу> поклонитесь,²⁴ все легче на душе будет — сановник ведь — с почтением ты всегда должен. Ох, ужэ эти сановники осинные... Еще раз простите, да не забывайте. А что «Воронежскую» беседу» в сле<дующем> году издавать не станете? А то пригласите — повестушку состряпаемте.

Посылаю Вам «Жизнь Сперанского» (3 р<уб.>), Рыбникова (2 р<уб.>) и Гамлета (1 р<уб.>), за пересылку не знаю еще что.²⁵ Некрасов не получен еще здесь, а статейку-то Вы пришлите.²⁶ Знаете, Ваша статья о прислуге до сих пор еще в цензуре. Разве Вы не можете коснуться каких-нибудь общественных вопросов, разве Вас ничто не вызывает на слово? Уж вы пожалейте газету-то, не срамите — ведь она все-таки лучшая между еженедельными. Не с «Вском» же ее сравнивать.²⁷ не с одностороннею же «Совр<ременною> Летописью». Читают ли «Внутрен<нее> обозрение», — напишите, пожалуйста. Как «День» у Вас читают?

¹ Ответ на просьбы М. Ф. Де-Пуле узнать у Ф. И. Буслаева, будет ли он писать отзыв об «Орловских актах» в «Русской речи».

² Подразумевается скорбный плач библейского пророка Иеремии по поводу разрушения Иерусалима. Ламентации (лат.) — жалоба, сетования.

³ В № 95 и 96 «Русской речи» за 1861 г. (23 и 26 ноября) наиболее интересны очерки В. Слепцова «Владимирка и Клязьма», рассказ А. Ле-

витова «Накануне Христова дня», статья Суворина «Народные просветители» (подпись: А. С.) и его анонимное «Внутреннее обозрение».

⁴ Суворин и его корреспонденты неоднократно жаловались друг другу на все усиливающийся гнет цензуры (см. письма Е. Тур к Суворину от 30 апреля 1861 г.: ЦГАЛИ. ф. 459, оп. 1, № 5363, л. 8; письма М. Ф. Де-Пуле к Суворину от 3 августа 1861 г.: там же, № 3514, л. 3). Но при этом Суворин весьма проницательно относился к либеральствующим журналистам М. Н. Каткову и С. С. Громеке, надеясь добиться изменений цензурного устава такими акциями, как адреса к царю. О том, что современная цензурная политика на самом деле была санкционирована верховной властью, можно убедиться, прочитав письмо, посланное через несколько месяцев, 17 мая 1862 г., министром народного просвещения А. В. Головниным министру внутренних дел П. А. Валуеву (Литературное наследство, т. 86. М., 1973, с. 23).

⁵ Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — юрист, историк, публицист, профессор государственного права в Московском университете, один из самых последовательных противников социализма, революции, публично упрекавший Чернышевского в проповеди этих идей и в заражении ими студентов университетов и учащихся военных заведений. Чичерин был любимым наставником псалевича Николая Александровича и объектом критики «Колокола» и «Современника». Он благоволил относиться к реформам Александра II, был защитником дворянства как привилегированного сословия. Вступительная лекция Чичерина в Московском университете (28 октября 1861 г.), в которой он высказывал эти взгляды, решительно протестовал против студенческих беспорядков («В стены этого здания не должен проникать шум страстей, волнующих общество»), была опубликована в «Московских ведомостях» (1861, № 238, 30 октября). В том же духе возражал он профессору Петербургского университета Н. И. Костомарову, который придерживался в своих статьях, напечатанных в «С.-Петербургских ведомостях» (1861, № 237, 29 октября; № 268, 30 ноября), иных взглядов и говорил о необходимости преобразования университетов, сближения их с жизнью, о широком доступе всех желающих на открытые публичные лекции. Чичерин утверждал, что университеты не нуждаются в преобразовании, что появление в них посторонних слушателей, особенно женщин, было бы «уже совершенным искажением университетов», превратило бы преподавание в них «в общественную пропаганду» (Московские ведомости, 1861, № 250, 14 ноября; № 260, 26 ноября; см. также: Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1929, с. 17—24, 43—58). В «Русской речи» в отделе «Смесь» была напечатана анонимная заметка «Вопрос об университете в нашей журналистике» (1861, № 92, 16 ноября), которую, судя по ее содержанию, тону и отношению к Чичерину, написал Суворин.

⁶ Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — видный историк, профессор Московского университета, автор «Истории России с древнейших времен» (1851—1879), в которой ряд исторических лиц и событий охарактеризован односторонне. Ф. М. Достоевский, например, упрекал Соловьева в том, что он не показывал ошибок Петра I: «Это не история, а панегирик» (Литературное наследство, т. 83. М., 1974, с. 317).

⁷ «Свистунами» (по названию добролюбовского отдела в «Современнике» — «Свисток»), «красными», «мальчишками», «нигилистами» называли революционных демократов во враждебном лагере.

⁸ В «Русской речи» не было напечатано ни извещения о смерти Добролюбова (17 ноября), ни статьи о нем.

⁹ Похороны Н. А. Добролюбова состоялись 20 ноября 1861 г. О них в «Современнике» (1861, № 11) написал под псевдонимом «Новый поэт» И. И. Панаев. Созданная им картина была лишена тех неуместных «шутки», о которых с чужого голоса говорил Суворин. На похоронах было до 200 литераторов, журналистов, профессоров. Гроб несли на руках от квартиры на Литейном до Волкова кладбища. «Над гробом Добролюбова и над его могилой произнесено было несколько горьких и задумчивых

ных слов его друзьям и посторонними лицами и прочтены отрывки из его дневника» (с. 78).

¹⁰ Тиблен Николай Львович (1825—после 1869) — книгоиздатель, близкий к революционной демократии. «Отечественные записки» — журнал умеренно либерального направления (1839—1867), издававшийся А. А. Тибленским; «Русское слово» — демократический журнал, фактическим редактором которого в 1860—1866 гг. был публицист, революционный деятель Г. Е. Благовестлов.

¹¹ Явно наспех написанная заметка Суворина о первом томе «Исторической хрестоматии нового периода русской словесности», составленном А. Д. Галаховым (СПб., 1861), была напечатана в № 87 «Русской речи» (в отделе «Литературное и ученое обозрение») за 1861 г. (29 октября).

¹² Суворину пришлось писать «Внутреннее обозрение» для нескольких номеров «Русской речи» в связи с уходом из газеты Н. С. Лескова. До конца существования этой газеты, т. е. до 4 января 1862 г., в ней не появлялось больше ничего, написанного Лесковым.

¹³ Станкевич Александр Владимирович (1821—1912) — член философско-литературного кружка, основателем которого был его старший брат Николай Владимирович Станкевич (1813—1840). В письме к Я. М. Певцову от 6 июня 1877 г. М. Ф. Де-Пуле писал: «Я, по воронежской жизни (1862—1864), был очень близко знаком с его (Н. В. Станкевича, — М. С.) братом Александром Владимировичем. А теперь мы с ним чуть не рассорились (говору в шутку) из-за Кольцова, или, точнее, из-за Белинского. Он, А. В. Станкевич, считает все показания Белинского непогрешимыми, особенно семейные отношения Кольцова. Я их отвергаю (конечно, фактами)» («Литературное наследство», т. 56. М., 1950, с. 294). Речь шла о статье М. Ф. Де-Пуле «Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке», напечатанной первоначально в «Древней и новой России» (1878, № 3—6).

¹⁴ М. Ф. Де-Пуле писал Суворину 22 декабря 1861 г.: «Вчера я был у Станкевича. М-ше Станкевич восторженно говорит о графине «Е. В. Салпас-де-Турпемир», а Вас знает по отзывам последней» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 18).

¹⁵ Статья Суворина «Наши герои. («Воронежская беседа» на 1861 г.)» появилась в № 92 «Русской речи» за 1861 г. (16 ноября). «Есть герои — вепчанские, герои-полководцы, герои-мученики», — писал Суворин в начале статьи, по эта мысль, «урезанная» цензурой, не нашла желаемого развития в конкретной части статьи, хотя все же присутствует в ней как организующее начало. Из материала «Воронежской беседы» Суворин особенно выделяет «замечательную и по мысли и по исполнению» поэму И. С. Никитина «Тарас»; героя ее, взятого из глубины народной жизни, ищущего, куда направить свои силы, он противопоставляет известным литературным героям. «маленьким мефистофелям», даровитым, но сломленным людям: Онегину, Печорину, Рудину. Геройство центрального персонажа никитинских «Записок семинариста» Суворин видит в борьбе с окружающей средой, а в стихотворении «Портной» — в борьбе за существование. В заключение Суворин все же не удержался от сравнения двух воронежских сборников в пользу «Воронежской беседы».

¹⁶ Гарibaldi Джузеппе (1807—1882) — вождем национально-демократического освободительного движения в Италии. В 1860 г. возглавил борьбу за освобождение юга Италии от власти Бурбонов.

¹⁷ Суворин сам написал статью о Некрасове (Грязь и идеалы. — Русская речь, 1861, № 103—104, 31 декабря).

¹⁸ Речь идет о романе Я. П. Полонского «Свежее предание». Редакция «Времени» назвала его «событием в литературе». В «Русском слове» отрицательно отзывались о нем (1861, № 7, Смесь).

¹⁹ В третьем листке «Великорусса» говорилось о тяжелом положении в стране, о несовместимости законности и нынешнего правления и о несостоятельности либеральных надежд на царя. Но все же, чтоб убедиться

в этом, «Великорусс» предлагал текст адреса (как бы от лица умеренных «партий») с требованием конституции. И если этим мирным путем не будет изменено положение в стране, то «народ неудержимо поднимется летом 1863 года».

²⁰ Имеются в виду статьи И. С. Аксакова в газете «День».

²¹ М. Ф. Де-Пуле писал Суворину о неблагоприятных поступках воронежского учителя Котлерова, видя в нем отражение суетливости, фразерства и пустословия «свистунов» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 14).

²² Эти строчки относятся к редактору «Воронежского литературного сборника» Петру Васильевичу Малыхину (1818—1867) — учителю русского языка в Воронежском кадетском корпусе, члену «второвского» кружка, редактору «Воронежских губернских ведомостей».

²³ Павлов Николай Филиппович (1803—1864) — беллетрист, критик, публицист, редактор субсидируемой правительством газеты «Наше время» (1860—1863), в которой он вел войну с «ингилистами».

²⁴ Речь идет об Александре Дмитриевиче Винтулове — директоре Воронежского кадетского корпуса, человеке декабристской закваски; через него шла в Воронеж нелегальная литература из-за границы.

²⁵ Суворин посылал М. Ф. Де-Пуле (по его просьбе) книги: 1) Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М. Корфа. СПб., 1866 (апологетическая статья об этой книге была напечатана без подписи в «Русской речи» (№ 82, 12 октября; № 83, 15 октября; № 86, 26 октября); в «Современнике» положительная рецензия на нее принадлежит Н. Г. Чернышевскому (1861, № 10)); 2) Гамлет, трагедия В. Шекспира. Пер. А. Кроненберга. Изд. 2-е. М., 1861; 3) Песни, собранные П. Н. Рыбниковым <...>, Т. I. М., 1861 (в «Современнике» это издание было оценено как «очень добросовестно выполненное» (1861, № 6)). Де-Пуле в письме к Суворину от 2 ноября 1861 г. просил еще прислать сочинения В. Г. Белинского (изд. Солдатенкова и Щепкина. М., 1861) и книгу П. Бессонова «Калики перехожие» (М., 1861) (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 16).

²⁶ Имеется в виду статья о современных поэтах, которую Суворин просил М. Ф. Де-Пуле написать.

²⁷ «Век» (1861—1862) — петербургский журнал, не обладающий четкой литературно-общественной программой. В 1862 г. группа литераторов (Г. З. Елисеев, Н. А. Серно-Соловьевич, Н. В. Шелгунов) безуспешно пыталась превратить его в журнал, издаваемый на артельных началах.

10

25 декабря 1861 г. Москва.

Что же это Вы молчите, дорогой и милый Михаил Федорович, отчего же строчки не хотите написать? А мы при последнем издыхании, то есть газета наша. Завтра или послезавтра ждем приезда графини, и вопрос о продолжении газеты в будущем году решится ею; вероятно, газета издаваться не будет, потому что подписчиков очень мало, меньше даже прошлого года, особенно в Москве, где давно ходит слух о том, что газета в следующем году издаваться не будет, следовательно, напрасно и подписываться. А «День» печатается вторым изданием — кто пишет из Воронежа в «День» — не Зиновьев ли? И как его здоровье, — поклонитесь ему от меня.¹

Что Вам сказать о себе? Я, как человек, вовсе не привыкший к самодеятельности, как человек, который прежде всего

любит, чтобы его поставили на ноги, подперли подпорками со всех сторон и сказали: «ну, вот теперь стой же так!», я, как такой слабый и нерешительный человек, начинаю приходить в немалое отчаяние, потому что после закрытия газеты не знаю, куда мне деваться и что делать. Не раз в последнее время приходило мне на ум сожаление о покинутом Воронеже, о тамошней жизни и деятельности. Может быть, там я бы отлично устроился и никогда нужды бы не испытал, а здесь еще вилами писано, что будет дальше, как пойдут дела мои. Вероятнее всего, что скверно или около того. Литературный труд мне сильно надоел в последнее время. Не иначе, как с отвращением я принимался за него и с радостью оканчивал то, за что принимался. Перо не двигалось, особенно при мысли, что пишешь, сам не уверенный в себе, в своих силах, в правдивости своего убеждения. Господи, сколько я шагов глупых в жизни сделал, а глупее последнего, ей-богу, я еще не делывал. Я бы с радостью вернулся в Воронеж, если б было мне там какое-нибудь место рублей в 600, но не менее, на триста я бы все-таки не вернулся, каково бы ни было здесь мое положение. Меня здесь все обольщают приятели, что я найду себе работу в петербургских журналах, но я лучше знаю себя, чем всевозможные приятели, и отнюдь не поддаюсь никаким обольщениям. Ужасно грустно, мой дорогой Михаил Федорович, и не знаю, как и быть мне. Пока на утеху остаются вот эти ламентации.²

Эх, Вы счастливчик, право, просто завидно становится, и в глубине души клянешь эту неразумную бабу, эту графиню, которая не спросясь ума-разума вызвала меня сюда да газету затеяла. А все поганое самолюбие. Вообразите себе, что ведь эта госпожа затеяла газету в полной надежде, что у ней чуть не миллионы от нее будут, что имя ее чрезвычайно популярно в России и всякий русский почтет непременно своею обязанностью подписаться на такую газету, под которой стоит имя Евгении Тур. Да еще подвинула ее на издание газеты уверенность в гениальности Вызинского, которого графиня любит до обожания и который, однако же, остается себе в Варшаве и не думает себе о газете. Если бы я захотел, я бы мог рассказать Вам таких поразительных вещей о графине, что Вы до боли бы в боках нахохотались, или бы просто Вам стало жалко ее, как жалко становится серьезного и доброго человека, который подвыпьет и станет выделять трепака!

Я несколько не удивляюсь теперь тому, что ее никто не любит, любить ее решительно невозможно. Это громадное самолюбие, шаткость убеждений (удивительная шаткость — в этом-то я теперь убежден), незнание самых существенных и необходимых вещей, любовь ко всему западному и презрение ко всему русскому, нетерпимость, доходящая до деспотизма, — все это делает ее решительно несносною. У нее нет друзей, но есть люди, которые боятся ее языка и притворяются ее друзьями.

У меня впереди слабая надежда теплится пристроиться здесь в Москве к журналу, который затевает Унковский. Но он об этом говорит только, а от разговора до дела, как не безызвестно Вам, еще далеко.³ Он меня уж приглашал через Плещеева. Журнал хотят затеять на таких основаниях, которые высказаны в статье «Современника» «Литературные рабочие». Если журнал состоится, они обеспечивают мне по крайней мере 150 р^{уб.} в месяц. Унковский — милый господин, но товарищ его Европеус — воплощенная теория и диалектика. Он фурьерист, принимает теорию этого социалиста всю целиком, без всяких изменений, и говорит действительно блестяще.⁴ С ним я тоже познакомился у Плещеева, который вообще очень милый господин, но вовсе не стойкий в убеждениях. Я бываю у него тоже часто. Был и он у меня раза два.

Важная новость, которая всех теперь занимает, это земский собор, о собрании которого подают адреса многие помещики. Не думаю, чтобы правительство могло согласиться на собрание его, разве с ума сойдет. Потому что всякий мало-мальски знакомый с настроением умов в столице поймет, что этот собор будет для нас то же, чем были Etats generaux для Франции 79 года.⁵

Михайлов осужден на 6 лет каторжной работы. Государь хотел простить его, но окружающие воспротивились этому, сказав, что это будет нарушением основных законов государства. Подписывая приговор, государь, говорят, сказал: «Впрочем, тысячение не за горами», намекая на всемилостивейший манифест.⁶ Приговор ему прочитан был на Сытном рынке 14 декабря рано утром, так что об этом никто не знал.⁷ В Петербурге литераторы сделали подписку ему в 5000 руб. серебром. Михайлов вел себя безукоризненно, его стихи к студентам и на смерть Добролюбова ходят всюду,⁷ карточки раскупались нарасхват.

Дворяне Рогачевского уезда Смоленской губернии преданы все суду за то, что подали адрес о конституции. К счастью, это не испугало другие губернии.

Павлов продан правительству с своею газетою, говорят, за 50 тысяч ежегодного пособия, но подписки на газету решительно нет и вряд ли она пойдет, потому что Павлов начал уже кутить на эти деньги, проиграл в Клубе несколько тысяч и уехал в Петербург за новым пособием. Против Чичерина не велено писать, и он написал к министру письмо, которым просил об отмене этого распоряжения. Унковский говорил мне, что письмо это, за которое Чичерина возводят в благороднейшие люди, не что иное, как холопская выходка. Он читал это письмо. Вот пока все наши новости.

³ В этот день готовилась сильная манифестация, потому что рассчитывали на громадную толпу народа. Правительство узнало об этом и по тому так распорядилось. (Примеч. А. С. Суворина).

С Новым годом, дорогой Михаил Федорович, с Новым годом, Таисия Николаевна. Кланяйтесь всем нашим, да пишите. Как Вам не стыдно не писать? Пишите вот на какой адрес: на Садовой, против Ламакиных бань, дом Волоцкой, во флигеле.
Ваш от всего сердца

А. Суворин.

Брата Вашего я давно не видал — он переменил квартиру — я был у него и не знаю, где найти его. Сообщите мне его адрес.

Скажите Глову, что, верно, продажею некоторых экземпляров «Воронежской» Беседы он будет обязан мне. Рассказ мой «Гарибальди» читает по Москве Садовский (с которым я тоже знаком),⁸ и будет читать его на литературном вечере.

¹ Ответа на этот вопрос М. Ф. Де-Пуле не дал, а об И. И. Зинovieве написал 4 января 1862 г., что он тяжело болен и что в «Воронежских губернских ведомостях» появится его статья. Вскоре, в этом же году, Зинovieв умер.

² В письмах от 22 декабря 1861 г. и 4 января 1862 г. Де-Пуле убеждал Суворина, что и сейчас не поздно «променять Москву на Воронеж» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 17, 19).

³ Унковский Алексей Михайлович (1829—1893) — известный либеральный деятель, глава либеральной оппозиции в Твери; вместе с А. Ф. Головачевым собирался издавать журнал «Русская правда» на «артельных началах». Принципы подобных изданий были изложены в статье Н. В. Шелгунова «Литературные рабочие» (Современник, 1861, № 10).

⁴ Европеус Алексей Иванович (1826—1885) — петрашевец, один из распространителей лондонских нелегальных изданий. Вместе с А. М. Унковским участвовал в подготовке крестьянской реформы в Твери.

⁵ Земский собор — собрание представителей сословий. Существовал в России в XVI—XVIII вв. На возрождение Земского собора, этой формы ограничения царской власти, надеялось либеральное дворянство, писавшее о том в адресах царю. Конспиративная организация «Земля и воля» противопоставляла этому стремлению уничтожение монархии и созыв народного собрания. Суворин понимал, что правительство не разрешит Земский собор, так как по примеру французской революции 1789 г. это может привести Россию к политическому перевороту. Правительство преследовало писавших адреса о конституции и Земском соборе.

⁶ «Тысячелетие России» торжественно праздновалось в начале сентября 1862 г. На участии М. Л. Михайлова, приговоренного к 6 годам каторги и поселению в Сибирь, это празднование не отозвалось.

⁷ Стихи М. Л. Михайлова распространяли в списках; в 1862 г. они были напечатаны в «Колоколе» под заглавиями «К студентам» и «Памяти Добролюбова».

⁸ Садовский Пров Михайлович (1818—1872) — родоначальник театральной династии Садовских, один из организаторов московского «Артистического кружка» (1865).

27 декабря 1861 г. Москва.

Голубчик мой, Михаил Федорович, вчера я отправил письмо Вам, нынче получил Ваше, и так как мне делать положительно нечего сегодня, то я и решился опять писать Вам. Видите дело

в чем — почти еще в пятницу, а завтра приедет графиня, и решится вопрос о «Русской» Речи», разрешение которого смотри в конце письма. Завтра я тоже буду писать Вам, а не завтра, так в пятницу. Нынче просто поболтаю и отвечу положительно на Ваши запросы, поговорю о своих сомнениях.

Прежде всего заступлюсь за «Современник».¹ Нужно Вам знать раз навсегда, что я не разделяю *вполне* мнений этого журнала, как они ни честны. А что они честны, в этом не может быть никакого сомнения. «Современник» желает не конституции с палатами и боярством, как «Русский» Вестник», «Отечественные» Записки» и «Русская» Речь», а желает такого правления, какое, например, в Северной Америке. «Современник» поклоняется демократии, он не хочет преимущественно *боярства*, чего от всей души не желаю и я — противней боярства и аристократии нет ничего для меня в мире; по мне взяточник-плебей лучше аристократа, каков он там ни будь, хоть распроблагородный. Это покажется Вам странным, но это так, это у меня прямо от сердца; Вы знаете, что я человек не рефлексии, что я скорей натура чисто непосредственная — я все принимаю сердцем, а не умом, и потому очень часто антипатии сердца — вовсе не антипатии ума. Но как сердце всегда у меня перевешивает, то из этого следствие самое прямое. Так симпатия моя к «Современнику» прежде всего основывается на плебействе, потом на вражде к деспотизму, к всякому насилию. Я признаю за «Современником» ту услугу, что он отлично ведет свое дело. Он очень хорошо сознал, что невозможно при цензуре проводить свои убеждения *серьезно*, а потому он стал свистать, следовательно свист — дело законное в этом смысле. Далее, «Современник», то есть Чернышевский (Некрасов и Панаев, как Вам известно, пешки, для которых лишь бы деньги), не останавливается на североамериканском демократизме и допускает его как явление переходное, точно так же, как конституционалисты переходным элементом к конституции считают гласные суды, свободу печати по французскому образцу (от которой избави нас бог, как от чумы!), — вот тут и кончается моя связь с «Современником», потому что далее у него — социализм, а я думаю, что социализм в форме Прудона² и Консидерана³ у нас немислим.

Для нас царь — дело важное, царь для нас необходим, как необходимы самые святые права. У народа идея о царе также несокрушима. Я желаю, следовательно, монархию, в которой царь — старший только, не более, не деспот, не тиран, а монарх, ограниченный всем народом, а не сословьями — сословия я также презираю от всей души и допускаю полное равенство перед законом, такое равенство, при котором ни образование, ни заслуги, ни происхождение не давали бы никому особенных прав. Если б народ признал необходимым телесные наказания, то *этому* наказанию и я подвергаюсь, и кровный аристократ, и последний

мужик. Мос образование, а Ваш аристократизм (говорю к примеру) не освобождали бы ни меня, ни Вас ни от рекрутчины, ни от чего другого — рекрутчины, впрочем, я вовсе не допускаю.

С этой точки зрения я конституцию не только презираю, но даже боюсь ее, потому что она может дать возможность образоваться аристократии. Выжидательному методу конституционалистов я вследствие всего этого не сочувствую и глубоко верую в *новое* слово, которое когда-нибудь да раздается и скорей раздается оно из *хаоса*, чем из *порядка* (у нас везде порядок, сказал Щедрин: где были рощи — там порядок, где было изобилие — там тоже порядок),⁴ скорей из *анархии*, чем из чего-либо другого.

Вы меня, надеюсь, понимаете очень хорошо. Я не поклонник славянофилов, которые желают сохранения целиком старых государственных начал и отвергают европейскую цивилизацию, не поклонник «Современника», не поклонник «Русского Вестника», а поклонник старых государственных начал, просветленных европейской цивилизацией и наукой, с некоторой долей социализма.

Относительно народа я вполне сочувствую «Времени». Но кстати, неужели безусловно Вам нравится этот журнал? Ведь он держится беллетристикой, а ничем другим. Ведь критический отдел его весьма слаб, ведь что-то новое только и есть в статьях Ф. Достоевского («Книжность и грамотность»).

Относительно искусства я Вам скажу только одно, что в наше время, как хотите, а искусство отложить бы в сторонку и потрогать его. Ведь от этого оно нисколько ни пострадает, ни зачахнет, а теперь при отсутствии *художника* у нас довольно неловко толковать об искусстве. К чему могут привести подобные толки? — спрашиваю я Вас. Поверьте, когда художник явится, то вопрос об искусстве встанет сам собою, и привлечет к себе всех, и обновит зачерствелые сердца. Мы теперь люди неполные — у нас одна сторона поражена гангреной и другая не совсем в здоровом состоянии обретається. А художеством можно восхитить только человека совсем здорового. Дайте же возможность развернуться нам, не отнимайте у нас права бросить на время искусство, о котором никто уже не заботится, а заняться делом. «Современник» больше занимается этим, чем «Русский Вестник», — поверьте, дорогой мой, что так.

Заслуг Вашего поколения никто не отнимает, дайте нам вырасти — авось из хаоса понятий, из этой кажущейся, незаконной анархии родится что-нибудь. Ведь согласитесь, что мы — ученики Ваши. Вы были благородны, пожалуй, велики даже, неужели от таких учителей непременно должна родиться только калечь,⁶ неужели? В нас вера сильна, в нас вражда сильнее Вашей. Вы могли сказать вместе с Некрасовым, что и любите глубоко и глубоко ненавидите, но чуть до дела — и не поднимается рука.⁷ Делу я придаю узкий смысл, а то Вы, пожалуй, опять

обидитесь, а я не знаю, кого бы я столько уважал, как Вас, и об этом говорить нужно, а не переписываться. Вот что, дорогой мой Михайл Федорович, я думаю, и от чего никакие доводы не отвратят меня.

Вам не понравилась статья о Никитине, мне она тоже не нравится, хоть никакого свиста я не вижу в ней. Она не серьезна — это так, но не свист же в ней. Вчера я написал его биографический очерк по поручению Общества распространения дешевых книг — он войдет во второй выпуск хрестоматии для народа — очерк этот Вам больше понравится, но и им я весьма недоволен.⁸ Я Вам пришлю оттиск. Второву пришла поистине дикая мысль в голову. Как это у Вас язык повернулся сказать, что мысль Второва Вам *не совсем* нравится — она просто дика, смешна и нелепа, особенно в отношении к такому человеку, как Никитин.⁹ Ведь это не я, юноша, тень, это был человек сформировавшийся, даже тип; это ведь не воин, о котором можно писать мне, потому что я участвовал с ним в сражении при *Б<ородине>*, Вам, потому что Вы были с ним при *В<атерлоо>* и проч.

Ведь жизнь Никитина, сколько я понимаю ее, не включает в себе внешнего интереса, а интерес внутренний. Он тогда явится определенным вполне и понятным всем, когда будет разъяснена *одним* человеком, понимавшим его, его внутренняя борьба с самим собою и обстоятельствами, когда будет показана этим самым и поучительная сторона его жизни, и значение его как человека, погибшего в бою, в бою, который уже потому страшной бородинского сражения, что это продолжалось <не> один день или два, а тот бой, в котором участвовал Никитин, тянулся долгие годы. Публике нужна будет рельефная личность, какою и в жизни был Никитин, а <не> тень, не абрис. Ведь писать так о Никитине, как предлагает Второв, не все ли равно, что нарисовать абрис, а потом и заставить пятерых человек красильщиков или рисовальщиков класть на нем тени и краски. Один мазнет так, другой — этак, третий замажет именно то, что во всем свету должно быть. Я понимаю, что пятеро могут написать свои воспоминания, но написать их не для печати при книжке стихотворений Никитина, а для *одного* человека, которому при составлении биографии они должны служить материалом. Отговорите Второва от этой несчастной мысли, иначе это и дико будет и смешно. Биографию его *Вам* следует написать — Вы и напишите.¹⁰

Кстати, знаете ли Вы о сношениях Никитина с Матвеевой, дочерью генерала, или нет? Остались ли *ее* письма к Никитину или нет? Он писал ей много — это я знаю наверно, и эти письма нужно бы иметь в виду при составлении биографии Никитина — вряд ли только она отдаст их. Она любила Никитина, и очень любила; в последнее время и его чувство сильно перетягивало на сторону Матвеевой от Михайловой — он сознавался в этом мне.¹¹ Чтоб не забыть — вот Вам адрес мой — на Садовой, против Ламакинских бань, в доме Волоцкой, на дворе, во флигеле.

Странно, что «Воронежская» Беседа не идет — а здесь от кого не послышишь, все хвалят не нахвалятся. А что Глютов убыток потерпел — так ведь от этого он не охнет — надеюсь. Да я убежден, что он выручит все потраченное. В «Московских» Ведомостях» был какой-то дикий разбор и исключительный — это Котляревский, учителствует здесь в корпусе и помещался на народной словесности, и вообще на словесности.¹²

О Некрасове — моя статья в последнем №, и статья дрянная. Я писал ее залпом, в одно утро, к спеху, и писал так: напишешь листок и отправишь в типографию, потом еще листика два напишешь, и опять в типографию.¹³ Я почти все статьи свои так пишу поневоле. Некрасов прислал Феокистову свои стихотворения, и тот стал торопить меня. Что прикажете делать? А как смешон этот Феокистов! Против «Современника» там ратует, а как прислал Некрасов стихотворения, так он так и растаял и расплылся.

Знаете, я готов переехать в Воронеж, сй-богу, готов! Только не теперь, а весною — потому что я не намерен прекращать лечения, я непременно хочу вылечиться, иначе дело мое плохо будет. Напишите мне, возьмут ли меня в корпус, если я весною переседу в Воронеж? Пожалуйста. Только переехав туда, я непременно затею там газету — без этого жить не хочу, и газету именно в фельетонном роде, а ни в каком-либо другом. Кроме шуток, голубчик М^{ихаил} Ф^{едорович}, напишите мне об этом обстоятельнее. Москва ничем не привязывает меня, на Петербург я и глядеть не хочу. Я мечтал о развитии и прочем, — это чепуха чистейшая — развиваться и в провинции можно. Литераторы здешние — я их видел всех — будет, много довольны! Профессоры — и знать их не хочу, они изуродуют человека, а не воспитают его. Знаете ли, Блюммер, после того как выдержал экзамен, такую мерзость понес, что, право, я подумал, что он шпион III-го отделения, и все свои выводы основывал на разных Робертах Молях¹⁴ и прочей немецкой сволочи. Он с научной точки зрения и деспотизм оправдывал, и насилие оправдывал, и полицию, бывшую студентов, хвалил. Это не человек, а сволочь. Не знаю, уехал ли он за границу или нет, в Москве его давно уже нет. Берг с первого свидания моего с ним неприязненно отзывался о Блюммере, я еще имел глупость отстаивать его.

Сейчас получил записку от Феокистова, что моя статья о Некрасове запрещена цензором — иду к нему.

1 января <1862>.

Сажусь написать Вам несколько строк. Угорел страшно, а тут еще обозрение писать надо. Статью о Некрасове пропустил цензор с такими вымарками, что Феокистов послал корректуру цензорскую к министру с жалобой. Графиня не приезжала еще — первый №, верно, выйдет. А у нас отличные статьи.¹⁵ Видел Вашего брата, говорил о Чеботаревском — скотине. Я что-то хотел

еще написать — да, разбор «Воронежской» беседы» в «Современнике» недобросовестный. «Воронежский литературный» Сборник» в пух и прах разбит; о «Беседе» отзывались все-таки хорошо, но слегка, о Вашей статье о Кольцове с пренебрежением каким-то в двух строчках, что, мол, старается поставить на историческую почву, да не удалось, и только. О моих рассказах ни слова — подробно рассказывается только содержание «Тараса» и «Записок семинариста».¹⁶

С Новым годом.

Весь Ваш от всего сердца

А. Сув<орин>.

Цитата из письма приведена во вступительной статье С. А. Макашина к публикации писем М. Е. Салтыкова-Щедрина (Литературное наследство, т. 67. М., 1959, с. 463). Небольшой отрывок опубликован Л. Р. Ланским в «Литературном наследстве» (т. 86. М., 1973, с. 382).

Конец письма Суворин ошибочно датирует 1861 г.; правильно: 1 января 1862 г. (уточнено по почтовому штемпелю на конверте).

¹ В этом письме Суворин наиболее отчетливо раскрывает свою политическую позицию, в частности свое отношение к революционно-демократическому журналу «Современник». О свободе печати по французскому образцу Суворин писал в письме 6.

² Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист, экономист, один из основоположников мелкобуржуазного социализма и анархизма.

³ Консидеран Виктор (1808—1893) — французский публицист, политический деятель, социалист-утопист.

⁴ О «порядке» М. Е. Салтыков-Щедрин писал в очерке «Гегемониев»: «...и до того дошло, что, кроме порядка, ничего и не осталось. Где было жито — там порядок; где худоба всякая была — там порядок; где даже рощицы росли — и там завелся порядок» (Московский вестник, 1859, № 15, май). Эти щедринские слова, выразившие его отрицательное отношение к полицейско-бюрократическому управлению, разрушавшему богатство и красоту родины, запомнились Суворину с «воронежских» времен.

⁵ Статья Ф. М. Достоевского «Книжность и грамотность» опубликована в журнале «Время» (1861, № 7, 8). Суворину были близки мысли автора о потребности и необходимости соединения образованных людей с «родной почвой» — народом, о развитии народной грамотности, о пробуждении охоты к чтению. Близки ему и полемика Достоевского с «Русским вестником», «Отечественными записками», неудовлетворенность писателя хрестоматиями, книгами для народа, в которых авторы и составители ведут разговор «свысока», в поучительных интонациях и в то же время нередко подделываются под «мужичкий слог».

⁶ «калечь» (обл.) — искалеченные люди.

⁷ Здесь перефразированы слова Н. А. Некрасова из стихотворения «Я за то глубоко презираю себя...».

⁸ Статья Суворина о Никитине напечатана в № 89 «Русской речи» за 1861 г. (2 ноября). В малоизмененном варианте статья вошла в кн.: Хрестоматия. Сб. статей по разным предметам. Вып. 2. М., 1862.

⁹ Суворин отвечает здесь на следующее сообщение М. Ф. Де-Пуле в письме от 22 декабря 1961 г.: «Второй для будущего издания никитинских стихотворений предлагает вместо полной, составленной одним лицом, биографии написать отдельные воспоминания о покойном — ему (т. е. Второву, — М. С.). Нордштейну, мне, Вам и Зинovieву. Что Вы ска-

жете о таком типе, который мне не совсем нравится?» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 18).

¹⁰ Хотя здесь Суворин и высказал мнение, что о Никитине следует писать М. Ф. Де-Пуле, у него было опасение (см. его письмо к Де-Пуле от 21 сентября 1865 г.), что последнему едва ли удастся избежать идеализации и экзальтации, что он, пожалуй, оторвет Никитина от жизни, создаст односторонний портрет. И действительно, Де-Пуле не избежал этого ни в статье, опубликованной в «Московских ведомостях» (1861, № 241, 3 ноября), ни в биографии, предосланной «Сочинениям Никитина» в двух томах, вышедшим в Воронеже в 1869 г.

¹¹ И. С. Никитин познакомился с Натальей Антоновной Матвеевой (1836—1900), дочерью отставного генерала, в 1856 г. Их переписка является материалом статьи В. А. Прохорова «Роман в четырнадцать писем» (в кн.: Я Руси сын! Воронеж, 1974). Михайлова Александра Антоновна — дочь Антона Родионовича Михайлова (1802—1874), члена «второвского» кружка, в будущем издателя «Сочинений И. С. Никитина» (1869).

¹² В статье А. Котляревского «Новые труды по русской старине и народности», подписанной «А. К.» (Московские ведомости, 1861, № 263, 30 ноября), говорилось о «Воронежской беседе» и «Воронежском литературном сборнике». Преимущественное внимание в ней было обращено на этнографический и фольклорный материал.

¹³ Статья Суворина «Грязь и идеалы» написана в связи с выходом в свет второго издания «Стихотворений Н. Некрасова» (СПб., 1861). Урезушенная цензурой, она была опубликована в № 103—104 «Русской речи» за 1861 г. (31 декабря). Сквозная мысль Суворина: поэзия Некрасова сочетает «земные интересы» и высокие гражданские идеалы. «Идеал Некрасова, да и вообще идеалом для нас должен быть гражданин, деятель, всецело посвящающий себя родине».

¹⁴ Суворин говорит о Роберте Моле (1799—1875) — видном немецком юристе, авторе книг «Энциклопедия государственных наук» и «Немецкое административное право»; он много писал также о полицейском праве. Трудami Моля пользовался пелюбимый Сувориным Б. Чичерин (см.: Зорькин В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли в России второй половины XIX—начала XX в. (Б. Н. Чичерин). М., 1975, с. 65).

¹⁵ Речь идет о статьях, которые не были напечатаны, так как «Русская речь» прекратила существование на первом номере 1862 г.

¹⁶ В рецензии М. А. Антоновича на два воронежских сборника (Современник, 1861, № 12) предпочтение отдано «Воронежской беседе»; в ней выделены произведения И. С. Никитина, названные «украшением сборника». отмечены материалы красноречивого характера и статья М. Ф. Де-Пуле о Кольцове. В других анонимных рецензиях (С.-Петербургские ведомости, 1861, № 267, 1 декабря; Северная пчела, 1862, № 29, 30 января) авторы хвалили «Воронежскую беседу» за местные материалы, разнообразие статей, за художественные произведения Никитина, Суворина и за статью Де-Пуле о Кольцове. Отзывы появились также в журналах «Свечотч» (1861, № 11; автор — Л. П. Блюммер) и «Семейный круг» (1861, № 33, 45, 46; автор — В. Г.).

18 января <1862>.

Письмо Ваше, дорогой Михаил Федорович, на меня произвело более чем грустное впечатление. Вы не знаете меня вовсе, если можете утверждать, что я *всех товарищей* (т. е. корпусных)

учителей») назову пошляками. Это Вы, я не знаю, из чего взяли. Не приходило же мне никогда в голову считать вас пошляком, а Вы консерватор. Я не думаю, чтобы счел пошляком Словатинского,¹ но не затруднюсь назвать таковым Малыхина. И что Вы мне суёте этих товарищей, скажите ради самого бога! Что Вы хотите, чтоб я был хуже Вас, то есть чтобы я сам сделался пошляком. Вас удивляет такой оборот фразы, но я сейчас объяснюсь.

Товарищи — странное и непонятное слово! У Вас, дорогой Митх«ап!» Фед«орович», есть товарищи?! В чем же это товарищество заключается, позвольте Вас спросить, по отношению к Вам. Сколько мне известно, Вы даже не бываете у этих товарищей, что Вы ничего не имеете с ними общего, кроме того, что служите в одном заведении. В таком случае и Подгорецкий Ваш товарищ, и швейцар тоже, даже швейцар больше товарищ, чем Подгорецкий, потому что, сколько мне известно, швейцар умнее и гуманнее Подгорецкого.² Объясните мне, пожалуйста, в чем заключается Ваше товарищество и насколько будет преступлением, если я назову этих товарищей пошляками. Или я Вас не знаю, или Вы притворяетесь — что-нибудь одно, скорее первое, чем последнее, потому что я не позволил себе сомневаться ни на миг в Вашей честности. Я сержусь, потому что мне больно слышать это. Мне больно подумать, что Вы имеете что-нибудь общее с кагалом воронежских учителей. Скажите, не все ли им равно, чтоб ни делалось? Ударили ли они палец о палец для борьбы с мраком и злом? Не Вы ли рассказывали про их низкопоклонство, или — мягче — угодничество.

Я отец семейства — ergo ^a остепениться должен. Что это значит *остепениться*? На стену я лезу что ли? Кусаю кого-нибудь? Я доктрина, а Вы не доктрина? (Чур, не обижаться, я спорить хочу, а не ругаться). Положа руку на сердце — не доктрина Вы? Если хотите, я Вам докажу. Вопрос может быть только в том, чья доктрина лучше — Ваша или моя, а не в том, доктрина ли я, Вы ли доктрина? Вы говорите — я за ломку, неправда, я за *коренные* реформы, а не за *постепенный прогресс*. Я не сочувствовал и надеюсь никогда сочувствовать не стану плакшим головорезам. — Это не в моем духе. Я совсем иных мыслей насчет этого, которые в письме излагать неудобно по многим причинам, главное всего потому, что слишком долго говорить об этом.

Я всею душою ненавижу, например, Чичерина и не затруднюсь назвать его подлецом, несмотря на его учепость. Я даже учености его не уважаю, потому что эта учепость подлая или мягче — бесполезная. Человек, печатно говорящий, что между прочими заслугами дворянства одна из самых важных — владение 20 мил«лионами» крепостных, человек, настаивающий на том, что взамен отнятых привилегий у дворянства (то есть крепостного права) нужно дать ему право *исключительного* владения землею,

^a Следовательно (лат.).

право ему одному приобрести земли, — такой человек подлец, потому что такие доктрины вредны в нашем молодом обществе, потому что такие доктрины не принесут и постепенного прогресса. Чичерин — Молчалин, только в ином виде — тот молчал, а этот говорит. У нас в Москве сперва называли свободно высказанные мнения Чичерина гражданским мужеством. Скоты, которые говорили это. После этого, шпионство — тоже гражданское мужество. Ни Витаци,³ ни Глотова подлецами я не назову — это совсем иная статья. Они и должны быть консерваторами. Это в порядке вещей, но из этого не следует, что я должен остепениться. До сих ^{пор} благодаря бога я еще не могу по заказу остепениться — может быть, придет время — утихнет кровь, успокоится — тогда дело другое. А теперь я насколько изменяться не хочу и не желаю, потому что не считаю этого ни нужным, ни бесчестным. Что бы я ни думал, каких бы я ни был убеждений, но они честны, эти убеждения, за них отвечает сердце мое, и я спокоен. Больше мне ничего не нужно пока. На ножи я ни с кем не лезу, никому не врежу — я безвреднее всякого насекомого, и тем хуже для меня.

Это доказывает, что в мои убеждения входят голова и обстоятельства — и отец семейства сюда входит. Но я не могу писать об этом. Сердце рвется у меня и ноет — ну его, все это. Тяжело, слишком тяжело говорить об этом, еще тяжелее подумать о провинциалах. Все те же пакости и мерзости, те же мертвечина и сон. Черткова⁴ здесь считают г....>, никуда не годным, ну и благо ему. Вы хотите в Петербург, неужели Вы думаете, что я решился бы перейти в корпус, когда Вас там не будет, то есть не будет в Воронеже уже окончательно ни одного человека, с которым говорить можно, с которым душу отвести можно? Вы зело ошибаетесь в таком случае. Да будет, буду завтра писать, сегодня решительно не могу.

21 января <1862>.

Почти через неделю собираюсь я писать к Вам снова, дорогой Михаил Федорович. Не обвиняйте и не осуждайте меня. Есть вещи, в которых мы сходимся, есть такие, в которых никогда не сойдемся. Что делать? С этим следует помириться, и это насколько не убавит с моей стороны уважения к Вам, которое сильно и искренно. Поболтаю лучше.

Здесь был Берг и рассказывал свое заточение — оно очень интересно, но рассказывать Вам я его не буду. Он пробыл здесь более недели и уехал, когда совсем прожился. Он говорил мне, что на весну собирается в Пензу и собирается будто навсегда. Он будет, по его словам, там мировым посредником. Вы спрашивали об Унковском, это тот самый, который был сослан за адрес и был тверским предводителем. Мы были у него недавно, именно в прошлую субботу.

Журнал решен — издаваться будет, если позволят. Издание хотим устроить на правах ассоциации. Начать с 1-го сентября. Подробнее в другой раз сообщу. Но я не отказываюсь все-таки от переезда в Воронеж, как это ни грустно. Я сообщу скоро свое решение, и тогда напишу Гловову.

Московские дворяне поднесли адрес государю, которым просили почти конституции.⁵ Адрес принят 306 гол^{осами} из 356. Что воронежские дворяне, разумеется, не осмеливаются.

О Головинне было заходили самые благоприятные слухи, а теперь говорят, что цензуру опять скрутили, и цензурный комитет получил выговор за 13 № «Дня».⁶ Только такие подлизы, как Павлов да Чичерин, и благоденствуют. Но надолго ли? — вот вопрос.

Писать можно бы обо многом, да, ей-богу, я разленился — сбегусь в другой раз и напишу много. Графиню почти не вижу — она так занята свадьбой. 26<-го> совершится эта свадьба, и тогда я поговорю с ней толком, и тогда же сообщу Вам о своем решении. Т<айсе> Никол<авне> нижайшее почтение.

Ваш А. Сув<орин>.

Дата письма уточнена по почтовому штемпелю на конверте.

¹ Славотинский И. И. — учитель древней и средней истории в Воронежском кадетском корпусе, «кумир учащихся», по определению одного из его бывших учеников (Воронежский корпус 20 и 30 лет назад. Воспоминания старого кадета. — Дон, 1892, № 125, 10 ноября).

² Подгорецкий Василий Сергеевич — учитель Воронежского кадетского корпуса, капитан.

³ Витаци Александр Иванович — директор Воронежского кадетского корпуса в начале 1860-х годов, генерал-майор. По «воспоминаниям старого кадета», это был «мягкий гуманный человек, поппмавший значение общеобразовательных предметов, в частности литературы»; «при нем несколько потеснились военные запятия» (Воронежский корпус 20 и 30 лет назад. — Дон, 1892, № 126, 12 ноября).

⁴ По-видимому, речь идет об Иване Дмитриевиче Черткове, тайном советнике, шталмейстере, служившем в Попечительном комитете о бедных.

⁵ Надежды на конституцию, которую дарует обществу Александр II, долгое время не покидали либералов, отсюда «эпидемия» адресов к царю с лета 1861 г.

⁶ В газете «День» (1862, № 13, 6 января) в статье «К московскому дворянству» была высказана надежда на то, что дворяне откажутся от своих привилегий, уничтожат то, что разделяет сословия, нарушает единство и цельность русской земли, и тем самым «торжественно перед лицом всей России совершат великий акт уничтожения себя как сословия».

4 февраля 1863 г.

Поверьте, дорогой Михаил Федорович, что мне больнее, чем Вам, наше обоюдное, упорное молчание, и еще более прискорбно, что теперь я пишу к Вам более по обязанности, чем по собствен-

ному влечению. Если б я решил хоть кратко говорить о том периоде молчания, который лежит перед нами, то пришлось бы исписать несколько страниц. Пережито слишком много, пережито так же. Между мной, провинциалом, и мной же, пестербуржцем, думаю, лежит целая бездна. К лучшему ли это — решить трудно. Хорошо то разве, что теперь я с ненавистью смотрю на то, на что прежде смотрел или с симпатией, или равнодушно. Когда близко стоишь к предмету, то он кажется до того скверен, до того гадок, что заслуживает полнейшей общественной оплеухи и всяческих поруганий.

Представители «Современника» все-таки лучшие наши люди, а представители «Русского Вестника», как Вам, вероятно, известно, очень близко стоят к Н. Ф. Павлову. Час один *изустной* беседы Вам объяснил бы все то, что я не могу объяснить пером, по многим причинам. Коротко можно только сказать то, что из прекрасного далека провинции представляются не весть какие блага и начинания, а из нашего скверного близко эти начинания — ханжество перед Европой и мазанье по губам провинции, которую провести очень легко, тем более что при своей спячке ей пересаживанье тополей кажется великой реформой, а обличение губернатора — чуть не конечным желанием, совершенным, государственным устройством.

Провинция глупа необыкновенно, и ее прогрессисты — самый жалкий народ, вроде тех господ, которые подвизаются в «Воронежском Листке»¹ и пишут об эмансипации женщины по поводу дамы, явившейся в креслах в театре. У провинции до сих пор на устах благодетельная гласность. Столицы не так глупы — провести их трудней, трудно провести и те провинции, которые близко к столице, и из этих только провинций и слышится независимый голос. Вы говорите, что у Вас недовольны отрывочностью корреспонденций, и что эта отрывочность Вас ставит в тупик, и что, по Вашему мнению, корреспонденция должна быть в форме фельетона.

Это, конечно, было бы прекрасно, но где же Вы возьмете место? Представьте, что в продолжение месяца является 30—40 фельетонов — куда их денешь? Увеличить еще газету, но каждый лист стоит 500 руб. А корреспонденты именно так и поступают, как Вы находите лучшим. Всякий из них находит свой угол — что-то вроде Лондона, и микроскопическое явление возводит в явление, имеющее интерес общеевропейский.² Согласитесь, что это чересчур. У нас много таких корреспонденций лежит, и будут, вероятно, еще долго лежать, едва не вечно. Провинциальный корреспондент смотрит на газету как на свой орган, исключительно ему принадлежащий. Он, конечно, с своей точки зрения прав, потому что в его углу только и читают, что о собственном городничем и о собственной школе. Газета же не может издаваться в таком виде — она непременно обратилась бы в «Русский Дневник», а от «Русского Дневника» избави нас

бог и помилуй.³ Я, впрочем, повторяю вещи слишком известные. Провинциальные корреспонденты, к которым некогда принадлежал, отлично характеризованы Щедриным.⁴ Итак, прежде всего краткость — это необходимое условие. Красноречия и взглядов во все не нужно.

Относительно невыгодности позвольте поспорить: если корреспондент напишет 2 письма в месяц, положим каждое в 150 строк, то уж это составит в год, пожалуй, больше 200 р^{уб.}. Конечно, если кор^респондент хочет получить в год 1000 р^{уб.}, то это мечта во всяком случае. Ни одна редакция не может тратить столько. У нас теперь больше 6000 подписчиков, Корш не останется в убытке в таком только случае, когда будет их 8000.⁵ Вы поймете, что сокращение корреспондентов совершенно необходимо. Корш немного сократил и Вашу, но цензор сократил еще больше и изменил смысл некоторых фраз.⁶

Цензура свирепствует; на «С.-Петербургские Ведомости» воздвигнуто гонение за статью против «Journal de St.-Petersbourg»: «Мы никогда не читали такой анархической статьи» и проч. в № 23. Статья «Journ^{al} de St.-Petersbourg» написана вице-канцлером Горчаковым и одобрена государем.⁷ Сообщение в № 26 кажется прислано от министра внутренних дел и министра дел иностранных⁸ — отвечать на это сообщение не позволено. Вот такая статейка, всего в 61 стр^{оку}, принесла гораздо больше редакции, чем сколько могут принести все корреспонденции.

Теперь я должен сказать еще относительно платы. Корш — министр в расчете. Он предполагал лист в 36 тысяч букв = листу «Современника»; в строчке «Современника» во 2 отделе помещается 60 букв, а у нас нормальная строка 35 букв. Если редакция станет платить 7 коп. за строчку, то за лист выйдет 74 р^{уб.}, что слишком дорого. Корш же предполагал за лист 54 руб., а это выйдет за строчку 5 коп. Во всяком случае редакция и при этой плате платит все-таки больше других.

Ну, как Вы поживаете? Благоденствуете, я не совсем, хоть и получаю 2000 руб. Занят целый день, но работой беспечной и бесплодной. Кланяйтесь всем — Таисе Николаевне. Я не теряю надежды побывать в Воронеже когда-нибудь.

Ваш А. Суворин.

Письмо на бланке редакции «С.-Петербургских ведомостей».

¹ С января 1862 г. редактором «Воронежского листка» (позднее «Воронежский телеграф») являлся П. В. Малыхин, издателем — В. А. Гольдштейн.

² Здесь намек на англоманов — Е. В. Салис-де-Турнемир и Г. В. Вызинского.

³ «Русский дневник» (СПб., 1859) — безликая, не пользующаяся успехом газета; редактировалась П. И. Мельниковым-Печерским.

⁴ Суворин имеет в виду статьи М. Е. Салтыкова-Щедрина «Скрывает

зубовный» (Современник, 1860, № 1) и «Литераторы-обыватели» (там же. 1861, № 2), в которых автор показал двойственность провинциальных корреспондентов, соединивших мелочное либеральное обличительство со славолюбием гласности, прогресса просвещения в провинции.

⁵ Речь идет о «С.-Петербургских ведомостях», умеренно либеральной газете, редактируемой В. Ф. Коршем. Суворин сотрудничал в ней с 1863 г. Фельетоны его, печатавшиеся в этой газете под псевдонимом «Незнакомец», пользовались большим успехом. Некоторые из них он включил в свою книгу: *Незнакомец. Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок*. СПб., 1875. За эту книгу автор был привлечен к суду как «клеветник», но был оправдан. Суворин всегда тепло вспоминал свою работу фельетониста.

⁶ Суворин имеет в виду корреспонденцию Де-Пуле «Воронеж. Письмо корреспондента „С.-Петербургских ведомостей“». Воронеж, говорилось в ней, принадлежит к числу лучших провинциальных городов, но это свидетельство лишь о бедности других городов, которые не живут, а прозябают. В течение 27 лет, в которые автор знает Воронеж, «город не расцвет, а подмалеывается: нет путей сообщения, нет самостоятельной общественной жизни, купечество одворянивается» (С.-Петербургские ведомости, 1863, № 28, 2 февраля).

⁷ Имеется в виду анонимная статья «Наши хозяйственные дела» в «С.-Петербургских ведомостях» (1863, № 23, 27 января), направленная против статьи в «Journal de St.-Petersbourg» о рекрутском наборе в царстве Польском. Возмущенный тем, что «французская редакция» выходящей в Петербурге газеты (на самом деле газета была близка к Министерству иностранных дел) «приписывает нашему правительству жестокость в польских делах», анонимный автор писал: «Влюбленные в законность, мы громко протестуем против такого неслыханного злоупотребления печатного слова в нашем отечестве. Получив эту газету, хотели понести ее в полицию, как произведение нелегальной литературы». Через четыре дня в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 26, 31 января) было опубликовано письмо в редакцию газеты, в котором официальный редактор «Journal de St.-Petersbourg» Виктор Каппельман назвал искажение смысла критической статьи клеветой и призвал к охранению порядка против людей, увлеченных вредными идеями и мешающих устройству единого либерально-монархического государства.

⁸ Министром иностранных дел был А. М. Горчаков (1798—1883), в 1862 г. ставший вице-канцлером Российской империи, а министром внутренних дел — П. А. Валуев (1814—1890).

21 сентября <1865>.

Милый, дорогой Михаил Федорович, не удивляйтесь этому восклицанию, оно искренно — я, Вы знаете, человек нервный, а Ваши душевные строки так полно, так живо напомнили мне прежний скромный наш кружок,¹ наши немудреные желания, немудреные, но горячие речи, что я не мог воздержаться, чтобы не обозвать Вас милым и добрым. Таких людей, как Вы, здесь нет — нет здесь милых и добрых, нет таких, воспоминание о которых трогало бы в сердце хорошие струны и вызывало бы хорошие воспоминания. Здесь есть только *приятели*, хорошие приятели — не больше. Вместо одного другой — ровно ничего не значит, про-

сто перестановка шашек, вместо красной — черная, вместо пестрой — желтая. Пустота порядочная, именно пустота. Все на одну колодку, все стерто до безобразья, до безличия. Измышляйте лица — это Ваше дело, дело Вашего воображения и ума, дело старых, провинциальных воспоминаний, а вокруг себя не ищите их — не обрящете. Если не совсем суровая действительность иссушила Ваше сердце, то это дело просто нервов, они расслабли, а не окрепли и легко поддаются воспоминаниям о прежних минутах бытия, поддаются так, что даже глупая слеза вдруг и заторчит в глазе — просто обидно заторчит — никто не просил ее, глупую, торчать. Скверно, Михаил Федорович, совсем скверно, а все-таки я не вернулся бы в провинцию — не тянет нисколько. Здесь как-то деревенеешь и только о хлебе насущном и заботишься.

А я мало переменялся, ей-богу, мало. Я только маленько грубее стал, но тот же я мужик, те же привычки, тот же язык — меня даже тешит эта оригинальность и немало горжусь ею. Если <бы> Вы увидели меня, Вы сказали бы, что я не обманываю Вас.

«Русской Речи» у меня нет ни одного номера — сторело в Москве на пожаре — я горел там маленько. Статья о Никитине в Хрестоматии моя — я все собирался послать Вам оттиск ее и не собрался. Я не помню, говорил ли я где, что когда Никитин читал мне знаменитое стихотворение о смерти (решительно лучшее, конечно),² он заплакал и сказал, что он чувствует смерть. То же самое говорил он, когда раз я, он и Зиновьев, незадолго до болезни Никитина, гуляли в городском саду. — «Знаете что, — сказал он раз, — сегодня меня выслушивал Розов и сказал, что у меня правого легкого нет — должно быть врет».³ Я, разумеется, сказал, что врет, и сказал совершенно искренне.

Вы, конечно, напишете очень хорошую биографию его, но я за одно боюсь — Вы идеализируете этот бесподобный характер, Вы оторвете его немножко от действительности, Вы скроете то, что составляло неотъемлемую принадлежность этого цельного характера. Я правду говорю, дорогой Михаил Федорович. — Вы слишком нежны, Вы слишком юны сердцем, Вы слишком любили Никитина, чтоб образ его вышел под Вашим пером цельным, нисколько грубым, даже циничным порой, — но ведь это <I нрзб.>, это отделяло Никитина из ряда плаксивых кукольных героев, которыми наводнена наша история литературы. Ради самого творца, удержитесь и говорите все про Никитина, ничего не надо скрывать. Вы когда-то сказали по поводу моей статейки в «Русской Речи», что я свистал над Никитиным — если это так точно, это не хорошо, но не хорошо будет, если биограф бросится в противоположную сторону.

Бобровский — я же.⁴ Я знал, что Вы узнаете, но я не ожидал, что Вам покажется в моей повести нечто такое, что знаменовало бы мой совершеннейший разрыв с прошлым. Повесть эта

писалась и пишется странно: написав первую главу, я напечатал ее и не знал, что будет дальше, и теперь не знаю, что дальше будет, чем кончу я ее. Об отделке, о гармонии тут не может быть и речи. Я задался мыслью снять несколько те черные краски, которые положены на так называемых нигилистов такими мерзавцами, как Лесков (Стебницкий)⁵ — этот вор и животное первого разряда, изученное мною до подробностей в Москве, у Сальяс. Повести другого значения я не придаю. Я знаю, что я пустой — у меня ничего не осталось, мне освежиться надо, и я жажду освежения, но не знаю, когда я освежусь. Когда я писал «Аленку»⁶ (как Вы об этой повести думаете? — Мне бы очень хотелось знать это), я выстрадал многие места, а *странное* — натянутое лицо — моя собственность и Никитина — мы с ним еще толковали об этом (и потому его памяти я посвятил ее) — я жил прошлым, я выложил весь запас наблюдений, который у меня оставался; я сознавал, что у меня ничего не оставалось и потому ничего не писал, ничего даже не пробовал писать. «Всяких» я стал писать по настоятельной просьбе *приятелей*, но они надоели мне. и я вот уже несколько недель не принимаюсь за них. Наконец, *четверо* детей и *пятый* к новому году заставляют меня писать. Голь плодovита и хитра на выдумки. Подозреваете ли Вы, что я уже больше году пишу журнальные и библиографические заметки в «Русском» Инвалиде» с подписью А. И—н, и перестал уже краснеть за то, что сужу обо всем.⁷ Это грустно, но жить надо. дети есть просят, а здесь и на *три* тысячи можно жить только кое-как. Я берусь за предприятия разного рода — перевожу, копирую, затеваю делать журнал с нового года. Как Вы об этом думаете? Не нигилистический журнал хочу я. Вы жестоко ошибаетесь, если думаете, что я на нигилиста смахиваю. Совсем напротив.

Жму Вам, сестре Вашей, дорогой Тане Николаевне, руку, Вашему брату жму крепко руку. *До свидания* — пусть это хорошее слово стоит в конце этого письма, а не то — «Прощайте, бог с Вами!», которое Вы поставили в конце своего и которое звучит так нерадостно. До свидания же.

Дата письма уточнена по почтовому штемпелю на конверте.

Цитата из этого письма приведена в статье О. Г. Ласунского «Из разысканий об И. С. Никитине» (в кн.: Я Руси сын! Воронеж, 1974, с. 54).

¹ Имеется в виду «второвский» кружок в Воронеже. См. примеч. 3 к письму 1.

² Речь идет о стихотворении И. С. Никитина «Вырыта заступом яма глубокая...», вошедшем в его «Дневник семинариста» (1861).

³ Розов Н. — воронежский врач, автор «прекрасной статьи» (Московская медицинская газета, 1861, № 1—9), о которой Суворин писал в своей рецензии «Врачи и народ» (Русская речь, 1861, № 36, 4 мая).

⁴ «А. Бобровский» — псевдоним Суворина. Так он подписывал главы повести «Всякие», которые печатались в «С.-Петербургских ведомостях» в 1865 г., а затем были подготовлены для отдельного издания в 1866 г.

⁵ Имеется в виду роман Н. С. Лескова «Некуда».

⁶ Повесть Суворина «Аленка» напечатана в «Отечественных записках» (1863, № 7, 8).

⁷ В газете «Русский инвалид» Суворин печатал в 1864—1865 гг. «Библиографические и журнальные заметки», в которых писал о русской и иностранной литературе, современной периодике, педагогических работах и т. д.

15

Добрейший Михаил Федорович! Извините меня, что я так долго не написал Вам об издании сочинений Никитина, что обещал Вам сделать еще во время пребывания Вашего здесь. Я спрашивал хороших юристов, и они сказали, что Вы на это имеете полное право.¹ Писать я ленив, и за это простите меня. Я готов бы беседовать с Вами часто, если бы не нужно было для этого писать, а можно бы просто прийти, расположиться у садовара и толковать. Верьте моей искренности, которая не утратилась еще, что я говорю совершенную правду. Жить тяжело всегда было, а теперь еще тяжелее стало.²

Этот пегодай Каракозов испортил нам всем жизнь.³ До этого жилось лучше, покойнее, верилось в будущее. Теперь вера не оставила еще нас, всех нас, желающих более или менее блага родине, вера не оставила нас потому, что добрее и лучше царя нам, конечно, не дожидаться. Но говорят, что его поразило это покушение, поразило и как человека, и как царя, сделавшего так много для народа и для всех нас, стоящих более или менее особняком от народа. Нигилисты всегда были мне не по нутру, но теперь они стали противней всякой горькой редьки, и бессодержательность их выразилась необыкновенно ясно. Я в последнее время совсем славянофилом стал и даже к конституции восчувствовал омерзение. Как жаль, что Аксаков не издавал в это время «Дня». Время было такое благоприятное для того, чтобы обнаружить фальшь всех наших западников и других господ. Его слово потому дорого, что оно всегда искренно, всегда душевно, всегда честно.

Как Вам нравятся наши виленские письма⁴ или, лучше сказать, первое письмо? Мне и редактору оно очень понравилось. Я в Вильне не бывал, но правда, мне кажется, сквозит в письме во всякой строке. Вы, как житель Вильны, может быть, найдете его не таким, но мы здесь козырять ничем не можем, кроме той искренности и той преданности русским интересам, которые сказываются в письме весьма ярко.

Не вздумаете ли Вы написать что-нибудь в газету? Таисе Николаевне усерднейший поклон и Вашему брату. Если бог приведет, приеду к Вам чай пить.

С сборником для «Чтения...», как Вы знаете, случилась оказия.⁵ Отчасти поделом. Право. Печать вообще плоха. Между прочим, я предан суду за «Всяких».⁶ Чем бы суд ни кончился,

а издание стоит мне до 400 р. Эти деньги камнем лягут на мне, и уже теперь, еще ничего не видя, погрузили меня в меланхолию.

Хочу предаться весь детским писаниям. Знаете ли, что я хочу сотворить: 1) Написать для детей историю Петра, так же просто, как написал я «Никона».⁷ 2) Воспользоваться записками Лукьянова («Русский» Архив») и написать нечто вроде романа для детей же. Содержание может быть необыкновенно интересно и разнообразно.⁸ Затем, прочитали ли Вы мою «Аленку»? Я ведь тоже рискую издать свои повести и рассказы отдельно.⁹ Вся такая чепуха теперь идет. Право. Напишите мне хоть для того, чтобы я знал, получили ли Вы письмо или нет.¹⁰ А то Виленское письмо, которое у нас напечатано, было получено в довольно подозрительном виде: печать какая-то странная.

По делу о покушении в последнее время и слухи, прежде многочисленные, совсем замолкли. Вот Вам сведение совершенно достоверное. Сегодня вечером, когда я пишу это письмо, говорят, происходит третейский суд по делу о Каткове. Когда пришло в Москву запрещение, собрали совет, и «он» решил, что по контракту Катков не обязан издавать Прибавление, коль скоро запрещена газета,¹¹ затем предложил редакцию Щебальскому¹² и апеллировал к министру Толстому¹³ на Валуева в том смысле, что последний не имел права запрещать газету или запретил неправильно. Толстой доложил государю, который назначил третейский суд, и суперарбитром назначен граф Строганов.¹⁴ Если это правда, то нельзя не радоваться этому, и опять становится легче на душе всем, потому что государь честнейший человек во всем русском царстве.

Напишите же.

Ваш от всей души А. Суворин.

13 мая 1866 г.

¹ В ответном письме Суворину из Вильно от 19 мая 1866 г. Де-Пуле спрашивает, какая будет цензура для издания сочинений Никитина — предварительная или «цензура карательная»; ему это важно знать, так как у Никитина «много таких мест, которые цензура может покарать». Де-Пуле сообщает также, что к биографии он пока не приступал. Речь шла о подготовке «Сочинений И. С. Никитина». Книга вышла в 1869 г. (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 24).

² Данное письмо отражает начало перелома в мировоззрении и настроениях Суворина. В. И. Ленин писал о нем: «...начинающий либеральный и даже демократический журналист, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции, — вот чем начал Суворин в 50—60-х годах прошлого века» (Ленин и В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 43). Вторая половина 1860-х годов началась у Суворина с пересмотра политических и духовных ценностей.

³ 4 апреля 1866 г. было совершено покушение на Александра II Дмитрием Владимировичем Каракозовым (1840—1866). Намерение Каракозова не одобряли даже друзья его по Ишутинскому кружку, но они, как и многие современники-демократы, хотя и видели незрелость мысли и средств

борьбы Каракозова, тем не менее отдавали должное его подвижничеству, преданности народу и юношеской одержимости.

⁴ Письмо «Из Вильно» (без подписи), в котором описаны молебствия по поводу спасения Александра II (в связи с выстрелом Каракозова), было опубликовано в № 104 «С.-Петербургских ведомостей» за 1866 г. (19 апреля). Оно носит русофильский характер и близко по духу к корреспонденции «Вильна в настоящее время» («С.-Петербургские ведомости», 1866, № 127, 12 мая), в которой говорилось, что Вильно «идет быстрым шагом к обрусению» под благотворным руководством Муравьева. Корреспонденция эта по своему характеру близка Де-Пуле, бывшему в это время инспектором Виленской губернской гимназии. В письмах Суворину он высказывает недовольство жизнью в Вильно, так как его окружают поляки: «Не мне бы жить за границей» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 24). Автор корреспонденции также писал, что чувствует себя здесь чужим, что ему недостает «русского простора и шири».

⁵ О каком сборнике идет речь, не ясно.

⁶ О суде над Сувориным за книгу «Всякие» см. во вступительной статье.

⁷ Речь идет о серии портретов «замечательных людей», которую создавал Суворин для детей. «Патриарх Никон» был опубликован в журнале Л. Н. Толстого «Ясная поляна» (1862, № 8).

⁸ «Путешествие в Святую землю священника Лукьянова», которое послужило Суворину образцом для задуманной им биографической серии, было опубликовано в «Русском архиве» (1863, № 1—6). Рукопись Лукьянова, как сообщила редакция, получена от С. А. Соболевского, которому она доставлена из Орла в 1853 г.

⁹ Издание это не состоялось.

¹⁰ Де-Пуле ответил Суворину 19 мая 1866 г. Он одобрял его намерение писать для детей и сообщал, что сам пишет учебник словесности по теории прозы — «Краткое руководство к изучению прозаических сочинений» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3514, л. 24).

¹¹ В 1865—начале 1866 г. в официальных кругах высказывалось недовольство позицией М. Н. Каткова и его газеты «Московские ведомости» по вопросу о польско-русских отношениях. Катков решительно отвергал возможность автономии Польши, возбуждал националистически-патриотические чувства русских. В связи с этим в его газете появлялись критические замечания в адрес некоторых официальных лиц (вел. кн. Константина Николаевича, министра внутренних дел Валуева и др.). Продолжал Катков нападки и на «нигилистов», утверждая, что корни мятежей не в Париже, не в Варшаве или в Вильно, а в Петербурге. 31 марта 1866 г. в «Северной почте», органе Министерства внутренних дел, появилось распоряжение Валуева от 26 марта, в котором объявлялось первое предостережение редакторам «Московских ведомостей» — Каткову и К. Леонтьеву за передовую статью в № 61 их газеты: в этой статье «правительственным лицам приписываются стремления, свойственные врагам России, и мысль о государственном единстве империи выставляется как бы мыслью новою, будто бы встречающую в среде самого правительства предосудительное противодействие». Редакция «Московских ведомостей» отказалась печатать предостережение в своей газете, не приняв обвинений Главного управления по делам печати и Министерства внутренних дел, и заявила о готовности прекратить свою деятельность, коль скоро ее находят предосудительной. Но обещала сделать это через три месяца (1866, 3 апреля, № 69). Заявление редакции было опубликовано накануне каракозовского выстрела, и хотя оно вызвало шум, но события ближайших дней, на которые «Московские ведомости» откликнулись верноподданническими материалами и сообщениями, приглушили реакцию на заявление. Однако столкновения «Московских ведомостей» с Валуевым и с газетой «Северная почта» продолжались. 4 мая в № 95 «Московских ведомостей» редакцией было высказано мнение, что не всякое министерское распоряжение справедливо и непогрешимо. В ответ на это 6 мая последовало второе

предостережение газетс, а 7 мая — третье, одновременно и решение «приостановить продолжение означенного повременного издания на два месяца, за исключением казенных объявлений (Прибавлений, — М. С.) и всего, что издатели-редакторы обязаны печатать в „Московских ведомостях“ на основании пункта 3-го контракта, заключенного с правлением императорского Московского университета» (Северная почта, 1866, № 99, 11 мая). Отголоски того, что Суворин назвал в письме «третейским судом», находим в «Северной почте» и «Московских ведомостях». В «Распоряжении» Валуева от 14 мая дано разрешение продолжать издание «Московских ведомостей» под временной редакцией проф. Любимова, так как были приняты во внимание ходатайство правления университета и неудобства, «проистекающие от приостановления „Московских ведомостей“, для читающей публики в Москве, где нет другой ежедневной газеты, и в разных местностях, где издавна предпочтительно выписываются „Московские ведомости“» (Северная почта, 1866, № 105, 19 мая; см. также: Московские ведомости, 1866, № 99, 18 мая). 20 июня, как свидетельствует Н. А. Любимов, состоялось личное свидание Каткова с Александром II; он был обласкан царем, и ему было дано высочайшее разрешение на продолжение издания «Московских ведомостей» под старой редакцией (см.: Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889). Об этом газета известила подписчиков 25 июня (№ 132).

¹² Щебальский Петр Карлович (1810—1886) — историк, критик, публицист. В 1861 г. сотрудничал с Сувориным в «Русской речи», в середине 1860-х годов — в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» Каткова. Временным редактором «Московских ведомостей» был назначен не Щебальский, а Любимов (см.: Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889).

¹³ Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — министр народного просвещения (с 1866 г.).

¹⁴ Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882) — государственный деятель, оказывавший влияние на политику правительства в области культуры и образования.

16

«5 июня 1866».

Получили ли Вы, дорогой Михаил Федорович, письмо, посланное мною Вам с неделю, а может быть, и дней 10 тому назад.¹ Ради бога, уведоьте, хоть строчкой одной. У нас все по-прежнему: на этой неделе произведено много арестов, больше, чем в прежнее время, и сделано много обысков.² Говорят, что Каракозова будут судить или отдадут под суд 10 июня. Неизвестно, где будут судить — в судебной ли палате или назначат Верховный уголовный суд.³ Из нашей редакции арестовали Альбертини, благонамеренного из благонамеренных, заклятого врага не только «Русского Слова», но и «Современника».⁴ Я ездил в 3-е отделение, бумаг не выдают, в понедельник поеду опять.⁵ Все молят бога о том только, чтоб все скорее кончилось. Жить просто невыносимо самым спокойным и умеренным.

Ваш А. Суворин».

Датировка письма по почтовому штемпелю на конверте

¹ Суворин ревниво следил за получением адресатом писем, так как опасался активизировавшейся почтовой цензуры. Письмо, отправленное Сувориным, было получено Де-Пуле вовремя.

² В мае—начале июня было арестовано по подозрению в связях с Каракозовым много литераторов, сотрудников «Современника», «Русского слова», «Искры» (Василий и Николай Курочкины, В. А. Слепцов, Д. И. Минаев, Г. Е. Благовестов, П. А. Лавров, А. И. Европеус, его жена А. К. Европеус и др.).

³ По приказу Верховного уголовного суда Каракозов был казнен 26 сентября 1866 г.

⁴ Альбертини Николай Викентьевич (1826—1890) — публицист, сотрудник либеральных органов: «С.-Петербургских ведомостей», «Голоса», «Отечественных записок». В 1861 г. во время студенческих волнений он разрешил студентам устроить сходку на своей квартире и с тех пор находился под надзором полиции, был несколько раз арестован (по «делу 32-х», обвинявшихся в сношениях с эмигрантами, и по «делу» русской читальни в Гейдельберге), 15 лет провел в ссылке.

⁵ Вероятнее всего Суворин ездил в III отделение в надежде получить какие-то бумаги редакции «С.-Петербургских ведомостей» (он был в это время секретарем редакции газеты), которые были отобраны у Альбертини (вместе с его личными документами) при аресте. Нечто аналогичное было в те же дни при аресте В. А. Слепцова: среди его бумаг оказались и некоторые материалы редакции «Современника».

17

Дорогой Михаил Федорович, я получил оба Ваших письма, но на первое забыл ответить, и спешу исправиться.¹ Печатание листа «СПб. Ведомостей» стоит 50 руб., т. е. этой суммы стоит набор один, а печать по 3 руб. с тысячи. Примите, однако же, к сведению, что «СПб. Ведомости» печатаются в казенной типографии, да притом академической, где цены гораздо выше, чем в частных. Обыкновенная цена, которую берут типографии, если плата производится тотчас же по напечатании, — 30 коп. с тысячи букв, а сами типографии платят наборщикам 15 коп. с тысячи букв, т. е. берут 100 на сто. За набор газеты каждая типография возьмет, конечно, плату, как за работу постоянную. Принимая во внимание дешевизну машин, лучше всего иметь свою типографию — порядочно будет стоить, тысяч 15. Чтобы сделать нагляднее расчет, приведу в пример «Голос». Краевский делает так: он платит метранпажу 30 руб. с листа и уж ничего не знает — метранпаж хоть сам набирай весь номер; метранпаж нанимает наборщиков и рассчитывается с ними. Хоть «Голос» по набору не меньше «СПб. Ведомостей», но он стоит Краевскому вместе с печатанием рублей 36 за лист. Плата у нас — maximum 5, minimum 3, больше платится 4 коп., так что 5 коп. сделались исключением. Переводы — 1½ коп. В «Голосе» платит 5, 4, 3 и 2 коп., переводы 1 коп.

Относительно корреспондента я не могу ничего сказать, ибо никого не знаю, да не знаю, о чем и писать к Вам. Знаете ли Вы — «Весть» принадлежит кому? ² Любопытно.

Тансе Николаевне усердный поклон. У нас ждут возобновления земства на 19 февраля.³ Курьезная эта история вышла — когда-нибудь расскажу, или, бог даст, свидимся. Пришлите № 14 «Вилкенского» Вестника», где о Бессопове, у нас он затерялся, а может и совсем не получали, что случается.⁴ Корн готов перепечатать.

Ваш от всей души А. Суворкин».

10 февр<аля> <1867>.

Сувориным ошибочно указан 1866 г.; исправлено по почтовому штемпелю на конверте и содержанию письма.

¹ В связи с изданием М. Ф. Де-Пуле газеты «Виленский вестник» (с 1 ноября 1866 по 1 февраля 1868 г.) он просил Суворина поделиться опытом организации технической и финансовой стороны издания петербургских газет, а также найти для него петербургского корреспондента. Суворин с некоторым запозданием сообщает ему данные о «С.-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша и «Голоса» А. А. Краевского.

² Газета «Вестъ» (СПб., 1803—1870) издавалась В. Д. Скарятиним и Н. П. Юматовым; она выступала в защиту дворянства, вела борьбу с либеральной прессой.

³ Имеются в виду следующие факты. 14 января 1867 г. по высочайшему повелению были закрыты петербургские земские учреждения и подвергнуты репрессиям их активные деятели: Н. Ф. Крузе сослан в Оренбург, граф А. П. Шувалов выслан в Париж, а сенатору М. Н. Любощинскому велено было подать в отставку. Мотивировка в указе Сената от 20 января 1867 г. была следующей: «с самого открытия» эти учреждения действовали «не согласно с законами» (имелось, в частности, в виду недовольство земских учреждений законом от 21 ноября 1866 г. об ограничении права облагать сбором торговые и промышленные заведения, законом, сокращавшим материальные ресурсы земства и подрывавшим его самостоятельность), а также критиковали деятельность администрации, возбуждая тем самым недоверие и неуважение к правительству. Закрытие петербургских земских учреждений некоторые современники рассматривали как меру, предвещающую в будущем уничтожение земства вообще или подчинение его власти министрам и губернаторов (см., например, запись от 17 января 1867 г. в «Дневнике А. В. Никитенко» (т. III. М., 1956, с. 69)). Другие же (Суворин в том числе) надеялись на то, что закрытие — лишь временная мера, и в годовщину падения крепостного права, 19 февраля 1867 г., деятельность петербургского земства будет возобновлена. Однако восстановление произошло несколько позднее — в июле. Эти и подобные факты упомянул В. И. Ленин в своей работе «Гонители земства и аннибалы либерализма» (июнь 1901 г.). «Трагикомической эпопеей» назвал он эти эпизоды из истории земства: «... земство ходатайствует о расширении прав, а у земства неуклонно отбирают одно право за другим» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 36). Подробности о закрытии и возобновлении петербургских земских учреждений см. в кн.: Веселовский Б. История земства, т. 3. СПб., 1911, с. 119—125.

⁴ В «Виленском вестнике» (1867, № 14, 2 февраля) было опубликовано «Письмо к редактору «М. Ф. Де-Пуле», в котором высказывалась благодарность газете за «должное уважение» к Бессопову — автору книги «Наблюдения переходные» (М., 1861), много сделавшему для развития культурной жизни в Вильно.